Майкл МУРКОК

Вечный Герой

Хроника Эрекезе

Annotation

В книгу Майкла Муркока «Вечный Герой» вошли две части «Хроники Эрекозе» — «Вечный герой» и «Феникс в Обсидиановой стране». Читатель вновь встретится с еще одной ипостасью Великого Воителя — Героем по имени Эрекозе. Этот воин — одно из отражений уже знакомых персонажей Муркока: Корума, Хокмуна, Элрика. Читателя ждет увлекательнейшее повествование о приключениях Вечного Героя, о грандиозных битвах, кровавых поединках, верности и предательстве, ненависти и любви…

- Майкл Муркок
  - Пролог
  - Книга первая
    - Глава I
    - Глава II
    - Глава III
  - Книга вторая
    - Глава I
    - Глава II
    - Глава III
    - Глава IV
    - Глава V
    - Глава VI
    - Глава VII
    - Глава VIII
    - Глава IX
  - Книга третья
    - Глава I
    - Глава II
    - Глава III
    - Глава IV
    - Глава V
    - Глава VI
  - Книга четвертая

- Глава I
- Глава II
- Глава III
- Глава IV

Майкл Муркок
Феникс в обсидановой стране

Пролог

…Ярко освещенная равнина без конца и края. Песок цвета расплавленного красноватого золота. Бледно-пурпурное небо. И только двое на этой пустынной равнине: мужчина и женщина. Мужчина, облаченный в старые погнутые доспехи, высок и строен, но лицо его с заострившимися чертами выглядит усталым и изможденным. Женщина прелестна: тоненькая, черноволосая, в одеждах из синего шелка. Мужчину зовут Исарда из Танелорна. У женщины имени нет.

Женщина:

Что Время и Пространство для Руки, удерживающей Космическое Равновесие? Пыль, прах, не более. Вот Она вырвала из Времени этот нынешний Век, и что же? Он тоже пройдет и канет в Небытие. Хранители Закона ведут свою извечную войну с Повелителями Хаоса, и никто из них не может победить окончательно. Космическое Равновесие склоняется то в одну, то в другую сторону. И все вновь и вновь Рука уничтожает то, что сама же создавала, и начинает сызнова. И Земля меняется. Извечная Война — вот единственная постоянная в бесчисленных исторических циклах Земли, и она принимает самые невероятные формы и названия…

Исарда из Танелорна:

А что же люди, вовлеченные в эту борьбу? Удается ли им хоть когда-нибудь постичь истинную суть своих притязаний?

Женщина:

Разве что иногда…

Исарда из Танелорна:

А сможет ли мир наш хоть когда-нибудь в отдаленном будущем успокоиться и отдохнуть от бесконечных перемен?

Женщина:

Мы никогда этого не узнаем, ибо нам не суждено увидеть Того, кто направляет Руку…

И с а р д а *(растерянно):*
Но все же, хоть что-то в этом мире постоянно…

Ж е н щ и н а :
Даже Река Времени по воле Космической Руки может замедлить или изменить свое течение. Нам не дано знать, какие формы примет будущее, как не дано удостовериться в правдивости нашей собственной истории. Может быть, мы существуем лишь в данное мгновение? А может, мы бессмертны и будем существовать вечно? Ничего нельзя утверждать с полной уверенностью, Исарда. Все знание — иллюзия, а цель его — в бессмысленности, бесцельности мира; и сам этот мир — просто звук, осколок, фрагмент некоей мелодии, заключенной в какофонию бряцающих аккордов. Все течет. Материя подобна этим вот драгоценным камням. (Женщина швыряет пригоршню сверкающих камней на золотистый песок, они рассыпаются вокруг. Когда последний из камней замирает, она поднимает глаза на мужчину.) Иногда они образуют некий узор, некую значимую форму, но чаще никакой. Точно так же обретает форму и любой момент Времени. Вот сейчас мы стоим с тобою здесь, беседуем. Но в любую секунду то, что составляет нашу сущность, может вновь рассыпаться, исчезнуть.

И с а р д а :
Нет, не рассыплется — если мы тому воспротивимся! Легенды рассказывают о людях, которые сумели обуздать Хаос, усилием своей воли заставили его принять конкретную форму. Твою страну создала Рука Оби, да и тебя самое тоже — как побочный продукт…

Ж е н щ и н а *(задумчиво):*
Может, и есть такие люди… Но они действуют против воли Того, кто их создал.

И с а р д а *(немного помолчав):*
Ну и что, даже если они и есть? Что они могут сделать?

Ж е н щ и н а :
Не знаю. Но я им не завидую.

И с а р д а *(очень тихо, глядя вдаль на золотистую равнину):*
Я тоже.

Ж е н щ и н а :
Говорят, что твой город Танелорн существует вечно. Говорят, это результат деятельности некоего Героя, благодаря которому город сумел невредимым пройти через все трансформации Земли. И еще говорят, что даже самый забитый и жалкий народ может обрести в Танелорне мир, покой и величие.

И с а р д а :
Но ведь известно, что такой народ сперва должен обрести волю, стремление к миру; только тогда его представители смогут отыскать Танелорн.

Ж е н щ и н а *(потупя взор):*
Не многим суждено это…

(«Хроника Черного Меча», том 1008, манускрипт XIV: «Расплата Исарды»)

Книга первая
ПРЕДЧУВСТВИЯ

Вчера всю ночь молился я
В агонии, в тоске и в муке.
То вскакивал, то падал вновь,
Гонимый сонмом страшных духов,
И призраков, и горьких дум,
Меня терзавших бесконечно:
То мрачный свет, то вопли толп,
То ощущенье зла без меры
Преследовали до утра…
Такое выдержать смогли бы
Лишь те, кого еще вчера
Я презирал! Возмездья жажда
По-прежнему в груди горела;
Но бессилье воли
Не позволяло утолить ее…
Желанья, страсти, отвращенье
К вещам чудовищным и диким
Обуревали. Страсти и стремленья,
Ужасные фантазии, виденья
С ума сводили. Но все поглотили
Позор и стыд за те деянья,
Что совершил и что хотел бы скрыть,
Да тщетно, ибо сам не знал:
Я автор их иль сам их жертва…
И все напоминало мне
О сожаленье, о вине…
Моей? Иль чьей? Не ведал я…
Но страх ужасный, стыд тягчайший
Меня душили…

С. Т. Кольридж. «Муки сна»

Глава I
О том, как возродилась Земля

Я познал горе, и я познал любовь, и, мне кажется, я знаю, что такое смерть, хотя и говорят, что я бессмертен. Мне не раз повторяли, что у меня особая Судьба, но какова она, я не знаю. Я знаю лишь, что навечно обречен быть игрушкой случая и совершать жалкие поступки.

Мое имя Джон Дэйкер. Есть у меня, вероятно, и другие имена. Некогда меня звали Эрекозе, Вечный Герой, и именно под этим именем я уничтожил человеческую расу, ибо она предала то, что я почитал своим идеалом, ибо я любил женщину другой расы, расы, которую я считал гораздо более благородной, расы, которая называлась элдрены. Женщину звали Эрмизад, и она не могла родить мне детей.

И вот, уничтожив собственный народ, я почувствовал себя счастливым.

Вместе с Эрмизад и ее братом Арджавом я правил элдренами, прекрасным и благородным племенем, существовавшим на Земле задолго до того, как там появился человек.

Те сны, что часто посещали меня ночами в первые годы жизни в этом мире, теперь тревожили меня все реже и реже, а проснувшись, я уже ничего не помнил. Когда-то сны эти ужасали меня, принуждая думать, что я сошел с ума. В них я пережил тысячи перевоплощений, всякий раз выступая в роли какого-нибудь воителя; но так и не узнал, какое из этих воплощений — мое истинное. Раздираемый самыми противоречивыми чувствами, чудовищными стрессами, я действительно некоторое время был почти безумен, ныне я это знаю точно.

Но теперь я свободен от былого безумия и посвятил себя восстановлению красоты, которую сам же разрушил во время своих военных кампаний в разных уголках Земли, сначала в качестве Героя и Защитника людей, а потом — элдренов.

Там, где когда-то прошли армии, мы посадили цветы и кустарники. Там, где когда-то высились башни городов, мы стали выращивать леса. И Земля вновь обрела покой и красоту.

И моя любовь к Эрмизад все более крепла.

Теперь я с любовью воспринимал каждую новую черточку ее характера, открывшуюся мне.

На Земле вновь воссияла гармония. И Эрекозе, Вечный Герой, Вечный Защитник, и Эрмизад, Великая Принцесса элдренов, были отражением этой гармонии.

Страшное, чудовищное оружие, которое мы использовали, дабы победить человечество, было теперь надежно спрятано, и мы поклялись никогда более не прикасаться к нему.

Города элдренов, стертые с лица Земли армиями людей (когда я предводительствовал ими), были теперь восстановлены, и ныне там на площадях играли и пели дети элдренов, а на улицах и террасах домов цвели цветы. Пышная растительность скрыла все шрамы, нанесенные Земле армиями людей. И элдрены забыли об этой расе, когда-то пытавшейся уничтожить их.

Только я помнил о людях, потому что люди когда-то призвали меня в этот мир для борьбы с элдренами. Но я предал человечество — и все мужчины, женщины и дети погибли. Река Друнаа стала тогда алой от их крови. И хотя она уже давно очистила свои воды, они не могли смыть чувства вины, которое все же временами меня охватывало.

И тем не менее я был счастлив. Мне казалось, что я никогда еще прежде не знал такого мира в душе, такого покоя.

Мы бродили с Эрмизад по улицам и крепостным стенам Лус Птокаи — столицы элдренов и никогда не уставали от общества друг друга. Иной раз мы пускались в обсуждение какой-нибудь тонкой философской проблемы, иной раз просто сидели в молчании, наслаждаясь напитанным ароматами цветов воздухом.

А если бывало подходящее настроение, один из изящных элдренских кораблей уносил нас в иные края, дабы мы могли познать тамошние чудеса. Мы посетили Равнины Тающих Льдов, Горы Скорби, протянувшиеся на сотни миль леса и высокие холмы, долины Некралалы и Завары — земли, где некогда обитала человеческая раса. Но иногда меня охватывала непонятная меланхолия, и тогда мы ставили паруса и направляли свой корабль к третьему континенту Земли, южному континенту, именовавшемуся Мернадин, где с древнейших времен обитали элдрены.

Эрмизад старалась успокоить меня, помочь мне отогнать тяжкие воспоминания, избавиться от чувства стыда.

— Ты ведь знаешь, я верю в то, что все это было предопределено, — говорила она, гладя меня по щеке своей мягкой ладонью. — Человеческая раса стремилась уничтожить нашу. И это стремление погубило их. А ты был только орудием в руках Судьбы.

— И все же, — отвечал ей я, — разве я не обладаю свободой воли? Разве не было другого решения этой проблемы, кроме учиненного мной геноцида? Ведь раньше я надеялся, что человечество и элдрены могут жить в мире…

— И ты старался осуществить эту мечту. Но они и слушать об этом не желали! Они и тебя хотели уничтожить, точно так же, как и всех элдренов. Не забывай, что это им почти удалось, Эрекозе!

— Иной раз, — признавался я ей, — мне хочется вернуться в мир Джона Дэйкера. Когда-то мне казалось, что тот мир — чересчур сложный и тесный. Теперь же я понимаю, что в любом из миров существует то, что я более всего ненавижу, пусть даже в иных формах. Циклы Времени могут меняться, Эрмизад, но сущность человека — никогда. А именно эту сущность я и надеялся изменить. И проиграл. Видимо, такова моя судьба — пытаться изменить саму сущность Человечества — но безуспешно…

Однако, Эрмизад не принадлежала к человеческой расе и не могла до конца понять меня, хотя и старалась, и сочувствовала мне. Это было единственное, чего она не могла понять.

— Твоя раса обладала многими достоинствами, — говорила она. И сразу замолкала, хмурясь, не в силах высказать, что хотела.

— Да, но их достоинства превратились в свою противоположность. Так всегда с людьми. Юноша, ненавидящий бедность и убожество, стремился изменить мир к лучшему, но в итоге уничтожал то, что было прекрасно. Видя, как одни люди гибнут в нищете и отчаянии, он убивал других. Видя голод, он уничтожал урожай. Ненавидя тиранию, он душой и телом предавался величайшему тирану — войне. Ненавидя беспорядок, он изобретал разные способы его уничтожения, но в результате лишь привносил еще больший хаос. Любя мир, он подавлял знание, запрещал искусство, провоцировал конфликты и столкновения. Такова вся история Человечества — это непрекращающаяся трагедия, Эрмизад.

И в ответ она тихо целовала меня и замечала:

— И теперь сыгран последний акт этой трагедии.

— Да, кажется, так. Ибо элдрены умеют жить в мире и спокойствии и сохранять свою жизненную силу. И все же мне иной раз кажется, что эту трагедию все еще играют — может быть, тысячи раз, в разных постановках. Но любая трагедия требует актеров на главные роли. Может быть, я один из них. Может быть, я вновь буду призван играть свою роль. И, может быть, моя жизнь с тобой — лишь антракт между двумя сценами…

На такие мои заявления она никогда ничего не отвечала. Лишь обнимала меня, стараясь успокоить своими легкими поцелуями.

Птицы с ярким оперением и грациозные дикие животные резвились теперь там, где когда-то жило и развивалось Человечество, где люди били в свои барабаны, созывая всех на битву. Но в густых зеленых лесах и по холмам, поросшим травой, бродили призраки. Призрак Иолинды, которая когда-то любила меня, призрак ее отца, несчастного и слабого короля Ригеноса, который искал моей помощи, призрак графа Ролдеро, Главного Маршала армий Человечества, призраки других людей, которые погибли по моей вине.

И все-таки я не по собственному выбору попал в этот мир и поднял меч Вечного Защитника Человечества, надев доспехи Эрекозе и встав во главе армий, чтобы в итоге понять, что элдрены — вовсе не Псы Зла, как утверждал король Ригенос, что они, по сути дела, жертвы ненасытной ненависти людей…

Не по собственному выбору…

В сущности, именно эти слова более всего преследовали меня в периоды меланхолии.

Но с течением лет такое настроение охватывало меня все реже и реже. Эрмизад и я вовсе не старели и по-прежнему страстно любили друг друга.

Эти годы были заполнены учеными беседами, весельем, смехом, созерцанием прекрасного, любовью. Один сезон незаметно сменял другой, пока не истекло примерно столетие.

И тогда внезапно Призрачные Миры — странные миры, что вольно существуют во Времени и Пространстве, иногда пересекая путь известной нам Вселенной, — вновь оказались рядом с Землей.

Глава II
О нарастающей угрозе

Принц Арджав был братом Эрмизад. Красавец, воплотивший в себе лучшие черты элдренской расы, с золотистой кожей и чуть раскосыми светло-голубыми глазами на узком лице, он испытывал ко мне ту же любовь и уважение, что и я к нему. Его мудрость и широта взглядов часто поражали меня. И еще он всегда смеялся, всегда был в превосходном настроении.

Поэтому я был крайне удивлен, зайдя однажды в его лабораторию и увидев, что он недовольно хмурится.

Он поднял на меня глаза, оторвавшись от своих вычислений, и попытался изменить выражение лица, но я уже понял, что он чем-то весьма озабочен, вероятно, каким-то открытием, которое сделал во время своих исследований.

— Что с тобой, Арджав? — спросил я как бы между прочим. — Что это у тебя, астрономические атласы? Неужели Лус Птокаи угрожает какая-нибудь планета и надо готовить город к эвакуации?

Он улыбнулся и отрицательно качнул головой:

— Ничего подобного. И вообще, ничего особенного не случилось. Я вовсе не уверен, что нам следует чего-то опасаться, однако, видимо, следует принять некоторые меры предосторожности, ибо Призрачные Миры вскоре вновь соприкоснутся с нашим миром.

— Но ведь Призрачные Миры не могут причинить элдренам вреда. В былые времена у вас там даже были союзники и друзья.

— Да, правда. Однако в последний раз их контакт с Землей совпал с твоим появлением здесь. Может быть, это просто случайное совпадение. А может, ты пришел именно из Призрачных Миров, а поэтому Ригенос и смог тебя вызвать.

Я нахмурился, размышляя.

— Я понимаю твою озабоченность. Ты беспокоишься за меня.

Арджав молча кивнул в ответ.

— Говорят, что человеческая раса тоже явилась сюда из Призрачных Миров, так? — я посмотрел ему прямо в глаза.

— Да, так считают некоторые…

— У тебя есть какие-нибудь конкретные опасения на мой счет? — спросил я.

— Нет, — ответил он со вздохом. — Хотя элдрены и придумали, как преодолевать пространства, отделяющие Землю от Призрачных Миров, мы, в сущности, никогда эти средства как следует не испытывали. В те времена наши сношения с этими мирами в силу необходимости были краткими, да и общались мы лишь с теми их обитателями, что родственны элдренам.

— Так ты опасаешься, что меня отзовут в тот мир, откуда я прибыл? — резко спросил я. Мне была невыносима сама мысль о разлуке с Эрмизад, со спокойным, прекрасным миром элдренов.

— Не знаю, Эрекозе.

К чему мне было снова становиться Джоном Дэйкером?

Хотя я лишь смутно припоминал свою жизнь в том мире в эпоху, которую почему-то называл двадцатым веком, я был уверен в том, что там мне покоя больше не видать; где-то в глубине моей души жила полная неудовлетворенность тамошней моей жизнью и всем, что меня там окружало. Мои естественные романтические наклонности, мои увлечения (которые я, кстати, вовсе не считаю своими достоинствами, поскольку именно они заставили меня совершать поступки, о которых я уже рассказал) в тамошнем окружении безжалостно подавлялись самим обществом и теми функциями, которые я вынужден был исполнять, чтобы заработать на жизнь. Там, среди мне подобных, я куда чаще чувствовал себя не в своей тарелке, нежели здесь, среди представителей чужой расы. У меня было такое ощущение, что легче покончить с собой, чем вернуться в мир Джона Дэйкера, даже если я о нем мало что теперь помню.

Но, с другой стороны, Призрачные Миры могли не иметь ко мне ни малейшего отношения. Они вполне могли принадлежать даже к иной Вселенной, где никогда не бывали люди (хотя в научных трудах элдренов ничего на этот счет не упоминалось).

— А мы больше ничего не можем о них узнать? — спросил я принца Арджава.

— Я продолжаю вести наблюдения. Это все, что я могу в данный момент сделать.

В мрачном настроении я покинул его лабораторию и направился в покои, где меня ожидала Эрмизад. Мы собирались отправиться верхом

по знакомым местам в окрестностях Лус Птокаи. Однако, войдя к ней, я прямо с порога объявил, что у меня неподходящее для прогулки настроение.

Увидев, что я встревожен, она сказала:

— Снова вспомнил то, что произошло сто лет назад, Эрекозе?

Я покачал головой. Потом рассказал ей о результатах наблюдений Арджава.

Она тоже задумалась.

— Это, вероятно, было просто совпадение, — произнесла она наконец. Но уверенности в ее тоне не было. Более того, в глазах появился испуг.

Я обнял ее.

— Я умру, если тебя разлучат со мной, Эрекозе, — тихо сказала она.

У меня перехватило дыхание. Губы вдруг стали сухими.

— Если это случится, — ответил я, — я буду искать тебя повсюду, пусть на это уйдет хоть целая вечность. И я найду тебя, Эрмизад!

— Неужели ты так сильно любишь меня, Эрекозе? — изумленно спросила она.

— Еще сильнее, чем прежде, Эрмизад!

Она чуть отстранилась, продолжая сжимать мои руки. И ее, и мои пальцы дрожали. Она попыталась улыбнуться, стряхнуть с себя овладевшие ею страшные предчувствия, но тщетно.

— Тогда что ж! Тогда нам нечего бояться! — воскликнула она.

Но этой ночью, когда я уснул подле нее, прежние сны, досаждавшие мне еще в бытность мою Джоном Дэйкером и потом, в первые годы моего пребывания в этом новом мире, вновь вылезли из дальних закоулков моего сознания и завладели мною.

Сначала никаких образов не возникало. Только имена. Длинный список имен, которые нараспев произносил чей-то гулкий голос, в котором явственно звучала насмешка.

Корум Джайлин Ирси. Конрад Арфлейн. Аскиоль из Помпеи. Урлик Скарсол. Обек из Канелуна. Шалин. Артос. Элрик. Эрекозе…

Я попытался прервать этот речитатив. Я пытался крикнуть, что я Эрекозе и только Эрекозе. Но голос не повиновался мне.

А речитатив все звучал и звучал:

Райан. Хокмун. Пауэйс. Корнелиус. Брайан. Умпата. Соджан. Клан. Хлодвиг. Марка. Пурнакас. Ошбек-Уи. Улисс. Илант.

И наконец раздался мои собственный, голос:

— НЕТ! Я — ЭРЕКОЗЕ!

— Вечный Защитник… Солдат судьбы…

— НЕТ!

— Элрик. Илант. Меджинк-Ла-Кос. Корнелиус.

— НЕТ! НЕТ! Я УСТАЛ! Я НЕ МОГУ БОЛЬШЕ СРАЖАТЬСЯ!

— Твой меч. Твои доспехи. Твои боевые знамена. Огонь. Смерть. Разрушение.

— НЕТ!

— Эрекозе!

— ДА! ДА!

Я кричал. Я был весь мокрый от пота и уже сидел на постели.

Но звал меня теперь голос Эрмизад.

Задыхаясь, я упал на подушки, и она обняла меня.

— Опять эти сны? — спросила она.

— Да. Они вернулись.

Я прижался лицом к ее груди и заплакал.

— Это еще ничего не значит, — сказала она. — Это просто ночной кошмар. Ты боишься, что нас разлучат, и твой мозг реагирует на это. Только и всего.

— Правда, Эрмизад?

Она погладила меня по голове.

Я поднял глаза, пытаясь разглядеть в темноте ее лицо. На нем застыло напряженное выражение. В голубых ее глазах стояли слезы.

— Правда?

— Да, любовь моя. Это правда.

Но я знал, что точно такое же чувство нарастающей угрозы, какое сжимало мне сердце, теперь поселилось и в ее душе.

Более мы в ту ночь не спали.

Глава III
О некоем странном посещении

Наутро я сразу отправился в лабораторию принца Арджава и рассказал ему о голосе, который преследовал меня во сне.

Было видно, что он очень огорчен и расстроен, но явно ничем не может мне помочь.

— Если этот голос был просто ночным кошмаром, а я склонен полагать, что он таковым и является, тогда я мог бы предложить тебе лекарство, которое дает сон без сновидений, — сказал он.

— А если нет?

— Тогда я бессилен.

— Стало быть, этот голос из Призрачных Миров?

— Невозможно сказать наверняка. Может быть, то, что я сообщил тебе вчера, вызвало реакцию в твоем мозгу, и это, в свою очередь, позволило «голосу» снова вступить с тобой в контакт. Весьма вероятно, что тот покой души, который ты здесь обрел, раньше не позволял ему достичь тебя. А сейчас, когда ты взволнован, когда твой мозг снова возбужден, тот, кто хочет с тобой связаться, — кем бы он ни был — вновь имеет возможность сделать это.

— Мне от всех этих предположений не легче, — заметил я.

— Я понимаю, Эрекозе. Лучше бы ты вообще не приходил сюда. Тогда бы ты даже и не узнал о приближении Призрачных Миров. Да и мне не следовало рассказывать тебе об этом…

— Какая теперь разница, Арджав?

— Кто знает, кто знает…

— Лучше дай мне то лекарство, о котором ты говорил, — я протянул руку. — Давай, по крайней мере, проведем опыт: сможет ли мой мозг с его помощью справиться с этим голосом.

Он молча подошел к сверкающей хрустальной шкатулке, поднял крышку и достал из нее маленький кожаный мешочек.

— Здесь порошок. Вечером высыпь его в бокал с вином и выпей все до дна.

— Спасибо, — поблагодарил я, забирая мешочек.

Он немного помолчал, потом снова заговорил:

— Эрекозе, если ты исчезнешь отсюда, мы тотчас же отправимся тебя искать. Тебя любят все элдрены, и мы не хотим тебя потерять. И если тебя вообще можно будет найти в необозримых просторах Времени и Пространства, мы найдем тебя!

Это заявление меня несколько ободрило. Но все равно это уж слишком напоминало прощание! Словно Арджав уже примирился с тем, что я их покину!

Весь остаток дня мы с Эрмизад бродили по парку, держась за руки. Мы мало говорили и лишь все крепче сжимали ладони, не осмеливаясь глядеть друг другу в глаза, боясь увидеть там горе.

С галерей дворца доносились звуки чудесной музыки — то были творения великих элдренских композиторов. Их по просьбе принца Арджава исполняли придворные музыканты. Музыка была прекрасна — светлая, полная гармонии, обволакивающая сознание. Владевшее мною напряжение даже немного ослабло.

Золотистое солнце, огромное, горячее, висело в бледно-голубом небе. Его лучи играли на прекрасных цветах, в изобилии росших вокруг и наполнявших парк дивными красками и обилием ароматов, на деревьях и обвивавших их лианах, на белых стенах, окружавших дворцовый парк.

Потом мы поднялись на крепостную стену и долго стояли там, глядя на окрестные холмы и равнины. В отдалении паслись стада диких оленей. Над ними лениво пролетали птицы.

Не мог я покинуть всю эту красоту и вернуться обратно — в шумный и грязный мир, который я некогда покинул, к убогой жизни Джона Дэйкера!

Настал вечер. Воздух звенел от голосов птиц и был наполнен густым ароматом цветов. Мы медленно пошли назад во дворец, по-прежнему крепко держась за руки.

Я поднимался по ступеням, словно приговоренный к казни. Вошел в свои покои и разделся, отстраненно размышляя о том, придется ли мне когда-нибудь еще носить столь прекрасные одежды. Лежа в постели, пока Эрмизад готовила мне снотворное питье, я молился о том, чтобы утром проснуться не в квартире Джона Дэйкера, не в том городе, где он жил.

Я смотрел на украшенный резьбой потолок спальни, на великолепные гобелены, на вазы, полные цветов, на изысканную

мебель, пытаясь навсегда запечатлеть все это в своей памяти, как в ней навсегда было запечатлено прекрасное лицо Эрмизад.

Она поднесла мне бокал с вином. Я глянул в ее полные слез глаза и залпом проглотил питье.

Это было прощание. Прощание, о котором мы боялись даже упомянуть.

Почти сразу же я провалился в глубокое забытье. И сперва решил, что Арджав и Эрмизад правы и этот голос был просто результатом моего перевозбуждения.

Не знаю, который был час, когда я внезапно пробудился от сна. Я еще плохо соображал, сознание едва работало. Мне казалось, что мой мозг обернут несколькими слоями бархата, черного бархата, который не пропускает никаких звуков, за исключением все того же голоса, доносившегося словно очень издалека.

Я не разбирал слов. Мне кажется, я даже улыбнулся, решив, что лекарство все же помогло и защитило меня от того, кто пытался вызвать меня и увлечь неведомо куда. Голос между тем звучал все настойчивее, но пока что я мог попросту не обращать на него внимания. Я потянулся и погладил Эрмизад, спавшую рядом.

А голос продолжал звать. Я по-прежнему игнорировал его. Я чувствовал, что, если смогу продержаться эту ночь, голос прекратит свои попытки докричаться до меня. И тогда я обрету уверенность в том, что ничто не сможет вырвать меня из этого мира, где я нашел любовь и покой души.

Голос пропал, и я снова уснул, сжимая Эрмизад в объятиях и лелея в душе смутную надежду.

Но через некоторое время голос возник опять. Я по-прежнему старался его не слушать. Потом голос затих, и я погрузился в тяжелый сон.

Должно быть, часа за два до рассвета я вновь услышал шум, но на сей раз не в собственной голове, а в комнате, рядом с собой. Я открыл глаза, думая, что это встала Эрмизад. Вокруг было еще темно. Я почти ничего не видел. Но Эрмизад по-прежнему спала рядом. Потом снова послышался шум. Как будто ножны меча задели за латную поножь. Я резко сел. Спросонья глаза мои все еще ничего не видели, голова была

тупая — действие лекарства еще не прошло. Моргая, я уставился в глубину комнаты.

И тут я увидел какую-то фигуру.

— Кто ты? — спросил я недовольным, ворчливым тоном. Может, это кто-то из слут? В Лус Птокаи не было воров, как не существовало и угрозы стать жертвой убийцы.

Человек не ответил. Он не отрываясь смотрел на меня. Постепенно мои глаза привыкли к темноте, и я разглядел, что это не элдрен.

У пришельца была внешность варвара, хотя его одежды были богатыми и прекрасного покроя. Огромный, странный шлем, а в нем, словно в стальной раме, тяжелое бородатое лицо. Широкая грудь защищена нагрудником, столь же искусно украшенным, как и шлем. Поверх доспеха надета толстая куртка без рукавов, видимо из овчины. Короткие штаны из блестящей кожи расшиты золотом и серебом. Наголенники украшены таким же узором, что и нагрудник. Обут человек был в сапоги из такой же лохматой овчины, что и его куртка.

У пояса висел меч.

Фигура не двигалась, продолжая смотреть на меня из-под своего странного высокого шлема горящими глазами. В них ясно читался настоятельный призыв.

Это существо явно не принадлежало к миру элдренов. Однако и к подданным короля Ригеноса — даже если кто-то из них случайно избежал моей мести — его отнести было нельзя. Странное существо. И одеяние у него странное — Джон Дэйкер не помнил ни одного исторического периода, к какому оно могло бы относиться.

Может быть, он пришел из Призрачных Миров?

Если так, то его внешность резко отличалась от внешности тех обитателей Призрачных Миров, которые когда-то оказали помощь Эрмизад, когда та была пленницей короля Ригеноса.

— Кто ты? — повторил я.

Пришелец попытался ответить, но явно не смог.

Он поднял обе руки к шлему. Снял стальной колпак и отбросил с лица длинные черные волосы. Потом придвинулся ближе к окну.

И тут я увидел его лицо и узнал его.

Это было мое собственное лицо.

Я весь съежился. Никогда еще не испытывал я такого всепоглощающего ужаса. Да и потом, после этой встречи — тоже никогда.

— Чего ты хочешь? — закричал я. — Чего тебе нужно?

Какая-то часть моего взбаламученного сознания, насколько я помню, кажется, еще пыталась понять, почему не просыпается Эрмизад, почему она продолжает мирно спать рядом со мной.

Человек пошевелил губами, будто отвечая мне, но я не услышал ни звука.

Может быть, это все-таки сон? Кошмар, вызванный тем снотворным? Если так, то лучше пусть меня преследует тот голос.

— Убирайся отсюда! Уходи!

Пришелец сделал какой-то странный жест, смысла которого я совершенно не понял. Губы его опять зашевелились, но до меня не донеслось ни слова.

Крича от ужаса, я спрыгнул с постели и бросился на это существо с моим собственным лицом. Но пришелец лишь с удивлением от меня отодвинулся.

В этом элдренском дворце не было ни единого меча, иначе я бы бросился на него с оружием. Кажется, у меня даже мелькнула безумная мысль попытаться завладеть его собственным мечом…

— Уходи! Убирайся!

Я споткнулся обо что-то и упал на плиты пола, продолжая дрожать от ужаса и кричать этому призраку, который по-прежнему не отрываясь смотрел на меня, чтоб он убирался прочь. Мне удалось подняться, и я снова бросился на него и снова упал. Я падал, падал, падал…

И когда я наконец почувствовал под собой твердь, голос вновь возник у меня в ушах, заполнив всю мою душу. Теперь в нем звенела радость, даже триумф.

— УРЛИК! — кричал он. — УРЛИК СКАРСОЛ! УРЛИК! УРЛИК! ЛЕДОВЫЙ ГЕРОЙ, ПРИДИ К НАМ!

— НИКОГДА!

Теперь я уже не отрицал, что это тоже мое имя. Я лишь пытался отделаться от тех, кто звал меня. Я все бежал, спотыкаясь

и наталкиваясь на какие-то углы, по коридорам Вечности, все еще пытался вернуться — к Эрмизад, в мир элдренов…

— УРЛИК СКАРСОЛ! ГРАФ БЕЛОЙ ПУСТЫНИ! ВЛАДЫКА ЛЕДЯНОГО ЗАМКА! ПРИНЦ ЮЖНЫХ ЛЬДОВ! ХОЗЯИН ЧЕРНОГО МЕЧА! ОН ПРИБУДЕТ, ВЕСЬ В МЕХАХ И В СТАЛИ, НА КОЛЕСНИЦЕ, ВЛЕКОМОЙ МЕДВЕДЯМИ, СВЕРКАЯ ЧЕРНОЙ БОРОДОЙ! ОН ПРИБУДЕТ, ЧТОБЫ ПОТРЕБОВАТЬ СВОЙ КЛИНОК И ПОМОЧЬ СВОЕМУ НАРОДУ!

— НИКАКОЙ ПОМОЩИ ВЫ ОТ МЕНЯ НЕ ПОЛУЧИТЕ! НЕ НУЖЕН МНЕ НИКАКОЙ КЛИНОК! ДАЙТЕ МНЕ СПАТЬ! МОЛЮ ВАС, ДАЙТЕ МНЕ СПАТЬ!!!

— ПРОБУДИСЬ, УРЛИК СКАРСОЛ! ТОГО ТРЕБУЕТ ПРЕДСКАЗАНИЕ!

И перед моим взором возникли видения. Какие-то бессвязные отрывки. Я видел города, высеченные из цельных базальтовых скал, из огромных кусков обсидиана, на берегах неподвижных морей, под мрачным багрово-синим небом. Я видел море, похожее, скорее, на темно-серый мрамор с черными прожилками, и понимал, что это по его поверхности плывут гигантские льдины.

Видения эти наполнили мою душу глубокой печалью — не потому, что они были странными или незнакомыми, а, наоборот, потому что я все это уже когда-то видел.

И я понял наконец, что меня снова зовут на бой, хотя я уже до смерти устал от сражений…

Книга вторая
ПУТЬ ГЕРОЯ

Доспехи воинов сияют серебром,
Народ в шелках беспечно смотрит вдаль.
А вот Герой — на колеснице медной
Вперед стремится, погружен в печаль…

«Хроника Черного Меча»

Глава I
Ледяная пустыня

Я все продолжал куда-то двигаться, но уже не так быстро. Меня больше не крутило, словно в водовороте. Я медленно продвигался вперед, хотя и не прилагал к этому ни малейших усилий.

Зрение мое прояснилось. То, что предстало перед моими глазами, было вполне реальным и конкретным, хотя и не давало никаких надежд. Как утопающий хватается за соломинку, я еще пытался уверить себя, что все это мне снится, но окружающее убеждало меня в обратном. Так же, как когда-то Джон Дэйкер был помимо собственной воли призван в мир элдренов, точно так же Эрекозе теперь был призван в этот иной чуждый мир.

Теперь я знал, как меня зовут. Это имя повторяли мне множество раз. Но я и без того помнил его, словно оно всегда было моим. Я звался Урлик Скарсол из Южных Льдов.

Увиденное мной лишний раз подтверждало, что меня зовут именно так. Вокруг был мир сплошных льдов. Вдруг я вспомнил, что уже посещал другие ледяные миры — в разных своих воплощениях — и теперь сразу понял, где очутился. Я был на умирающей планете. В небе надо мной висело маленькое красноватое солнце. Умирающее солнце. Без сомнения, это была Земля, но Земля в самом конце очередного цикла своего существования. Джон Дэйкер назвал бы это своим отдаленным будущим, однако я давно уже оставил всякие попытки определить точно, что есть «прошлое» и что «будущее». И если Время было моим врагом, то это был враг без формы и обличья, враг, которого я не мог видеть, враг, с которым я не мог сражаться.

Я ехал на колеснице, богато отделанной серебром и бронзой. Ее тяжелые украшения напоминали отделку доспехов моего бессловесного ночного посетителя. Ее огромные, окованные железом колеса были установлены на лыжи, сделанные, по-видимому, из черного дерева. Колесницу по льду тащили четыре странные существа. Они напоминали белых медведей, что обитали в мире Джона Дэйкера, но были крупнее и с более длинными лапами. Они двигались прыжками, но с удивительной быстротой. Я стоял на колеснице, держа

в руках вожжи. Рядом со мной стоял сундук, словно специально изготовленный для этой колесницы. Он был сделан из какого-то тяжелого дерева и богато украшен серебром. Углы обиты железными скрепами. Он был заперт на тяжелый железный замок, а в центре крышки торчала огромная ручка. Вся поверхность сундука была украшена черными, коричневыми и синими эмалями, изображающими драконов, воинов, деревья и цветы, переплетавшиеся между собой. Вокруг замка вилась надпись, выполненная руническими письменами. К величайшему своему удивлению, я легко ее прочел. Надпись гласила: «Сундук сей принадлежит графу Урлику Скарсолу, Владетелю Ледяного Замка». На борту колесницы справа от сундука висели три тяжелых кольца, и в них было закреплено тяжелое боевое копье, отделанное серебром и бронзой. Оно было по меньшей мере семи футов в длину и венчал его огромный, варварски иззубренный наконечник из сияющей полированной стали. По другую сторону сундука был закреплен тяжелый боевой топор с рукоятью, отделанной под стать копью серебром и бронзой. Я ощупал свой пояс. Меча на мне не было. Зато на поясе висел кошель, да на правом бедре болтался ключ. Я снял его с пояса и внимательно осмотрел. Потом наклонился к сундуку и с некоторым трудом (поскольку колесница все время раскачивалась на неровностях льда) вставил ключ в скважину замка, повернул его и откинул крышку. Я ожидал увидеть там меч.

Но меча в сундуке не оказалось — только запасная одежда, провизия и прочее в том же роде, что нужно человеку, пускающемуся в длительное путешествие.

Я горько усмехнулся. Да, я проделал длительное путешествие. Я захлопнул крышку, запер замок и повесил ключ на пояс.

И тут я обратил внимание на свои одежды. На мне был богато украшенный железный нагрудник, куртка из грубой толстой шкуры, кожаный камзол, кожаные же штаны, железные наголенники, украшенные тем же орнаментом, что и нагрудник, и сапоги, видимо, из того же материала, что и куртка, похожего на овчину. Я поднял руку к голове и ощутил под пальцами металл. Это был шлем, украшенный каким-то сложным переплетающимся рельефным узором.

С растущим чувством ужаса я ощупал собственное лицо. Черты его были все теми же, знакомыми, но верхнюю губу украшали теперь густые усы, а щеки покрывала огромная борода.

Тут я вспомнил, что видел в сундуке зеркало. Я схватил ключ, отпер замок, откинул крышку и, порывшись, извлек оттуда зеркало. Оно было не из стекла, а из хорошо отполированного серебра. С минуту я еще колебался, но потом решительно поднес зеркало к лицу.

И увидел лицо и шлем моего ночного посетителя. Призрак, явившийся ко мне ночью, теперь снова смотрел на меня.

Только теперь я сам был этим призраком.

Со стоном, ощущая в душе гнетущее отчаяние, которое не в силах был превозмочь, я уронил зеркало в сундук и захлопнул крышку. Рука моя невольно ухватилась за древко копья, и я с такой силой сжал его, что просто удивительно, как оно не сломалось.

Итак, я был один в этих ледяных просторах, под этим мрачным небом, один, терзаемый страшными мучениями, оторванный от единственной женщины, которая могла успокоить мой мятущийся дух, от того единственного мира, где я ощущал себя свободным и счастливым. Я чувствовал себя так, словно сходил с ума, словно безумец, который счел было, что вылечился, но вдруг осознал, что страшный недуг вновь затягивает его в свои бездны.

Я закричал. Дыхание вырвалось изо рта плотным облаком и заклубилось в какой-то странной судороге, словно передразнивая то, как дух мой мечется в поисках выхода из этой ситуации. Я сжал руку в кулак и погрозил небу и красноватому, еле видимому в тумане, маленькому и неказистому светилу, что служило здешнему миру солнцем.

А медведи продолжали скачками продвигаться вперед, таща за собой мою колесницу в неизвестном направлении.

— Эрмизад! — вскричал я. — Эрмизад!

Могла ли она услышать меня и отозваться из своего далека, как тот голос, что звал меня по ночам?..

— Эрмизад!

Но мрачное темное небо молчало, мрачные льды недвижимо застыли вокруг, солнце смотрело с небес как глаз престарелого безумца.

Медведи без устали продолжали бежать вперед, вперед по бесконечным льдам, вперед, сквозь вечный полумрак. Колесница скользила все дальше и дальше, а я плакал и стенал, рыдал и

вскрикивал от горя и бессилия. Потом наконец застыл на своей колеснице, беззвучно и неподвижно, словно сам был сделан изо льда.

Я уже понял, что мне пока следует смириться со своей участью, принять все, что на меня свалилось, и выяснить, куда влекут мою колесницу медведи, в надежде, что когда я достигну места назначения, то смогу найти способ вырваться отсюда и вернуться в мир элдренов, к моей Эрмизад.

Я знал, что это призрачная надежда, но не хотел расставаться с нею, бессознательно хватался за нее, как рука моя — за копье. Тот мир и та женщина были единственным, что у меня оставалось. Но где они теперь? Если элдренские теории верны, они где-то в бесконечных просторах бесчисленных вселенных… Не знал я и того, где находится мир, в который я теперь попал. С одной стороны, он мог быть частью Призрачных Миров. Тогда экспедиция элдренов могла бы достичь его. Но, с другой стороны, он мог быть какой-нибудь совершенно иной Землей, которую от того мира, что я полюбил и считал своим, отделяют целые эпохи и тысячелетия.

Я теперь снова был Вечным Героем, призванным, несомненно, сражаться за какое-то дело, о котором имел лишь самое смутное представление, призванным людьми, которые могли оказаться такими же гнусными предателями, как и подданные короля Ригеноса.

Почему именно меня выбрали для решения этой вечной задачи? Почему мне не дано наслаждаться вечным миром?

И вновь мои мысли вернулись к поискам ответа на вопрос, не был ли я — в одном из моих воплощений — повинен в некоем страшном преступлении, повлекшем за собой космические последствия, преступлении столь ужасном, что с тех пор моим уделом стали скитания по просторам Вечности. Но что это было за преступление, заслуживающее такой страшной кары, я догадаться не мог.

Вокруг стало явно холоднее. Я полез в сундук: я знал, что найду там перчатки. Я нашел их и натянул на руки, поплотнее запахнул куртку, уселся на сундук и задремал, не выпуская, однако, вожжи из рук. Я надеялся, что сон остудит мой пылающий мозг, снимет снедавшую меня боль.

А колесница все продолжала скользить по льду. Льды, одни льды вокруг! Неужели мир так состарился и так выстыл, что в нем ничего не

осталось, кроме льдов, — от полюса до полюса?

«Скоро, — думал я, — я получу ответ и на этот вопрос».

Глава II
Обсидиановый город

Так и двигалась моя украшенная серебром и бронзой колесница, через бесконечные льды, под угасающим солнцем. Белые медведи с длинными лапами все тащили ее вперед, лишь изредка замедляя темп, но никогда не останавливаясь, словно их, как и меня, влекла вперед неведомая сила, которой они не могли не подчиняться. По небу иногда проплывали ржаво-рыжие облака, словно медлительные корабли по застывшему морю, но ничто не напоминало здесь о течении времени, ибо солнце словно примерзло к небосклону, а бледные звезды, что выглядывали из-за него, образовывали странные, едва знакомые созвездия. И мне пришло в голову, что земной шар, видимо, уже перестал вращаться вокруг своей оси или если все же вращался, то так медленно, что без соответствующих измерительных инструментов определить это было невозможно.

Я еще отметил, что расстилавшийся вокруг пейзаж вполне соответствовал моему настроению.

Потом мне вдруг показалось, что вдали, в полумраке что-то мелькнуло. Нечто непонятное, но нарушавшее монотонность окружающих меня льдов. Может быть, это было просто низкое облако. Я не сводил с него глаз. По мере того как медведи продвигались вперед, там, на горизонте, все яснее вырисовывались темные контуры гор, поднимавшихся прямо из ледяной равнины. Были ли эти горы тоже ледяными? Или это обычные скалы? Если так, значит, вовсе не вся планета покрыта льдами…

Мне никогда не встречались такие острые и зазубренные утесы. И я уныло решил, что они тоже из сплошного льда, источенного временем и ветрами, которые и придали им столь чудовищные формы.

Но когда мы подъехали ближе, я вдруг вспомнил одно из видений, явившихся мне до того, как неведомая сила извлекла меня из постели и унесла от Эрмизад. Теперь мне стало ясно, что это скалы, настоящие скалы вулканического происхождения, острые и блестящие. И цвет их наконец определился: темно-зеленый, коричневый и черный.

Я закричал на медведей и подстегнул их вожжами, заставляя двигаться быстрее.

И тут я вдруг понял, что прекрасно знаю их клички!

— Но-о-о, Снарлер! Но, Рендер! Вперед, Гроулер! Быстрее, Лонгклоу! Вперед!

Они налегли на постромки и пошли быстрее. Колесницу трясло и швыряло из стороны в сторону.

— Еще быстрее!

Да, я был прав. Льды кончались, уступая место скальной поверхности, гладкой, словно стекло. И вскоре колесница уже ехала, погромыхивая, по этой скале, образующей подножие высокого горного хребта, чьи зазубренные острые вершины упирались в низкие кроваво-ржавые облака и терялись в них.

Скалы были высокими и мрачными. Они нависали надо мной, даже, пожалуй, угрожали мне и уж никак не улучшали моего настроения. Но они же вселяли и некоторую надежду, особенно когда я обнаружил нечто вроде прохода между двумя утесами.

Горы состояли в основном из базальтов и обсидиана. У подножия скал лежали огромные валуны, между которыми, извиваясь, проходила естественная дорога. По ней и тащили меня вперед мои медведи. А надо мной по-прежнему нависали странного цвета облака, облепившие вершины и склоны гор, словно приклеенные к ним.

Теперь, приблизившись к горному хребту, я более четко различал детали этого дикого пейзажа. Удивительное зрелище предстало перед моими глазами! Несомненно, горы были вулканического происхождения. Верхние склоны были, безусловно, сплошь из пемзы, а нижние — или из черного, зеленого или пурпурного обсидиана, гладкие и блестящие, или из базальта, застывшего странными формами, очень напоминающими изящные готические колоннады. Они вполне могли оказаться творением чьего-то рассудка, одержимого гигантизмом. В иных местах базальт был красного или темно-синего цвета, причем блестел как слюда или напоминал своим видом коралл. В других местах он был более привычного угольно-черного или темно-серого цвета. И то там, то здесь в нем виднелись вкрапления какой-то радужной породы, переливавшейся даже при том слабом освещении, отчего эти горы напоминали порой яркое оперение павлина.

Видимо, горы до последнего сопротивлялись наступлению льдов, это, должно быть, был последний вулканически активный район на всей планете.

Колесница меж тем уже достигла прохода между утесами. Проход был узкий, а нависающие над ним скалы грозили в любую минуту рухнуть вниз и раздавить меня. Их склоны были источены множеством пещер, и моя фантазия уже населила эти пещеры всякими жуткими тварями, чьи злобные взгляды следят за каждым моим движением. Я ехал вперед, крепко прижимая к себе копье. Но как бы ни разыгралось мое воображение, а в подобном месте меня действительно в любой момент могла подстерегать реальная опасность. К примеру, дикие звери, которые, несомненно, обитают в этих пещерах.

Проход, извиваясь меж высоких скал, вел меня вперед. Скалы были самых неожиданных и странных форм и оттенков. Неровности почвы очень затрудняли путь, медведи тащили колесницу с большим трудом. Мне очень не хотелось останавливаться в этом мрачном ущелье, но в конце концов все же пришлось натянуть поводья. Я слез с колесницы и внимательно осмотрел лыжи и болты, которыми к ним были прикреплены колеса. Я почему-то был уверен, что у меня в сундуке есть все необходимые для ремонта инструменты. И действительно, открыв сундук и покопавшись в нем, я обнаружил их в ящике, украшенном таким же узором, что и сам сундук.

Мне потребовалось приложить некоторые усилия, чтобы снять лыжи. Я закинул их в колесницу, закрепив в проушинах, прибитых по всей ее длине.

Так же как тогда, давным-давно, когда я впервые ощутил себя Эрекозе и понял, что я инстинктивно знаю все тонкости обращения с любым оружием, с лошадьми, с любой частью доспехов, словно я всегда носил их, я и сейчас обнаружил, что в совершенстве владею искусством управлять колесницей и прекрасно представляю себе ее конструкцию.

Теперь колеса могли свободно вращаться, и колесница двинулась вперед гораздо быстрее, хотя теперь мне было труднее сохранять равновесие, управляя ею.

Много времени прошло, прежде чем, обогнув очередной скальный выступ, я увидел, что достиг конца прохода. Горы кончились. Гладкий склон постепенно переходил в сверкающий пляж. На

усеянный кристаллическим песком берег накатывались медлительные волны какого-то странно вязкого моря. Скалы местами спускались к самой воде, которая, должно быть, содержала гораздо больше соли, чем даже Мертвое море в мире Джона Дэйкера. Низкие мрачные облака смыкались с поверхностью моря где-то совсем близко. Усыпанный крупным кристаллическим песком пляж был совершенно лишен каких-либо признаков растительности. Свет слабенького солнца по эту сторону гор едва в силах был рассеять царивший вокруг мрак.

У меня было такое ощущение, что я достиг конца мира в конце времен. Я не мог поверить, что здесь способен хоть кто-то существовать — человек ли, растение или животное…

А медведи уже вытащили колесницу на берег, и под колесами заскрипел песок. Мы продолжали путь, только теперь резко повернули к востоку, вдоль берега мрачного, отвратительного моря.

Хотя здесь было теплее, чем на ледяных равнинах, я продолжал дрожать. И опять мое воображение разыгралось, рисуя мне отвратительных чудовищ, что могли обитать в мрачных глубинах этих вод, и людей, что могли существовать на берегу.

Но вскоре мне предстояло получить ответ на все эти вопросы или хотя бы на часть из них. Сквозь полумрак до меня донеслись человеческие голоса, и вскоре я увидел тех, кому эти голоса принадлежали.

Они ехали мне навстречу на огромных животных, у которых вместо ног были гигантские мощные ласты, а тела, резко сужаясь, оканчивались широкими хвостами, помогавшими им сохранять равновесие. До меня внезапно дошло, что эти животные, приспособленные теперь для верховой езды, когда-то, на более ранней стадии эволюции, были тюленями или морскими львами. У них были такие же морды, похожие на собачьи, с длинными усами и огромными, навыкате, глазами. Седла на них были очень высокие, что позволяло всадникам сидеть почти прямо. У каждого всадника в руке был некий жезл, излучавший слабый свет.

Кто они были? Люди? Их тела, закованные в изукрашенные доспехи, выглядели странными пузырями, особенно в сравнении с тонкими руками и ногами, а головы, спрятанные в тяжелых шлемах, казались очень маленькими. Они были вооружены мечами, копьями и

топорами, которые были либо приторочены к седлу, либо свисали с пояса. Их голоса из-под забрал звучали глухо и гулко, и я не мог разобрать ни единого слова.

Они искусно управляли своими верховыми животными, ловко двигаясь по усеянному валунами берегу соленого моря. Подъехав ко мне на несколько ярдов, они остановились.

Я тоже остановил свою колесницу.

Воцарилось молчание. Мои медведи беспокойно дергали упряжь. Я невольно положил руку на копье.

Внимательно рассматривая всадников, я обнаружил, что по внешнему виду они более всего напоминают лягушек, если учитывать, что доспехи в целом повторяют все контуры тела. Их одежды и оружие были богато, даже чрезмерно, на мой вкус, изукрашены, и мне было трудно различать их по особенностям орнамента. Большинство было в красновато-золотых нагрудниках и поножах, но в слабом свете их светящихся жезлов мелькали также зеленоватые и желтые тона.

Они не делали ни малейшей попытки заговорить со мной. Тогда я сам решился прервать молчание.

— Кто вы? — спросил я. — Это вы призвали меня?

Они подняли забрала своих шлемов, но ничего не ответили.

— Какому народу вы принадлежите? — продолжал я. — Вы меня знаете?

На сей раз всадники обменялись несколькими словами, но по-прежнему обращались не ко мне. Они двинули своих верховых животных вперед и в стороны и расположились теперь возле моей колесницы полукругом. Я все еще сжимал рукой копье.

— Я — Урлик Скарсол, — представился я. — Это вы меня призвали?

Тут один из них наконец заговорил. Голос его из-под шлема звучал глухо.

— Мы не призывали вас, Урлик Скарсол, — произнес он. — Но нам известно ваше имя, и мы приглашаем вас быть нашим гостем в Ровернарке, — он махнул своим жезлом в том направлении, откуда они приехали. — Мы из свиты епископа Белпига и приглашаем вас от его имени.

— Я принимаю ваше приглашение, — ответил я.

Говоривший обращался ко мне очень уважительно — было ясно, что он слыхал мое имя. Странным было только то, что они вовсе меня не ожидали. Почему тогда медведи привезли меня именно сюда? Впрочем, куда еще они могли бы направить свой путь? Не в открытое же море… Однако, как мне казалось, за этим морем не могло быть ничего, никакой земли. Разве что Лимб. Я вполне представлял себе, как эти медлительные соленые воды переливаются через край мира и падают вниз, во мрак, в космическую пустоту…

Я позволил всадникам проводить меня к городу. Мы ехали вдоль берега, пока не достигли залива, в устье которого высились отвесные скалы, по которым, крутясь и извиваясь, вели вверх несколько троп, явно пробитых в камне людьми. Эти тропы вели к нескольким арочным воротам, так же чрезмерно украшенным, как и доспехи моих провожатых. А еще выше, за самыми дальними от нас воротами, висели тяжелые темные облака, словно прилепившиеся к скале.

Это было не просто селение каких-нибудь полудиких горцев. Судя по богатству и сложности орнамента украшений, это был большой город, вырубленный в блестящем обсидиане.

— Это Ровернарк, — произнес всадник, ехавший рядом. — Ровернарк. Обсидиановый город.

Глава III
Духовный Владыка

Тропа, ведущая к одному из арочных въездов, пробитых в скале, была достаточно широка для моей колесницы. Медведи несколько неохотно двинулись вверх к воротам.

Похожие на лягушек всадники ехали впереди, поднимаясь все выше и выше по обсидиановой дороге. Мы миновали несколько арок, украшенных совершенно в барочном стиле. Одни горгульи чего стоили! Но, несмотря на тонкость и изысканность работы, эта резьба была явно творением нездорового, даже патологического воображения.

Я глянул вниз на мрачный залив, на неестественно неподвижное море, потом на низкие тяжелые облака, и мне показалось на мгновение, что весь здешний мир заключен в темную пещеру, в холодный ледяной ад.

И если пейзаж действительно напоминал преисподнюю, то последовавшие вскоре события еще более укрепили меня в этом ощущении.

В конце концов мы добрались до последних ворот. Они были украшены особенно богато и изысканно и пробиты в цельной скале из многоцветного обсидиана. Верховые тюлени остановились и затоптались на месте в каком-то сложном ритме.

Только тут я разглядел в полумраке арочного проезда ворот нечто вроде двери. Она была вырезана из цельного куска порфира. На ней были изображены разнообразные и очень странные полулюди-полузвери. Трудно сказать, были ли эти фигуры плодом все того же нездорового воображения или были скопированы с существ, действительно обитавших в этом мире. Но некоторые из них вызывали чувство гадливого ужаса, и я старался по мере возможности не смотреть на них.

Словно в ответ на загадочные сигналы, что издавали тюлени, топтавшиеся у ворот, дверь начала отворяться. Весь кусок порфира мало-помалу как бы поворачивался внутрь, открывая узкий проход. Мы двинулись вперед. Колесо моей колесницы зацепилось за угол

ворот, так что мне пришлось долго маневрировать, чтобы проехать под аркой.

Вырубленный в каменном монолите зал, куда мы попали, был едва освещен. Собственно, светили только жезлы сопровождавших меня всадников. Эти жезлы напомнили мне электрические фонарики, которые работают на батарейках или на аккумуляторах, требующих подзарядки. Но мне почему-то казалось, что эти жезлы подзарядке не подлежат. И еще у меня возникло ощущение, что, если эти слабые искусственные источники света вдруг иссякнут, в тутошнем мире тотчас же воцарится мрак. И этого момента не долго осталось ждать.

Всадники меж тем спешились и передали своих тюленей грумам, которые, к моему большому облегчению, выглядели вполне по-человечески, хотя были бледны и худы. Грумы были одеты во что-то вроде накидок, причудливо расшитых эмблемами. Рисунок их был столь сложен, что я так и не разобрал, что они обозначают. Внезапно я понял, как и чем живет этот народ. Существуя в своих вырубленных в скалах городах, на умирающей планете, окруженные черными льдами и мрачными морями, они всю свою жизнь посвящали ремеслам и искусствам, доводя до предела совершенства уже, казалось бы, совершенные образцы творчества, украшая и приукрашая все, что их окружало, создавая произведения столь сложные и столь причудливые, что их предназначение, несомненно, давно потеряло всякий смысл даже для их хозяев. Это было искусство вымирающей расы, и по воле рока ему суждено было на века пережить своих создателей.

Мне не очень хотелось доверять свою колесницу и оружие грумам, но ничего другого не оставалось. Верховых тюленей и моих медведей вместе с колесницей увели куда-то по мрачному коридору, чьи своды эхом отражали любой звук, и похожие на лягушек создания в богатых доспехах вновь все повернулись ко мне.

Один из них поднял руки и снял с себя тяжелый шлем. На меня теперь смотрело его белое, вполне человеческое лицо, с бледными холодными глазами, очень усталыми, как мне показалось. Он начал расстегивать пряжки своих доспехов. Их с него сняли слуги, и под ними обнаружились толстые стеганые одежды. Когда с него сняли и эти одежды, я понял, что его тело имеет вполне нормальные пропорции. Остальные тоже снимали с себя доспехи и стеганые куртки и штаны и передавали все это ожидавшим слугам. Я, помедлив,

также снял свой шлем, но оставил его при себе, прижав к нагруднику согнутой левой рукой.

Все мужчины были бледны, и у всех были одинаковые странные глаза — не то чтобы недружественные или отсутствующие, скорее, просто задумчивые. На них остались тонкие камзолы, полностью покрытые темной вышивкой. Штаны из того же материала сидели на них несколько мешковато. Обуты они были в сапоги из цветной кожи.

— Итак, — сказал тот, что первым снял с себя доспехи, — вот мы и снова в Харадейке! — Он подал знак слуге. — Ступай найди нашего господина. Скажи ему, что Моргег со своим патрулем прибыл. И сообщи, что мы привезли с собой гостя — Урлика Скарсола из Ледяного Замка. Спроси, не примет ли он нас.

Я хмуро посмотрел на Моргега.

— Стало быть, вы знаете, кто такой Урлик Скарсол. Вам известно, что я из Ледяного Замка!

Слабая, чуть удивленная улыбка появилась на губах Моргега:

— Да все знают Урлика Скарсола! Правда, я никогда еще не видел человека, который встречался бы с ним лично.

— И еще: вы назвали этот город Ровернарком, а теперь вы говорите, что прибыли в Харадейк!

— Ровернарк — это город. А Харадейк — это название района, провинции, где властвует наш господин, епископ Белпиг.

— И кто он такой, этот епископ?

— Ну как же, он — один из двоих наших владык. Он — Духовный Владыка Ровернарка.

Моргег говорил тихо, грустным тоном. Это, видимо, было просто по привычке, а вовсе не по причине плохого настроения. Слова он ронял небрежно, нехотя. Казалось, для него ничто не имело значения, ничто его не интересовало. Он выглядел таким же полумертвым, как и мрачный, плохо освещенный мир, окружавший этот пещерный город.

Посланный слуга вскоре вернулся.

— Епископ Белпиг готов принять вас, — сообщил он Моргегу.

К этому времени остальные всадники куда-то ушли, и в зале остались лишь Моргег и я. Моргег повел меня по плохо освещенному коридору, где буквально каждый дюйм был богато разукрашен, включая пол, отделанный мозаикой из самоцветов. С низкого потолка на нас глазели гарпии и химеры. Мы миновали еще одну комнату,

прошли в огромную дверь, чуть меньше, чем внешняя, и очутились в огромном зале.

Зал был действительно огромен. Высокий сводчатый потолок терялся где-то в вышине. В дальнем конце зала было возвышение, со всех сторон закрытое занавесями. По обе стороны от возвышения жарко пылали жаровни, вокруг которых суетились слуги. От жаровен исходил слабый красноватый свет и клубами поднимался дым, исчезая где-то под потолком, где, видимо, имелось вытяжное окно, ибо дыма в зале было совсем мало и он не затруднял дыхание. На стенах и потолке повсюду были изображения зверей и чудовищ, оскаленные морды, жуткие клыки, ужасные морды, словно смеющиеся над чьей-то чудовищной шуткой, ревущие, угрожающие, пугающие. Многие из них напоминали геральдических чудищ из мира Джона Дэйкера. Среди них можно было обнаружить сатиров, василисков, драконов, грифонов, единорогов, мантикор, амфибий, саламандр, а также множество человекозверей или человекоптиц. И все они были гигантских размеров, переплетенные в сложном узоре, словно связанные друг с другом, ползущие друг по другу, совокупляющиеся, приняв странные, чудовищные позы, рождающиеся и умирающие…

Да, это был какой-то круг ада.

Мы приблизились к возвышению. За занавесями был смутно виден силуэт человека, сидящего на троне. Я бы не удивился, если бы у него оказался шипастый хвост и пара рогов…

Шагах в двух от возвышения Моргег остановился и поклонился. Я последовал его примеру. Слуги раздернули занавеси, и перед нами предстал человек, весьма отличающийся от того, что я ожидал увидеть. Он нисколько не походил на остальных, например на Моргега: никаких грустных глаз, никакой бледности.

Голос сидящего на троне звучал громко, с чувством, весело:

— Приветствую вас, граф Урлик! Ваш приезд в эту крысиную нору, именуемую Ровернарком, — великая честь для нас! Ведь вы — вольный рыцарь ледяных просторов!

Епископ Белпиг был тучен и разодет в роскошные одежды. Голову его украшал золотой обруч, стягивающий длинные светлые волосы. Губы были алого цвета, а брови черны как смоль. Внезапно до меня дошло, что он пользуется косметикой. Под слоем кремов и пудры он был, несомненно, таким же бледным, как Моргег и все остальные.

Волосы, вероятно, были крашеные, щеки нарумянены, ресницы — накладные, а алый рот обязан своим сочным цветом губной помаде.

— Приветствую вас, епископ Белпиг! — ответил я. — Благодарю вас, Духовный Владыка Ровернарка, за ваше гостеприимство и прошу уделить мне несколько минут для беседы с глазу на глаз.

— Ага! У вас есть для меня какое-то сообщение, мой дорогой граф! Конечно, конечно. Моргег и вы все, оставьте нас. Но далеко не уходите, вдруг вы мне понадобитесь.

Я чуть улыбнулся. Епископ не хотел рисковать. Он не исключал возможности покушения на свою особу!

Когда Моргег и слуги удалились, Белпиг сделал широкий приглашающий жест своей унизанной кольцами рукой:

— Ну, мой дорогой граф? Что вы хотели мне сообщить?

— У меня нет для вас никакого сообщения. У меня есть лишь вопрос. Может быть, даже несколько вопросов.

— Так задавайте же их! Прошу вас!

— Во-первых, мне хотелось бы знать, почему мое имя всем здесь так хорошо известно. Во-вторых, я хочу спросить, не вы ли, человек, несомненно, обладающий огромной властью, в том числе и над потусторонними силами, призвали меня сюда. Последующие вопросы зависят от того, что вы мне ответите на первые два.

— Помилуйте, граф, ваше имя знают все! Вы же настоящая легенда, известный Герой! И вам это тоже должно быть известно!

— Предположим, я совсем недавно проснулся после долгого сна. Предположим, что я потерял всякую память о прошлом. Расскажите мне эту легенду.

Епископ нахмурился и поднес свои толстые пальцы к толстым алым губам. Помолчав, он заговорил — более раздумчиво и тихо:

— Ну, хорошо, предположим… Говорят, что раньше, давным-давно, надо всеми Льдами — Северными, Южными, Восточными и Западными — властвовали четверо Владык. Но все они давно умерли, за исключением Владыки Южных Льдов. Он же был заморожен в своем огромном замке некоей волшебницей до той поры, когда его народ вновь призовет своего Героя перед угрозой страшной опасности. Все это произошло много веков назад, всего через сто или двести лет после того, как льды уничтожили великие города древности: Барбарт, Ладнжис-Лио, Кородун и прочие.

Названия городов казались смутно знакомыми, но не пробуждали в моей памяти никаких воспоминаний.

— А что еще говорит легенда?

— Да в общем-то это все. Я, наверное, смогу найти две-три книги с более подробным ее изложением…

— Стало быть, это не вы меня сюда призвали?

— А зачем мне было призывать вас? Сказать по правде, я не очень верил в эту легенду.

— А теперь верите? Надеюсь, вы не считаете меня самозванцем?

— А к чему вам это? Да даже если вы и самозванец, почему бы мне не подыграть вам, если вам нравится утверждать, что вы — граф Урлик Скарсол? — Он улыбнулся. — В Ровернарке так мало случается событий! Поэтому мы рады всему, что привносит в нашу жизнь хоть какое-то разнообразие.

Я улыбнулся ему в ответ:

— Весьма интересный взгляд на вещи, епископ! Однако я все еще в некотором недоумении. Прошло совсем немного времени с того часа, как я очнулся посреди ледяной пустыни, на колеснице, направляющейся сюда. Мои одежды и имя мое казались знакомыми, но все остальное было странным и чужим. Я тоже странное создание, милорд, и не очень-то могу действовать по своей воле. Я, видите ли, Вечный Герой, и меня всегда призывают туда, где я нужен. Не стану утомлять вас подробностями, скажу только, что я не очутился бы у вас, если бы во мне здесь не нуждались. И если это не вы призвали меня, может быть, вы знаете, кто это сделал?

Епископ нахмурил свои крашеные брови, размышляя. Потом поднял их в удивлении:

— Боюсь, что не могу предложить вам сейчас никакого объяснения, граф Урлик. Единственное, что грозит Ровернарку, — это неизбежное наступление льдов. Через сотню-другую лет льды преодолеют горный хребет и уничтожат нас. А мы между тем стараемся провести оставшееся нам время как можно приятнее. И вас тоже приглашаем присоединиться к нам, если, конечно, Светский Владыка будет не против. Вы же должны пообещать, что расскажете нам всю свою историю, сколь бы невероятной она вам ни казалась. А взамен мы предлагаем вам любые развлечения, какие только у нас

есть. Они могут показаться вам занятными, особенно если вы такого еще не встречали.

— Стало быть, у Ровернарка нет врагов?

— Ни единого достаточно сильного, чтобы представлять для нас реальную угрозу. Есть, конечно, несколько банд грабителей, да и пираты на море тоже имеются. Подобную шваль можно найти возле любого города. Но кроме них — никого.

Я в удивлении покачал головой:

— Может быть, в Ровернарке есть какие-либо внутренние раздоры? Партии или группы, которые хотели бы, например, свергнуть вас и Светского Владыку?

Епископ Белпиг рассмеялся:

— Поистине, мой дорогой граф, вы, кажется, более всего жаждете борьбы! Уверяю вас, что в Ровернарке нет ничего, достойного внимания. Скука — вот наш единственный враг, и теперь, когда вы очутились среди нас, мы и дадим ей бой!

— Тогда я должен поблагодарить вас за ваше гостеприимство, — произнес я. — Я принимаю его. У вас, наверное, есть библиотеки… И ученые люди…

— Все мы в Ровернарке ученые. Да и библиотеки у нас, конечно же, есть. И вы сможете пользоваться некоторыми из них.

«Ну, ладно, — подумал я, — по крайней мере, у меня будет возможность попытаться найти способ вернуться к Эрмизад, в прекрасный мир элдренов, столь отличный от здешнего». Я так и не поверил, что меня призвали сюда просто так, если только это не какая-нибудь ссылка. В этом же случае я, будучи бессмертным, стану свидетелем конца Земли…

— Однако, — продолжал епископ, — один я не могу принять такое решение. Мы должны прежде заручиться согласием моего соправителя — Светского Владыки. Я, конечно, уверен, что он будет не против и подтвердит мое приглашение. Вам надо будет подыскать достойные апартаменты, слуг, рабов и все прочее. Это поможет нам развеять скуку, которая поселилась в Ровернарке.

— Но мне вовсе не нужны рабы, — сказал я.

Епископ захихикал:

— Погодите отказываться. Сперва посмотрите на них, а потом уж решайте! — Он помолчал, с интересом глядя на меня своими

подведенными глазами. — Да вы же, наверное, прибыли из эпохи, где владение рабами считается недопустимым! Но в Ровернарке рабов силой не держат. Рабом может стать лишь тот, кто хочет им стать! Если человек желает быть кем-то другим, никто не станет возражать. Да будь кем хочешь! Это же Ровернарк, граф Урлик! Здесь любой мужчина и любая женщина свободны делать все, что им заблагорассудится!

— И вам заблагорассудилось стать здесь Духовным Владыкой?

Епископ вновь улыбнулся:

— Ну, в некотором роде. Титул, конечно, наследственный, но многие, имевшие на него право по рождению, предпочли иные занятия. Мой брат, к примеру, обычный моряк.

— Так вы плаваете по этому пересоленному морю? — я был поражен.

— Тоже, в некотором роде. Если вам еще не известны обычаи Ровернарка, я уверен, многие из них покажутся вам занятными.

— Да, наверное, — согласился я. Про себя же я подумал, что некоторые из этих обычаев, видимо, придутся мне вовсе не по вкусу. Я попал к народу, переживающему последнюю стадию упадка, народу капризному, беззаботному и начисто лишенному каких-либо устремлений. Их трудно было за это винить. В конце концов у них не было никакого будущего…

Но и во мне самом тоже было нечто, вполне созвучное цинизму епископа. Мне ведь тоже, по сути дела, было не для чего жить.

Епископ возвысил голос:

— Эй, рабы! Моргег! Идите сюда!

И они толпой выступили из полумрака. Впереди шел Моргег.

— Моргег, — обратился к нему епископ, — будьте любезны послать кого-нибудь к Светскому Владыке. Пусть передаст мою просьбу принять нас вместе с графом Урликом Скарсолом. Пусть также сообщит ему, что я пригласил графа быть нашим гостем — с его разрешения, естественно.

Моргег поклонился и вышел из зала.

— А пока давайте пообедаем, милый граф! — заявил епископ. — В некоторых наших пещерах мы выращиваем неплохие фрукты и овощи, а море дает нам мясо. Мой повар — лучший в Ровернарке. Не угодно ли попробовать?

— С удовольствием, — ответил я, внезапно ощутив, что я умираю от голода.

Глава IV
Светский Владыка

Обед, обильный, хотя и несколько излишне, на мой вкус, напичканный специями, был великолепен. Когда мы покончили с едой, вернулся Моргег, который сообщил, что нашел наконец Светского Владыку.

— Нам потребовалось на это немало времени, — добавил он, выразительно глянув на Белпига. — Но он готов теперь принять нашего гостя, ежели вы того желаете, — и он поднял на меня свои бледные, холодные глаза.

— Надеюсь, вы сыты, граф Урлик? — спросил епископ. — Может, хотите чего-нибудь еще? — Он вытер свои алые губы расшитой салфеткой и удалил каплю соуса с одежды.

— Благодарю вас, — ответил я, поднимаясь. Я выпил слишком много солоноватого вина, но это помогло избавиться от мрачных дум и воспоминаний об Эрмизад, которые все время преследовали меня и будут преследовать до тех пор, пока я не найду ее.

Я последовал за Моргегом к выходу из этого странного зала. Подойдя к двери, я обернулся, намереваясь еще раз поблагодарить епископа.

И увидел, что он, облив соусом одного из мальчиков-рабов, теперь нагнулся к нему и принялся слизывать соус с его тела.

Я стремительно повернулся к двери и ускорил шаг. Моргег между тем, не оглядываясь, шел по тому коридору, по которому мы пришли сюда.

— Провинция Светского Владыки называется Дхотгард, — рассказывал по пути Моргег. — Она лежит выше, над этой. Нам придется выехать наружу и добираться до нее по другой дороге.

— А разве в скале не вырублено туда прямых проходов? — спросил я.

Моргег пожал плечами:

— Да, такие проходы, наверное, есть. Но так туда добраться значительно проще. Не надо тратить время на поиски дверей, потом пытаться их открыть…

— Вы хотите сказать, что не пользуетесь этими проходами?

Моргег кивнул:

— Нас теперь стало гораздо меньше, чем было даже пятьдесят лет назад. Дети ныне редко рождаются в Ровернарке. — Говорил он все так же небрежно, безучастно, и у меня опять возникло ощущение, что я разговариваю с мертвецом, случайно вернувшимся сюда с того света.

Через огромные въездные ворота Харадейка мы выбрались на дорогу, извивавшуюся над мрачным заливом, где волны ленивого моря выбрасывали белую соль на темный песок пляжа. Теперь этот пейзаж выглядел даже еще более мрачно, чем раньше. Низкие облака словно еще больше приблизили линию горизонта, а с обеих сторон наступали темные, скалистые утесы. У меня возникло ощущение, сходное с приступом клаустрофобии. Через некоторое время, поднявшись вверх по дороге, мы достигли других ворот, украшенных несколько иным узором, чем те, через которые мы вышли.

Моргег сложил ладони рупором и закричал:

— Граф Урлик Скарсол явился просить аудиенции у Светского Владыки!

Его голос эхом отразился от окрестных скал. Я посмотрел вверх, пытаясь увидеть небо, разглядеть солнце за облаками, но тщетно.

Ворота со скрежетом отворились ровно настолько, чтобы пропустить нас, и мы проникли в зал с голыми стенами, освещенный еще хуже, чем в Харадейке. Нас ждал слуга в простом белом плаще. Он позвонил в серебряный колокольчик, висевший у него на руке, и ворота плотно затворились. Механизм, управлявший ими, был, вероятно, достаточно сложным: во всяком случае, ни рычагов, ни цепей я не заметил.

Коридор, по которому мы двинулись внутрь скалы, как две капли воды напоминал коридор в апартаментах епископа Белпига, только здесь не было никаких барельефов. Вместо этого стены украшала живопись, но свет здесь был настолько слаб, а краски настолько потемнели от времени, что я ничего не мог разобрать. Мы повернули в другой коридор. Теперь наши шаги приглушал расстеленный на полу ковер. Еще один коридор — и мы наконец достигли арочного прохода, в котором не было двери. Вместо нее сверху свисал занавес из простой мягкой кожи. Подобная простота показалась мне неуместной в Ровернарке, но еще больше я удивился, когда слуга раздвинул занавес

и провел нас в комнату с совершенно голыми стенами, выкрашенными белой краской. Ее освещали огромные яркие лампы. Кажется, это были масляные лампы, судя по исходившему от них слабому характерному запаху. В центре комнаты стоял стол и две скамьи. Кроме нас, здесь никого не было.

Моргег оглянулся по сторонам. На лице его появилось выражение неудовольствия.

— Я оставляю вас здесь, граф Урлик. Светский Владыка, несомненно, скоро появится.

Моргег ушел, а слуга указал мне на скамью, предлагая присесть. Я сел, положив свой шлем рядом. Стол, как и сама комната, был пуст, если не считать двух свитков, аккуратно свернутых на его краю. Мне было совершенно нечем занять себя, кроме как разглядывать белые стены, молчаливого слугу, занявшего свое место у входа, да почти пустой стол.

Я просидел так не меньше часа, прежде чем занавес распахнулся и в комнату вошел высокий человек. Я поднялся, с трудом скрывая удивление, явно написанное у меня на лице. Человек знаком велел мне сесть. Сам он подошел к столу и сел напротив. Выражение на его лице было совершенно отсутствующим.

— Меня зовут Шаносфейн, — сказал он.

Его кожа была угольно-черного цвета, черты лица тонкими и приятными. Я еще подумал с иронией, что они с Белпигом должны были бы поменяться ролями: Белпигу гораздо больше подошло бы место Светского Владыки, а Шаносфейну — Владыки Духовного.

На Шаносфейне было свободное белое одеяние. Единственным украшением ему служила застежка на левом плече. На ней был изображен некий узор, который я принял за обозначение его ранга. Он положил свои руки с длинными пальцами на стол и стал рассматривать меня с выражением отстраненности, которая выдавала также большой ум.

— Меня зовут Урлик, — ответил я, посчитав за лучшее говорить как можно проще.

Он кивнул. Затем опустил глаза на стол и принялся чертить по его поверхности пальцем.

— Белпиг сказал, что вы хотели бы остаться у нас, — голос его звучал сильно, глубоко и мощно.

— Он сообщил мне, что у вас есть книги, которые мне хотелось бы посмотреть.

— У нас много книг, правда, большая их часть довольно причудливого свойства. Истинное знание более не интересует обитателей Ровернарка. Епископ Белпиг сообщил вам об этом, граф Урлик?

— Он просто сказал, что я могу найти здесь некоторые книги. И еще он сказал мне, что все жители Ровернарка — ученые.

В темных глазах Шаносфейна блеснула ирония.

— Ученые? Ах, да… Действительно, ученые. Только в искусстве капризов, в науке прихотей и извращений…

— Вы, кажется, невысокого мнения о своем народе, милорд.

— А какого я должен быть мнения о проклятом народе, граф Урлик? Мы же все прокляты — и они, и я. Ведь мы имели несчастье родиться в самом конце времен…

— Но это не несчастье, — произнес я с чувством. — Это всего только смерть.

Он с любопытством взглянул на меня:

— Вы, стало быть, смерти не боитесь?

Я пожал плечами:

— Я не знаю смерти. Я бессмертен.

— Значит, вы действительно из Ледяного Замка?

— Я не знаю, откуда я. Я выступал в роли многих Героев. И видел множество эпох на Земле.

— Правда? — его интерес ко мне заметно вырос, и это был чисто академический интерес, я это видел. Никакого сочувствия. Никаких эмоций.

— Значит, вы путешествуете во Времени?

— Да, нечто в этом роде, хотя и не в том смысле, что вы имеете в виду.

— Несколько столетий назад — а может быть, тысячелетий — на Земле жила раса людей. Я слыхал, что они владели искусством путешествовать во Времени и покинули этот мир, поскольку знали, что он умирает. Но это, конечно же, легенда. Но вы ведь тоже легенда, граф Урлик. А вы существуете…

— Вы верите, что я не самозванец?

— Верю. Так как же вы путешествуете во Времени?

— Я переношусь туда, куда меня призывают. Прошлое, настоящее, будущее — все это не имеет для меня никакого значения. Равно как и теория о циклическом строении Времени. Я верю, что существует множество вселенных и множество альтернативных судеб и предназначений. Вполне возможно, я никогда не был частью этой планеты ни в одном из своих воплощений. И наоборот, все они могли быть частью истории Земли.

— Странно… — задумчиво произнес Шаносфейн, поднимая тонкие черные пальцы ко лбу. — Наша вселенная имеет четко определенные границы и конкретное место в Пространстве, а ваша — огромна, неопределенна и хаотична. Если, прошу меня простить, вы не безумец, тогда в ваших словах я нахожу некоторые подтверждения моим собственным теориям. Интересно…

— В мои намерения входит, — продолжал я, — найти способ и средства вернуться в один из этих миров, если он еще существует, и во что бы то ни стало остаться там.

— Вас, стало быть, не очень прельщает мысль о перемещении из одного мира в другой, из одного Времени в иное?

— Нет, лорд Шаносфейн. Вечные скитания меня не прельщают. Особенно тогда, когда в одном из этих миров есть существо, к которому я испытываю великую любовь и к тому же взаимную.

— А как вы нашли тот мир?

Я начал рассказывать. И скоро обнаружил, что пересказываю ему всю свою жизнь, все, что случилось со мною с того часа, когда Джона Дэйкера призвал к себе король Ригенос, дабы помочь армиям Человечества в их войне с элдренами, а также подробности всех моих превращений и воплощений, все, что выпало на мою долю до той самой минуты, когда патруль из Ровернарка повстречался мне на берегу соленого моря. Он слушал меня с огромным вниманием, глядя вверх, на потолок, не прерывая, пока я не закончил.

Некоторое время он молчал, потом вздохнул и дал знак слуге:

— Принеси воду и рис.

Потом еще некоторое время сидел неподвижно, будто переваривая мой рассказ. Я подумал, что он теперь наверняка считает меня сумасшедшим.

— Так вы говорите, что вас сюда призвали, — в конце концов произнес он. — Но мы не призывали вас. И вообще это маловероятно,

чтобы мы — какая бы опасность нам ни грозила — так сильно верили в древнюю легенду и так полагались на нее…

— А есть здесь еще кто-нибудь, кто мог призвать меня?

— Да.

— Но епископ Белпиг утверждает, что это тоже маловероятно.

— Мысли Белпига соответствуют его настроению в данный момент. Но здесь существуют и другие общины, помимо Ровернарка. Есть еще и города за морем. По крайней мере, они существовали, когда сюда явилось Серебряное Воинство.

— Белпиг ничего не упоминал об этом Воинстве.

— Может быть, он забыл. Прошло уже немало времени с тех пор, как мы в последний раз слышали о них.

— А кто они такие?

— Варвары. Грабители. Их цели нам не известны.

— Откуда они явились?

— Я думаю, с Луны.

— С неба? А где находится ваша Луна?

— Говорят, на другой стороне мира. В книгах я читал, что когда-то она все время была на небе, но теперь ее там нет.

— А эти Серебряные Воины, они люди?

— Нет, насколько можно судить по полученным нами сообщениям.

— А могут они представлять угрозу Ровернарку, милорд? Могут они вторгнуться сюда?

— Весьма возможно. Я думаю, они хотят завоевать эту планету.

Я взглянул на него, пораженный тем, как равнодушно он говорит об этом.

— И вас не беспокоит, что они могут вас уничтожить?

— Пусть они завоюют нашу планету. Какая нам разница? Наша раса все равно скоро погибнет от наступающих льдов — с каждым годом они подбираются к нам все ближе и ближе. А Серебряные Воины, кажется, лучше приспособлены к жизни в ледяном мире, чем мы.

Такой аргумент можно было понять. И хотя мне никогда еще не приходилось встречать подобного равнодушия и отсутствия интереса к собственной судьбе, я невольно восхищался своим собеседником. Но

сочувствия к нему не испытывал. Ведь мне Судьбой была ниспослана вечная борьба. Правда, сейчас я еще не мог понять, за что и против чего. И хотя мне была ненавистна сама мысль о постоянной войне, о сражениях на протяжении всей моей жизни, мои воинственные инстинкты доминировали надо всем остальным.

Я пытался найти хоть какой-нибудь ответ на слова Светского Владыки. Между тем он поднялся со скамьи:

— Ну, что же, мы еще с вами встретимся и побеседуем. Вы можете жить в Ровернарке, пока у вас не возникнет желания покинуть его.

Сказав это, он вышел из комнаты.

Потом появился слуга с подносом в руках, на котором был рис и вода. Но у двери он повернулся и последовал за своим хозяином.

Итак, я побеседовал и с Духовным, и со Светским Владыками Ровернарка, но эти беседы внесли в мои мысли еще больший разлад, чем прежде. Почему Белпиг ничего не сказал мне о Серебряных Воинах? Суждено ли мне сразиться с ними, или — тут меня вдруг осенило! — именно народ Ровернарка окажется тем врагом, воевать с которым я и был сюда призван?

Глава V
Черный Меч

И вот, совершенно несчастный, терзаемый разлукой с Эрмизад и чувством огромной потери, я поселился в Обсидиановом городе — Ровернарке. Целыми днями я предавался размышлениям, раздумьям, копался в старинных книгах и странных манускриптах, пытаясь найти решение собственной трагической дилеммы. Но ничего, кроме предчувствия неминуемой беды, не возникало, причем это ощущение росло в моей душе с каждым днем.

Если четко придерживаться истины, ни дней, ни ночей как таковых в Обсидиановом Городе не было. Люди ложились спать, просыпались, ели тогда, когда им хотелось, и вся остальная их деятельность подчинялась тому же ритму, поскольку ничего нового вокруг не происходило, а привычное не вызывало уже никакого интереса.

В мое распоряжение были предоставлены отдельные апартаменты. Они располагались уровнем ниже Харадейка, владений епископа Белпига. Мое жилище, разумеется, не было столь же пышно убрано и вычурно разукрашено, как апартаменты епископа, однако мне больше по душе была простота, которая царила во владениях Шаносфейна. Я, однако, выяснил, что именно по распоряжению Шаносфейна в его владениях были убраны все украшения. Это произошло, когда умер его отец и он наследовал его титул.

Мои апартаменты были более чем комфортабельны. Самый отъявленный сибарит счел бы их роскошными.

В первые недели пребывания в городе меня буквально осаждали посетители, точнее, посетительницы. Раздолье для любого развратника или женолюба. Но для меня, поглощенного любовью к Эрмизад, их бесконечные визиты в конце концов превратились в сплошной кошмар.

Одна за другой женщины являлись ко мне, чтобы, едва успев представиться, тут же предложить мне все мыслимые и даже немыслимые удовольствия — о таких не подозревал даже сам Фауст. К их огромному разочарованию, я — в высшей степени вежливо — отверг их всех. Мужчины тоже посещали меня, и тоже с подобными

предложениями. Поскольку, согласно традициям и обычаям Ровернарка, в предложениях этих не было ничего постыдного и предосудительного, я отклонял их с неменьшей вежливостью.

Появлялся у меня и епископ Белпиг — тоже с предложениями и с подарками. Он приводил юных рабов и рабынь, так же, как и он сам, разукрашенных косметикой, его слуги приносили изысканные яства, на которые мне и смотреть не хотелось, и сборники эротической поэзии, которые меня совершенно не интересовали. Белпиг приглашал меня участвовать в действах, которые не вызывали ничего, кроме отвращения. Но поскольку крышей над головой и возможностью рыться в книгохранилищах я был обязан именно Белпигу, я сдерживал раздражение, убеждая себя в том, что он не имел в виду ничего плохого, а, наоборот, желал мне добра, хотя, на мой взгляд, и его внешний вид, и его вкусы были просто тошнотворны.

Посещая многочисленные библиотеки, расположенные на разных уровнях Обсидианового города, я невольно становился свидетелем сцен, которые, как я раньше полагал, существовали только в описаниях Дантова Ада. Оргии в городе практически не прекращались. Я наталкивался на разврат везде, куда бы ни шел. Даже в некоторых библиотеках — из тех, что я посещал. И это был не просто обычный разврат.

Садистские пытки были здесь явлением обычным, и наблюдать за ними мог любой, кому хотелось. Тот факт, что жертвами этих издевательств были исключительно добровольцы, отнюдь не преуменьшал их гнусности и не делал их для меня более переносимыми. Здесь даже убийство не считалось вне закона, поскольку и мужчины, и женщины точно так же желали смерти, как убийца жаждал убийства. Этому бледному народу без будущего, без каких-либо надежд, было не к чему готовиться, за исключением смерти, и они проводили свое время в экспериментах с болью, точно так же, как они экспериментировали с удовольствиями.

Ровернарк совершенно сошел с ума. Он был поражен ужасным недугом, и мне было жаль этих людей, столь совершенных и талантливых, но полностью погрязших в саморазрушении.

Под сводами богато и вычурно разукрашенных залов и галерей все время звучали стоны и крики: высокие, режущие ухо крики боли и

наслаждения, смех, переходящий в рыдания, вопли ужаса, причитания, плач…

Я проходил мимо, иной раз спотыкаясь о мертвое тело, иной раз с трудом вырываясь из объятий какой-нибудь обнаженной девицы, едва переступившей порог половой зрелости.

Даже книги, что мне попадались, были странными и ужасными. Лорд Шаносфейн предупреждал меня об этом. Большая часть литературных произведений являла собой образчики совершенно декадентской прозы, настолько заумной, что по большей части казавшейся просто бессмысленной. Но заумной была не только художественная литература. Все исследования, основанные вроде бы на реальных фактах, были написаны в той же манере. Мой мозг просто отказывался воспринимать все это, у меня от напряжения голова шла кругом.

Иной раз, устав от бесплодных попыток понять смысл этих писаний, я уходил бродить по галереям, вырубленным в скале. Мне часто встречался там лорд Шаносфейн. Его аскетическое лицо всегда носило печать глубокой отрешенности; он был погружен в какие-то абстрактные размышления, а его подданные между тем шныряли вокруг, посмеиваясь над ним и делая у него за спиной неприличные жесты. Он редко обращал на них внимание: лишь иногда взглянет, склонив голову набок и слегка нахмурясь, и идет себе дальше.

Встречаясь с ним, я сначала всякий раз приветствовал его, но он, словно не замечая этого, проходил мимо. Я невольно раздумывал, что за мысли бродят в его голове. И был уверен в том, что, если он разрешит мне еще раз побеседовать с ним, я узнаю от него гораздо больше, нежели сумел узнать сам из прочитанных книг и манускриптов. Но он больше не давал согласия на аудиенцию.

Мое пребывание в Ровернарке было так похоже на сон, что по ночам я спал совершенно без сновидений. Так прошло пятьдесят ночей. Но на пятьдесят первую — мне кажется, это случилось именно тогда — ко мне вновь вернулись прежние видения…

Они очень напугали меня, когда я еще лежал в объятиях Эрмизад. А теперь я был даже рад этому…

…Я стоял на вершине холма и беседовал с рыцарем, у которого не было лица. Он был в черно-желтых доспехах. Между нами в землю

был вбит шест, а на нем трепетал бледный флаг без какого-либо герба.

Под нами, в долине, горели города и села. Красные языки пламени поднимались повсюду, а над долиной висела пелена черного дыма.

Мне казалось, что все человечество сражается сейчас в этой долине — все, кто когда-либо жил и дышал на нашей планете, все — кроме меня.

Там передвигались, маршируя, огромные армии. Я видел воронов и стервятников, терзающих падаль на полях сражений. Я слышал отдаленный рокот барабанов, пушечную пальбу, звуки труб.

— Ты — граф Урлик Скарсол из Ледяного Замка, — сказал мне рыцарь без лица.

— Я — Эрекозе, ставший принцем элдренов, — отвечал я твердо.

Рыцарь без лица рассмеялся:

— Уже нет, о воин. Ты больше не Эрекозе.

— Почему я должен страдать бесконечно, о Черно-Желтый Рыцарь?

— Но ты вовсе и не будешь — если смиришься со своей судьбой. В конце концов смерть тебе не страшна. Да, ты можешь исчезнуть, но тут же возродишься в новом воплощении.

— Но именно это и заставляет меня страдать! Если бы я не помнил о своих предыдущих воплощениях, тогда я счел бы каждое из них просто обычной жизнью.

— Некоторые люди многое бы отдали за это!

— Но я же знаю далеко не все! Я знаю свою судьбу, но не знаю, за что она мне ниспослана! Я не понимаю строения вселенной, через просторы которой меня швыряет! И швыряет, кажется, совершенно наобум!

— Такая уж это вселенная. У нее нет постоянного строения.

— Ну вот, ты мне, по крайней мере, хоть это сообщил!

— Я отвечу на любой вопрос, какой ты ни задашь. Зачем мне лгать тебе?

— Тогда вот мой первый вопрос: «Зачем тебе лгать мне?»

— Ты слишком хитер, мой дорогой Герой! Я солгал бы тебе, если бы хотел тебя обмануть.

— Ты лжешь мне?

— Ответ будет такой…

И Рыцарь в черно-желтых доспехах исчез. Растворился. А армии все продолжали свои бесконечные марши у подножия холма. Все они пели, и до моего слуха донеслась одна из этих песен:

Империи падут,
Столетия уснут,
Исчезнут споры и иссякнут реки.
Все рыцари умрут,
Надежды, пропадут,
Но Танелорн останется вовеки.
Наш Танелорн останется навеки…

Обычная маршевая солдатская песня, но что-то в ней было, что-то очень важное для меня. То ли сам я когда-то имел отношение к Танелорну? То ли пытался найти его?

Я так и не понял, которая именно из проходивших внизу армий пела эту песню. А она уже доносилась откуда-то издалека, еле слышно:

И все миры уйдут,
Во мраке пропадут,
Но Танелорн останется вовеки.
Наш Танелорн останется навеки…

Танелорн…

Меня вновь охватило чувство огромной утраты, такое же, как тогда, когда меня оторвали от Эрмизад. Но теперь оно было связано с Танелорном.

И я решил, что, если бы мне удалось найти Танелорн, я бы, возможно, нашел и ключ к загадке своей Судьбы, а также способ покончить с этой обреченностью и преследованиями рока.

На холме рядом со мной, по другую сторону от флага, вдруг возникла неясная женская фигура. А внизу все шли и шли бесконечные армии, все пылали города и деревни…

Я взглянул на появившуюся женщину и невольно воскликнул:

— Эрмизад!

Она лишь грустно улыбнулась мне:

— Я не Эрмизад. Ты имеешь одну душу и много воплощений, а у Эрмизад одно обличье, но много душ!

— На свете есть только одна Эрмизад!

— Да, но есть много других, что похожи на нее.

— Кто ты?

— Я — это я.

Я отвернулся. Я знал, что она говорит правду, что это не Эрмизад, но я не мог видеть ее лицо, лицо Эрмизад. Я уже устал от этих бесконечных загадок.

Потом я спросил у нее:

— А ты слыхала о Танелорне?

— Многие слыхали о Танелорне. И многие пытались его найти. Это очень древний город. Он существует вечно.

— Как мне попасть туда?

— Только ты сам можешь ответить на этот вопрос, Герой.

— Но где он находится? В этом мире, в мире Урлика?

— Танелорн существует во многих мирах, во многих царствах, во многих измерениях. Танелорн вечен. Иной раз он недоступен, иной раз — открыт для всех, хотя большинство даже не представляет себе истинной сущности этого города. Но Танелорн принимал и принимает многих Героев.

— Найду ли я Эрмизад, если мне удастся найти Танелорн?

— Ты найдешь все то, что действительно стремишься найти. Но сначала ты должен вновь взять в руки свой Черный Меч.

— Вновь? Разве я уже владел Черным Мечом?

— Владел, и не раз.

— А где мне искать его?

— Скоро узнаешь. Очень скоро он будет у тебя, ибо носить его — твой удел и твоя трагедия.

И женщина тоже исчезла.

А армии все продолжали передвигаться, и поселения в долине все горели, и на шесте по-прежнему развевался флаг без герба…

Затем на том месте, где только что стояла женщина, материализовалось нечто, не похожее на человека. Какое-то дымное облако, постепенно менявшее форму.

Я сразу понял, что это — Черный Меч. Огромный черный двуручный меч с лезвием, покрытым руническими письменами, обладающими чудовищной магической силой.

Я невольно отступил назад:

— НЕТ! Я БОЛЬШЕ НИКОГДА НЕ ВОЗЬМУ ЕГО!

В ответ чей-то голос, полный мудрости и злобы и, казалось, исходящий прямо из лезвия меча, издевательски произнес:

— ТОГДА ТЕБЕ НИКОГДА НЕ ЗНАТЬ ПОКОЯ!

— ИЗЫДИ! ПРОЧЬ!

— Я ТВОЙ, ТОЛЬКО ТВОЙ. ТЫ — ЕДИНСТВЕННЫЙ, КТО МОЖЕТ НОСИТЬ МЕНЯ!

— Я ОТРЕКАЮСЬ ОТ ТЕБЯ!

— ТОГДА ТВОИ СТРАДАНИЯ БУДУТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ!

Я проснулся от собственного крика, весь мокрый от пота. Рот и горло жгло, как огнем.

Черный Меч. Теперь я все вспомнил. Теперь я знал, что он каким-то образом связан с моей Судьбой.

Но все остальное — был ли то лишь ночной кошмар, дурной сон? Или мне в символической форме предлагалась какая-то информация? Мне так и не удалось этого понять.

Я протянул руку, и она вдруг коснулась чьего-то теплого тела. Эрмизад вернулась ко мне!

Я привлек к себе обнаженное тело и наклонился, чтобы поцеловать ее в губы…

Она ответила на мой поцелуй. Губы ее, жаркие и сухие, жадно прильнули к моим. Нагое тело прижалось ко мне, и она зашептала мне на ухо какие-то непристойности…

С жутким проклятием я отскочил в сторону. Ярость и отвращение овладели мною. Это была вовсе не Эрмизад! Это была одна из женщин Ровернарка, забравшаяся ко мне в постель, пока мной владел ночной кошмар.

Чувство разочарования было столь непереносимым, что я зарыдал. А женщина смеялась.

Потом иное чувство овладело мною — странное чувство, совершенно мне незнакомое, но оно овладело всем моим существом.

Я яростно накинулся на обнаженную плоть:

— Так ты жаждешь удовольствий?! Хорошо, ты их получишь, все удовольствия на свете!

Утром я проснулся на развороченной постели, опустошенный и обессиленный. Женщина поднялась и, пошатываясь, удалилась со странным выражением на лице. Видимо, то, что она испытала со мною этой ночью, было далеко от удовольствий. Я, во всяком случае, ничего похожего не ощутил, и мной владело одно отвращение.

Но в голове у меня засело воспоминание о ночном кошмаре. Видение Черного Меча не покидало меня. Думаю, что я набросился на эту женщину лишь с одной целью — забыть о нем, избавиться от этого воспоминания. Кажется, именно это преследовавшее меня видение и заставило меня проделывать с этой несчастной все то, что я с нею проделал. Не знаю, до конца не уверен. В чем я, однако, был твердо уверен, так это в том, что много раз проделаю это с нею, если это даст мне возможность избавиться — хотя бы на несколько мгновений — от преследующего меня видения.

На следующую ночь я спал без сновидений. Но старые страхи вновь овладели мною. И когда у меня в спальне снова появилась та женщина, которую я всю истерзал прошлой ночью, я хотел тут же прогнать ее. Но она сказала, что пришла с поручением от епископа Белпига. Она, по-видимому, была одной из его рабынь.

— Мой господин считает, что некоторое разнообразие поможет вам справиться с плохим настроением, — сообщила она. — Он завтра собирается на большую охоту в море. И спрашивает, не хотите ли и вы принять в ней участие.

Я отшвырнул книгу, которую пытался читать.

— Ладно. Я поеду. Это, наверное, будет интереснее, чем ломать себе голову над этими проклятыми книгами!

— А меня вы с собой возьмете, лорд Урлик?

На лице ее было написано неприкрытое желание. Она облизнула влажные губы, и это заставило меня вздрогнуть от отвращения.

Но я лишь пожал плечами:

— А почему бы и нет?

Она захихикала:

— А можно мне взять с собой подружку? Она очень аппетитная!

— Как хочешь.

Но когда она вышла, я упал на полированный обсидиановый пол и, обхватив голову руками, заплакал.

— Эрмизад! О, моя Эрмизад!

Глава VI
Соленое море

На следующее утро я присоединился к епископу Белпигу за воротами, на дороге, ведущей вниз, к морю. Теперь я мог гораздо лучше разглядеть его лицо, которое он пытался спрятать под слоем косметики, поскольку здесь все-таки светило солнце, хотя и тусклое. В его неярком свете сразу стали видны набрякшие веки, обвисшие щеки, опущенные углы чувственного, порочного рта, морщины, свидетельствующие о годах разврата, — и все это было покрыто пудрой, румянами и белилами, призванными сделать его внешность хоть немного более пристойной.

Духовного Владыку окружала его свита: такие же размалеванные мальчики и девицы, хихикающие и кривляющиеся. Поеживаясь от холода, они тащили вниз массу багажа.

Епископ подхватил меня своей жирной ручкой под руку и повлек впереди своей свиты вниз, к гавани, где нас ждал очень странный корабль.

Я поборол отвращение, когда меня коснулась рука Белпига. Оглянувшись назад, я убедился, что мое оружие несут следом. Раб пошатывался под тяжестью моего длинного, отделанного серебром копья и боевого топора. Я и сам не мог понять, зачем мне понадобилось брать с собой оружие, но епископ не выказал никаких признаков неудовольствия по этому поводу, хотя я совсем не был уверен в том, что это ему понравилось.

Несмотря на полное разложение и безысходность, царившие в Ровернарке, город никогда ничем мне не угрожал. Его обитатели не делали мне ничего плохого и, убедившись в том, что я не склонен участвовать в их развлечениях, оставили меня в покое. Они, так сказать, соблюдали по отношению ко мне полный нейтралитет. Лорд Шаносфейн тоже соблюдал нейтралитет. Но вот о епископе Белпиге этого сказать было нельзя. Было в нем что-то гнусное, зловещее; я уже начинал склоняться к мысли, что он здесь, вероятно, единственный, у кого могло возникнуть хоть какое-то стремление, хоть какое-то

желание — пусть даже самое противоестественное — вырваться за рамки привычного времяпрепровождения.

Конечно, если судить чисто по внешним проявлениям, епископ Белпиг был самым отъявленным из всех здешних сибаритов, и то, что я подозревал в нем какую-то угрозу, было, вероятно, следствием моего пуританского воспитания. Я все твердил себе, что он — единственный житель Ровернарка, в котором заметны хитрость и изворотливость.

— Ну, мой милый граф Урлик, что вы думаете по поводу этого корабля? — Белпиг ткнул своим толстеньким, унизанным кольцами пальцем в сторону причала. Он был сегодня в таких же пузыреобразных доспехах, что я впервые увидел на всадниках из встретившего меня на берегу патруля. Шлем его нес один из рабов. На плечи епископа был наброшен расшитый плащ.

— Никогда не видел ничего более странного, — ответил я откровенно.

Мы уже подошли к полосе прибоя, и корабль был теперь хорошо виден. Он стоял близко от берега, где толпилась группа людей. Я решил, что это, видимо, его команда. Корабль был футов сорока в длину и футов десяти в высоту. Отделан и изукрашен он был так же роскошно, как и все остальное в Ровернарке: золотые, серебряные, бронзовые рельефные накладки покрывали все его деревянные части. Надстройки возвышались на нем пирамидой; они напоминали уходящие ввысь бесконечные террасы, образующие узкие палубы. Завершала их небольшая квадратная палуба, украшенная несколькими знаменами. Корпус корабля был поднят над уровнем воды на нескольких подпорках, к которым крепился широкий, чуть вогнутый лист какого-то полированного материала, напоминающего фибергласс. Корабль не имел мачт, но по обоим бортам виднелись колеса с широкими плицами. В отличие от привычных колесных пароходов эти колеса не были заключены в кожухи, а просто торчали наружу. Плицы их, хотя и толстые и широкие, казались слишком хрупкими, чтобы двигать этот корабль по соленому морю.

— У него, должно быть, очень мощная машина, — предположил я.

— Машина? — Белпиг захихикал. — Нет у него никакой машины.

— А как же тогда?..

— Погодите, сами увидите. Давайте поднимемся на борт.

У людей, стоявших на берегу, было наготове двое носилок. Они явно предназначались для нас. Белпиг и я, хрустя подошвами по кристаллическому песку пляжа, приблизились к ним. Епископ несколько неохотно забрался в одни носилки, я — в другие. Можно было бы, конечно, дойти до корабля вброд, но вид этой похожей на слизь вязкой соленой воды не вызывал у меня ничего, кроме отвращения. Клочья серой пены плескались у берега, где волны бились о песок. Пахло гнилью, плесенью и отбросами. Видимо, все нечистоты Ровернарка сбрасывались прямо в море.

Рабы подняли носилки и вошли в воду, которая своей плотностью больше походила на кашу. Поверхность ее была покрыта какими-то растениями, черными и маслянистыми. С борта корабля спустили раскладной трап, и Белпиг первым взошел по нему на палубу, задыхаясь и жалуясь на трудный подъем. Затем мы вошли в дверь в нижней части надстройки и стали подниматься по новым трапам, пока не достигли самой верхней палубы корабля.

Свита и экипаж последовали за нами. Они разместились на других палубах, ниже нас.

Нос корабля был высоко поднят над водой. По обоим бортам вдоль носовой надстройки тоже шла узкая, как галерея, палуба, окруженная перилами из кованого железа в стиле рококо. С этой галереи вниз, в воду, свисало множество канатов. Они крепились к пиллерсам, и я решил, что это якорные канаты.

Осматривая корабль, я подумал, что он больше похож на огромную повозку, нежели на морское судно. Его колеса с множеством спиц тоже больше напоминали колеса телеги. К тому же я не заметил, чтобы к ним шел хоть какой-то привод.

Появился раб, который тащил мое оружие, и вручил мне копье и топор. Я поблагодарил его и закрепил их в зажимах, специально для этого приделанных к внутренней стороне фальшборта.

Белпиг взглянул на небо, как моряк обычно смотрит, чтобы определить погоду и ветер. На мой взгляд, в низко плывущих облаках, в окружающих залив мрачных утесах и в вяло плещущих волнах не изменилось ничего. Солнце было скрыто тучами, которые еще больше рассеивали его и без того скудный свет. Я поплотнее запахнул свой толстый плащ, с нетерпением ожидая, когда епископ отдаст наконец приказ отплывать.

Я уже сожалел о своем решении составить ему компанию в этой поездке, так как не имел ни малейшего представления, на кого мы будем охотиться и каким образом. Кроме того, ощущение дискомфорта усиливалось еще и тем, что внутренний голос все время нашептывал мне, что Белпиг пригласил меня на эту охоту по каким-то своим соображениям, далеким от того, чтобы просто развеять скуку.

Моргег, капитан епископской стражи, поднялся к нам по трапу и поклонился Белпигу:

— Корабль готов к отплытию, лорд епископ.

— Хорошо, — ответил тот, кладя руку на мое плечо. — Сейчас вы увидите, что за машина движет этим кораблем, граф Урлик. — Он со значением улыбнулся Моргегу. — Командуйте, Моргег.

Моргег перегнулся через перила. На носовой палубе на скамьях сидели вооруженные воины, держась за канаты, которые я вначале счел якорными. У них в руках были хлысты, а рядом со скамьями лежали длинные острые гарпуны.

— К отплытию! — крикнул Моргег.

Стражники натянули канаты и подняли хлысты.

— Вперед!

Хлысты по его команде одновременно поднялись и, щелкнув, хлестнули по поверхности моря. Раз, другой, третий… Море под носом корабля вдруг заволновалось, и из глубины что-то поднялось к поверхности воды.

И вдруг над волнами показались огромные головы с оскаленными пастями. Головы одновременно повернулись и посмотрели на людей с хлыстами, сидевших на баке. Из пастей вырвались странные лающие звуки. Чудовищные драконьи тела взбурлили поверхность моря. У этих животных были плоские головы и длинные носы. На них была надета особая сбруя, от которой на бак тянулись канаты-вожжи, с помощью которых воины заставили животных развернуться мордами в открытое море.

Вновь щелкнули хлысты, и животные потянули корабль вперед.

Колеса закрутились. Но они вовсе не двигали корабль, они лишь поддерживали его на воде, как колеса держат повозку.

Да, именно повозкой и был этот странный корабль, огромной повозкой, предназначенной для того, чтобы катиться по поверхности воды с помощью страшных монстров, которые мне представлялись

жуткой помесью легендарного морского змея, морских львов из мира Джона Дэйкера и саблезубых тигров.

Волны кошмарного океана бороздили совершенно кошмарные животные, которые тащили за собой наше чрезвычайно странное судно!

Хлысты защелкали громче, воины затянули какую-то песню, и монстры еще быстрее повлекли корабль в открытое море. И вскоре Ровернарк и весь унылый берег скрылись за горизонтом. Мы были одни в этом странном безмолвном море.

Епископ Белпиг оживился. Он надел шлем и поднял забрало. В обрамлении полированной стали его лицо выглядело еще более порочным.

— Ну, граф, что вы думаете об этих наших «машинах»?

— Никогда не встречал подобных чудовищ! И даже представить не мог, что такое существует! Как вам удается приручать их?

— Мы их называем *слеви* и разводим специально для этой работы. Это домашние животные. Когда-то в Ровернарке было много ученых. Они создали наш город, снабдив его отоплением от источников тепла в глубине планеты. Они построили наши корабли, а также вывели разные новые породы животных для перевозки тяжестей. Но это было тысячи лет назад. Теперь нам такие ученые уже не нужны…

«Странно», — подумал я. Но никак не отреагировал на это заявление. Вместо этого я сказал:

— Так на кого мы будем охотиться, лорд епископ?

Белпиг глубоко вздохнул, словно в предвкушении:

— Мы будем охотиться на самого морского оленя, вот на кого! Это опасное предприятие! Мы все можем погибнуть!

— Мысль о смерти в этом мерзком море не очень привлекательна, — заметил я.

— Да, гнуснее смерти не придумаешь! — он захихикал. — Это, наверное, самая похабная из всех смертей! Но в этом-то и заключается прелесть нашего предприятия!

— Может быть, для вас.

— Да бросьте, граф! Мне кажется, вам уже начинает нравиться наш образ жизни!

— Вы знаете, как я благодарен вам за гостеприимство. Если бы не вы, я бы, вероятно, совсем пропал… Но слово «нравится» сюда как-то

не очень подходит. Так мне, во всяком случае, кажется.

Он облизал свои пухлые губы. Его бледные глазки теперь горели и сверкали.

— Но эта девочка-рабыня?..

Я глубоко вдохнул в себя холодный, насыщенный солью воздух.

— Мне приснился той ночью ужасный кошмар, а проснувшись, я обнаружил подле себя эту девицу. Мне даже сначала показалось, что она — продолжение этого кошмара…

Белпиг расхохотался и похлопал меня ладонью по спине:

— Эх вы, сластолюбец! В Ровернарке не надо ничего стесняться! Она мне все рассказала!

Я отвернулся и оперся на перила фальшборта, глядя на мрачные волны. На лице у меня уже образовалась корка соли. Борода от нее вся склеилась и царапала мне кожу.

Морские чудища, издавая время от времени лающие звуки, тащили корабль вперед, колеса шлепали своими плицами по густосоленой воде, епископ все хихикал и обменивался взглядами с мрачным Моргегом. Иногда в разрывы между тучами пробивались лучи тусклого красноватого светила. Оно выглядело как драгоценный камень, свисающий с потолка темной пещеры. Иной раз тучи сходились столь низко и столь плотно, что закрывали вообще весь свет, и мы двигались в полной темноте, в которой едва видны были слабые огоньки наших фонариков. Поднялся легкий бриз и захлопал полами моего плаща, заполоскал знамена, висевшие на флагштоках, но почти не потревожил поверхность соленого моря.

Волнение в моей душе улеглось. Губы еще пытались произнести имя Эрмизад, но ни звука не слетало с них, словно они боялись чего-то.

Корабль продолжал двигаться вперед. Ничем не занятый экипаж и рабы из свиты епископа бесцельно слонялись по палубам, присаживаясь то там, то тут.

А епископ Белпиг, кажется, вовсю наслаждался прогулкой. Его толстые щеки все время тряслись от хохота.

Я подумал, что теперь мне все совершенно безразлично, даже если я погибну на этой охоте в этом странном соленом море.

Глава VII
Колокол и Чаша

Несколько позже епископ Белпиг удалился в свою каюту вместе с рабами. Девица, что принесла его приглашение на охоту, появилась на палубе, подошла ко мне и положила теплую ладонь на мою озябшую руку.

— Господин, я не нужна тебе?

— Пойди отдайся Моргегу или кому-нибудь еще, кто тебя пожелает, — ответил я равнодушно. — И, прошу тебя, забудь о той ночи…

— Но ты же сам велел мне ехать и подружку с собой взять… Я думала, ты уже немного привык к нашим обычаям и тоже хочешь получать удовольствие…

— Никакого удовольствия ваши обычаи мне не доставляют. Пожалуйста, уходи.

Она ушла, и я остался на палубе в одиночестве. Потер ладонью уставшие глаза, залепленные солью. Потом тоже спустился вниз, нашел отведенную мне каюту и запер за собой дверь. Рундук, сплошь заваленный мехами, я проигнорировал и предпочел улечься в подвесной койке, предназначенной, несомненно, для слуги.

Укачиваемый в этом гамаке, я скоро заснул.

И сразу мне стали сниться сны, неясные и странные. Какие-то картины, какие-то слова… Лишь некоторые из них достигали моего слуха, но и этого было достаточно, чтобы я содрогнулся.

ЧЕРНЫЙ МЕЧ
ЧЕРНЫЙ МЕЧ
ЧЕРНЫЙ МЕЧ — МЕЧ ГЕРОЯ
СЛОВО МЕЧА — ЗАКОН ДЛЯ ГЕРОЯ
ЧЕРНЫЙ МЕЧ
НА КЛИНКЕ МЕЧА — КРОВЬ СОЛНЦА
РУКОЯТЬ МЕЧА И РУКА ГЕРОЯ — ЕДИНОЕ ЦЕЛОЕ
ЧЕРНЫЙ МЕЧ
РУНЫ НА КЛИНКЕ МОГУЩЕСТВЕННЫ И МУДРЫ

ИМЯ МЕЧА ЕСТЬ ИМЯ КОСЫ
ЧЕРНЫЙ МЕЧ
ЧЕРНЫЙ МЕЧ
ЧЕРНЫЙ…

Слова эти барабанным боем звучали у меня в ушах. Я потряс головой и чуть не вывалился из гамака. За дверью послышались чьи-то поспешные шаги. Потом шаги раздались у меня над головой. Я вылез из гамака, подошел к умывальнику в углу, плеснул в лицо холодной водой, а затем вышел из каюты и по разукрашенному трапу поднялся на верхнюю палубу.

Там стоял Моргег и еще один человек. Они наклонились через фальшборт, прислушиваясь к чему-то. Воины на баке продолжали хлестать тягловых чудовищ.

Увидев меня, Моргег отступил от борта. Его бледные глаза смотрели озабоченно.

— Что там? — спросил я.

Он пожал плечами:

— Нам показалось, что мы что-то услышали. Странный звук… Мы такого в здешних водах никогда не слышали.

Я тоже некоторое время прислушивался, но услышал только щелканье хлыстов да шлепанье плиц о воду.

Потом я различил какой-то иной звук. Неясный, гулкий, прямо по курсу корабля. Я впился глазами в туманную даль. Звук доносился все более отчетливо.

— Это же колокол! — вскричал я.

Моргег нахмурился:

— Колокол? Может, впереди скалы? И кто-то нас предупреждает?

Моргег ткнул пальцем в морских чудовищ:

— Если бы впереди были скалы, слевы их тотчас бы почуяли и отвернули в сторону.

Звон между тем усиливался и приближался. Он, видимо, исходил от огромного колокола: звук был низкий и глубокий, от него даже корпус корабля дрожал.

Он обеспокоил и наших морских чудищ. Они пытались свернуть, но хлысты воинов заставляли их плыть по прежнему курсу.

А звук все нарастал, пока, казалось, не обволок всех нас.

На палубе появился епископ Белпиг. Он был без доспехов, в чем-то вроде ночной рубашки, поверх которой был накинут огромный меховой плащ. Колокол, без сомнения, заставил его прервать очередную оргию. На лице епископа был написан откровенный страх.

— Вы знаете, что это за колокол?

— Нет! Нет!

Но я понял, что он знает. Или, по крайней мере, догадывается, что это такое. И очень этого боится.

— Бладрак… — начал было Маргег.

— Молчать! — рявкнул Белпиг. — Как он мог здесь оказаться?

— Что такое *бладрак*? — спросил я.

— Ничего, — пробормотал Моргег, глядя на епископа.

Я не стал настаивать, но ощущение опасности, которое не покидало меня с того момента, как я взошел на этот корабль, еще более усилилось.

Звон теперь был такой мощный, что у меня заболели уши.

— Поворачивай корабль! — приказал Белпиг. — Командуй, Моргег! Быстро!

Его явный страх удивил меня. Раньше он производил впечатление уверенного в себе человека.

— Возвращаемся в Ровернарк? — спросил я.

— Да, мы… — он замялся, глаза его скользнули по мне, повернулись к Моргегу, потом обратились в море. Он попытался улыбнуться. — Нет, пожалуй, нет.

— Почему вы передумали? — спросил я.

— Проклятие! Да замолчите же! — заорал было он, но тут же взял себя в руки. — Простите, граф Урлик. Ужасный звон! Нервы не выдерживают… — и он быстро убрался вниз по трапу.

А колокол все продолжал греметь, но воины уже разворачивали наших тягловых чудищ. Вспенив волны хвостами, те развернули корабль на обратный курс.

Воины без устали погоняли их хлыстами, и корабль постепенно набирал ход.

А звон все звучал, но звук его теперь был несколько тише.

Корабль шел очень быстро, и колеса поднимали водяную пыль, сбивая верхушки волн. Наша огромная морская повозка вся тряслась и качалась, и мне пришлось даже ухватиться за перила.

Звон понемногу стихал за кормой, и скоро вокруг нас вновь царила почти полная тишина.

Епископ снова появился на палубе, на сей раз облаченный в броню и с плащом на плечах. Лицо соответствующим образом обработано косметикой, но под ее слоем я заметил необычную для него бледность. Он поклонился мне, кивнул Моргегу и даже изобразил на губах нечто вроде улыбки.

— Простите, граф Урлик. Я на секунду потерял голову. Я только перед этим проснулся и еще не пришел в себя… Ужасный был звук, правда?

— Более ужасный для вас, нежели для меня, как мне кажется. Я думаю, вы узнали этот звук, епископ.

— Нет!

— И Моргег тоже узнал. Он даже назвал какое-то имя — Бладрак…

— Очередная сказка! — Белпиг резко взмахнул рукой, словно прекращая этот разговор. — Легенда о морском чудовище, Бладраке, голос которого якобы похож на звук огромного колокола. Моргег вообще верит во всякие чудеса. И, видимо, решил, что Бладрак явился сюда, чтобы поглотить нас. — Голос его поднялся почти до визга и звучал совершенно неубедительно.

Я был гостем на этом корабле, и мне было неудобно продолжать свои расспросы. Пришлось удовлетвориться тем объяснением, которое мне было предложено, хотя оно выглядело как только что сочиненная ложь. Я вернулся в свою каюту, а Белпиг отдал Моргегу приказ вновь изменить курс. В каюте я обнаружил все ту же девицу. Она лежала на койке совершенно голая и улыбалась мне.

Я тоже ей улыбнулся и залез в гамак.

Но вскоре меня опять побеспокоили.

Не успел я закрыть глаза, как услышал крики на палубе.

Опять я торопливо вылез из гамака и побежал наверх.

На этот раз не было никаких колоколов. Белпиг и Моргег, перегнувшись через борт, кричали что-то матросу на нижней палубе. Когда я вышел на палубу, тот как раз отвечал им:

— Клянусь, я видел! Свет слева по курсу!

— Но мы далеко от берега! — не унимался Моргег.

— Тогда это, наверное, корабль.

— Что, еще одна легенда ожила? — спросил я Белпига.

Он резко повернулся и уставился на меня.

— Я сам ничего не понимаю, граф Урлик! По-моему, матрос все выдумывает! Ему просто показалось! Обычная вещь: стоит встретить в море одно необъяснимое явление, за ним тут же следуют другие!

Я кивнул. Так действительно бывает. Но тут я сам увидел свет в море.

— Смотрите, это, должно быть, еще один корабль!

— Слишком мощный свет для корабельного фонаря.

И тут я решил задать ему вопрос, который не давал мне покоя после беседы с лордом Шаносфейном.

— А что, если это Серебряное Воинство?

Епископ бросил на меня испытующий взгляд.

— А что вы знаете о Серебряном Воинстве?

— Очень немногое. Например, что они принадлежат к иной расе. Что они завоевали большую часть побережья по ту сторону моря. Их считают пришельцами из страны, которая зовется Луной и находится на обратной стороне мира.

— Кто вам все это рассказал?

— Лорд Шаносфейн. Светский Владыка.

— Ну, он мало знает о событиях в мире, — сказал епископ. — Он больше интересуется абстрактным знанием. Серебряное Воинство — не такая уж серьезная угроза. Они разграбили пару городов на том берегу, это правда, но, по моему мнению, они уже ушли, исчезли.

— А почему вы мне о них ничего не рассказали, когда я спрашивал, есть ли у вас враги или опасность их появления?

— Что? Враги? — Белпиг рассмеялся. — Я вовсе не считаю врагами этих воинов с другой стороны мира, которые никогда не угрожали нам!

— Вы их даже потенциальными врагами не считаете?

— Даже потенциальными! Как они могут напасть на нас? Ровернарк неприступен!

Тут опять раздался хриплый голос матроса:

— Вон! Вон, смотрите!

Матрос был прав.

И тут я услышал голос. Отдаленный, неясный, он словно звал на помощь.

— Может, кто-то попал в беду? — предположил я.

Епископ сделал нетерпеливый жест.

— Вряд ли!

И свет, и голос меж тем приблизились. И до нас явственно донеслось одно слово. Очень явственно.

— Берегитесь! — кричал голос. — Берегитесь!

Белпиг фыркнул:

— Пиратская уловка, вот что это такое! Моргег, воинов к бою!

Моргег отправился вниз.

Источник света был теперь совсем близко. А голос звучал несколько иначе — как стон или плач.

И тут мы увидели, что это такое. Огромная золотая чаша, словно подвешенная во мраке. Чаша гигантских размеров. Именно из нее исходили и свет, и стон.

Белпиг даже отступил на шаг и прикрыл глаза. Он, несомненно, никогда в жизни не видел такого яркого света.

Голос зазвучал вновь:

— УРЛИК СКАРСОЛ, ЕСЛИ ТЫ ХОЧЕШЬ ИЗБАВИТЬ ЭТОТ МИР ОТ БЕД И ОБРЕСТИ ПОКОЙ ДУШИ — ТЫ ДОЛЖЕН ВНОВЬ ПОДНЯТЬ ЧЕРНЫЙ МЕЧ!

Это был голос, который преследовал меня в моих ночных кошмарах. Теперь он звучал наяву. Настала моя очередь испугаться.

— Нет! — воскликнул я в ответ. — Я никогда больше не коснусь Черного Меча! Я поклялся в этом!

Я произносил все эти слова сам, но они как будто исходили не из моих уст, словно не я их придумал. Ведь я до сих пор так и не понял, что такое Черный Меч и почему я отказываюсь владеть им. И отвечал как бы не я, а все те воины, коими я когда-то был, и те, кем мне еще предстояло стать.

— ТЫ ДОЛЖЕН!

— Никогда! Ни за что!

— ЕСЛИ НЕТ, ЭТОТ МИР ПОГИБНЕТ!

— Он и так обречен!

— НЕТ!

— Кто ты? — я все еще не верил, что это проявление какой-то потусторонней, сверхчеловеческой силы. Все, что до сего времени со мной случалось, имело хоть сколько-нибудь приемлемое объяснение.

Но только не эта кричащая Чаша и не этот голос, звучащий с небес, подобно голосу Бога. Я всматривался в Чашу, стараясь определить, что в нее налито, но, похоже, она была пуста.

— Кто ты? — вновь прокричал я.

Искаженное лицо епископа Белпига заливал яркий свет. Он корчился от ужаса.

— Я — ГОЛОС ЧАШИ. ТЫ ДОЛЖЕН ВНОВЬ ПОДНЯТЬ ЧЕРНЫЙ МЕЧ!

— Никогда!

— ТЫ НЕ СТАЛ СЛУШАТЬ ГОЛОС, ЧТО ЗВУЧАЛ В ТВОИХ СНАХ, ПОЭТОМУ Я ПРИШЕЛ К ТЕБЕ НАЯВУ В ЭТОЙ ФОРМЕ, ЧТОБЫ ТЫ НАКОНЕЦ ПОНЯЛ, ЧТО ДОЛЖЕН ВНОВЬ ПОДНЯТЬ ЧЕРНЫЙ МЕЧ…

— Никогда! Я же поклялся!

— …И КОГДА ТЫ ПОДНИМЕШЬ ЭТОТ МЕЧ, ТОГДА СМОЖЕШЬ НАПОЛНИТЬ ЧАШУ! ДРУГОЙ ТАКОЙ ВОЗМОЖНОСТИ МОЖЕТ НЕ ПРЕДСТАВИТЬСЯ, ВЕЧНЫЙ ГЕРОЙ!

Я зажал уши ладонями и закрыл глаза.

И тут же почувствовал, что свет пропал.

Я поднял веки.

Чаша исчезла. Вокруг опять царил мрак.

Белпиг весь трясся от страха. Было ясно, что он считает меня виновником этого ужасного явления.

— Это не по моей вине, уверяю вас, — произнес я мрачно.

Белпиг долго кашлял, прежде чем что-то сказать.

— Я слыхал о людях, способных вызывать иллюзии, граф Урлик, но совсем не такие иллюзии… Не такие страшные… Это впечатляет, но я надеюсь, вы не станете еще раз злоупотреблять своей властью… То, что я не могу ответить на ваши вопросы касательно этого колокола, вовсе не значит, что вам следует прибегать…

— Даже если это была иллюзия, епископ, вызвал ее вовсе не я.

Белпиг хотел что-то сказать, но передумал. Пошатываясь и содрогаясь, он отправился вниз.

Глава VIII
Логовище морского оленя

Я еще долгое время оставался на палубе, вглядываясь в полумрак в надежде увидеть хоть что-нибудь, что даст мне ключ к разгадке этого странного видения. Если не считать той ночи в царстве элдренов, когда я видел себя таким, каким я стал теперь, это было в первый раз, когда мои ночные кошмары явились ко мне наяву.

И теперь это был, конечно, не сон, ибо епископ Белпиг был всему этому живым свидетелем, равно как и весь экипаж корабля, и члены его свиты. Они переговаривались на нижних палубах-террасах, поглядывая на меня с некоторым беспокойством, несомненно надеясь, что я более не допущу подобных явлений.

Однако если кричащая чаша была со мной, то невидимый колокол явно имел какое-то отношение к епископу Белпигу.

Тогда почему епископ продолжал эту охоту? Любой здравомыслящий человек на его месте давно бы вернулся к Обсидиановому городу, к безопасности. Может быть, он назначил в этих водах рандеву с кем-нибудь? Но с кем? С кем-то из пиратов, которых он упоминал ранее? Или даже с Серебряным Воинством?

Но все это были незначительные вопросы по сравнению с последним событием. Так что же такое этот Черный Меч? И почему что-то внутри меня столь решительно от него отрекалось, хотя я понятия не имел о том, что это такое? Несомненно, это название вызвало в моей душе какой-то отклик, словно что-то смутно знакомое. И еще — мне очень не хотелось думать об этом. Именно поэтому я в ту ночь овладел этой девицей. Кажется, я был готов делать все что угодно, лишь бы забыть об этом мече, бежать от него.

Позднее, все такой же смущенный и растерянный, я вернулся в свою каюту и залез в гамак. Но заснуть не мог. Я просто не хотел спать, опасаясь, что во сне ко мне опять придут кошмары.

Я вспомнил обращенные ко мне слова: *Если ты хочешь избавить сей мир от бед и найти решение собственных проблем, ты должен вновь поднять Черный Меч.*

Монотонный речитатив вновь зазвучал в моих ушах: *Черный Меч. Черный Меч. Черный Меч. Черный Меч — меч Героя. Слово Меча — Закон для Героя…*

В одном из своих воплощений — то ли в прошлом, то ли в будущем, поскольку Время по отношению ко мне значения не имело — я, видимо, отрекся от Черного Меча и избавился от него. И тем самым, по всей вероятности, совершил преступление (или, по меньшей мере, обидел кого-то — или что-то? — жаждавшее, чтобы я вернул себе этот меч), за которое теперь я нес наказание: именно за это меня швыряло то туда, то сюда во Времени и Пространстве. Или, вполне возможно, как на то намекали мои ночные кошмары, мое наказание именно в том и состояло, что я теперь знал обо всех моих превращениях и воплощениях и полностью осознавал всю глубину своей трагедии. Утонченное наказание, если это действительно так.

Хотя я более всего желал обрести мир и покой и получить возможность вернуться к Эрмизад, что-то внутри меня отказывалось платить такую цену — согласиться вновь поднять Черный Меч.

На Клинке Черного Меча — Кровь Солнца. Рукоять Меча и Рука Героя — Единое Целое…

Еще более загадочное заявление. Я не имел ни малейшего понятия, что означает его первая часть. Вторая, по всей вероятности, означала просто, что моя собственная судьба и судьба меча тесно переплетены и неразделимы.

Руны на Клинке Меча — Могущественны и Мудры. Имя Меча есть имя Косы.

Здесь первую часть еще можно было понять. Она просто означала, что на клинке записана некая мудрость. Вполне возможно также, что под Косой подразумевалась та самая коса, с которой якобы приходит к нам Смерть.

Но и теперь я знал не более, чем раньше. Казалось, что я должен был все же снова взять в руки этот меч, несмотря на то что никто мне так и не объяснил, почему я когда-то решил навек с ним расстаться.

В дверь каюты постучали. Решив, что это опять давешняя девица, я крикнул:

— Оставь меня в покое!

— Этот Моргег, — раздался в ответ голос командира епископской гвардии. — Епископ просил сообщить вам, что мы подняли морского

оленя. Охота сейчас начнется.

— Хорошо. Иду.

Я слышал, как Моргег удалился по коридору. Надел шлем, взял боевой топор и копье и пошел наверх.

Может, азарт охоты поможет мне избавиться от моих мыслей?

Белпиг за это время как будто полностью пришел в себя и вновь выглядел веселым и самоуверенным. Он был в полном вооружении, забрало шлема поднято. Моргег теперь тоже был в латах.

— Итак, граф Урлик, скоро мы насладимся охотой, ради которой все это затеяли! — он хлопнул закованной в латную перчатку рукой по перилам.

Колеса корабля теперь вращались сравнительно медленно, и тянувшие судно морские чудища плыли неспешно, даже лениво.

— Мы недавно заметили рога морского оленя. Он всплыл совсем недалеко от нас, — сказал Моргег. — Видимо, сейчас он где-то рядом. У него нет жабр, так что он в конце концов снова всплывет. И мы должны быть готовы нанести удар именно в такой момент. — Он указал на воинов, выстроившихся у борта и готовых к охоте. В руках они держали длинные гарпуны с зазубренными наконечниками.

— А этот зверь может напасть на нас?

— Не бойтесь, — вмешался епископ. — Здесь, наверху, мы в полной безопасности.

— Я ведь поехал с вами развлечения ради, — ответил я. — И мне бы очень хотелось развлечься.

Он пожал плечами:

— Как вам угодно. Моргег, проводите графа Урлика на нижнюю палубу.

С топором и копьем в руках я последовал за Моргегом вниз по трапу. Спустившись на нижнюю палубу, я увидел, что колеса нашего корабля замерли.

Моргег вытянул шею, вглядываясь в полумрак.

— Вот он! — сказал он, указывая рукой.

Я увидел рога, очень похожие на рога тех оленей, которых видел в мире Джона Дэйкера. Определить их размер, однако, я был сейчас не в состоянии.

Я еще подумал, неужели это действительно обычное наземное животное, которое приспособилось к жизни в воде так, как тюлени

приспособились жить на суше. А может, это еще один гибрид, выведенный столетия назад учеными Ровернарка.

Все на корабле замерли в напряжении. Рога как будто приближались. Зверь явно хотел поближе рассмотреть чужаков, осмелившихся вторгнуться в его стихию.

Я подошел ближе к борту, и воины раздвинулись, освобождая мне место.

— Я должен вернуться к Владыке, — прошептал Моргег, повернулся и пошел наверх.

И тут я услышал сопение. Чудовищно громкое сопение. Зверь был гораздо крупнее, чем обычный олень!

Теперь мне уже были видны огромные красные глаза, уставившиеся на нас. Чудовищных размеров морда, похожая на бычью, появилась из полумрака. Гигантские ноздри дрожали и раздувались. Олень вновь выдохнул, и я почувствовал на лице его дыхание.

Воины молча подняли гарпуны, готовясь метнуть их.

Я успел глянуть на воду у носа корабля и отметил, что слевы погрузились в воду, как будто не желая участвовать в этом всеобщем помешательстве…

Морской олень заревел, и его тело поднялось из вязкой воды. Тяжелая, густая соленая вода потоками стекала с грубой маслянистой шкуры. Мощные передние конечности оказались на самом деле ластами, которые оканчивались булавоподобными отростками, лишь отдаленно напоминавшими копыта настоящего оленя. Несколько секунд эти ласты молотили по воздуху, потом вновь погрузились в воду, затем снова появились на поверхности. Чудовище опустило голову, готовясь к нападению на наш корабль.

С верхней палубы донесся голос Моргега:

— Первая группа, гарпуны — товсь! Бей!

Примерно треть воинов отвела руки назад и с силой метнула гарпуны в устремившегося на нас морского зверя. Его рога были длиной не менее пятнадцати футов, а их размах — еще больше.

Некоторые из гарпунов не попали в морского оленя, но остальные воткнулись ему в спину. Но ни один не попал в голову. Чудовище

заревело от боли, но приостановилось лишь на секунду, а затем вновь бросилось на нас.

— Вторая группа — бей!

И вновь туча гарпунов пронзила воздух. Два из них попали зверю в рога и отскочили, не причинив ему никакого вреда. Два попали в тело, но морской олень мотнул плечами, и гарпуны выскочили обратно. И тут рога ударили в корпус корабля. Кость столкнулась с металлом. Звук удара был ужасен. Корабль покачнулся, едва не перевернувшись, но все же выпрямился. Один из рогов со скрежетом скользнул вдоль борта, прямо по перилам ограждения. Несколько гарпунеров с распоротыми латами вылетели за борт. Я перегнулся через перила, пытаясь определить, можно ли им помочь, но они уже скрылись в волнах. Так человек тонет в зыбучем песке. Они протягивали к нам руки, словно моля о помощи, а их глаза говорили красноречивее любых слов.

Это было ужасно, тем более что инициатор охоты находился на верхней палубе в относительной безопасности.

Огромная голова чудовища нависла над нами, и мы все отскочили назад. Морской олень раскрыл пасть, полную зубов размером с тело взрослого человека. Между зубами извивался огромный красный язык.

Все мы в сравнении с оленем выглядели сущими карликами. Я сумел взять себя в руки и, поустойчивее встав на качающейся палубе, отвел назад руку с копьем и метнул его прямо в разинутую пасть. Острие вонзилось в глотку, и пасть немедленно захлопнулась. Зверь подался назад, тряся головой и скрежеща челюстями, пытаясь освободиться от застрявшего в пасти копья.

Один из гарпунеров хлопнул меня по спине, и мы увидели темную кровь, хлынувшую из носа чудовища.

Сверху донесся голос епископа Белпига:

— Прекрасно, Герой!

В этот момент я предпочел бы, чтобы мое копье вонзилось в сердце Белпига, а не в глотку морского оленя, которого мы потревожили в его собственных водах.

Я схватил гарпун, брошенный одним из выпавших за борт воинов, и метнул его в оленя, целясь в голову, но попал в основание левого рога. Гарпун, отскочив, исчез в волнах.

Морское чудовище опять заревело, выплюнув куски древка моего копья. Оно уже изготовилось к новой атаке.

На этот раз один из воинов, вдохновленный моим успехом, попал своим гарпуном чуть ниже правого глаза морского оленя. Тот издал ужасный вопль и, словно признав поражение, развернулся и быстро поплыл прочь.

Я с облегчением перевел дыхание. Но я рано радовался: я не учел кровожадности епископа.

— В погоню! — заорал он с верхней палубы. — Быстрее! Он направляется к своему логову!

Воины потянули за канаты, наши тягловые чудища всплыли на поверхность и потащили корабль следом за морским оленем.

— Это безумие! — закричал я. — Оставьте его в покое!

— Как! — воскликнул Белпиг. — И вернуться в Ровернарк без добычи? Никогда! Погоняйте, погоняйте! Быстрей!

Колеса корабля начали вращаться быстрее, и мы понеслись по морю вслед за раненым зверем.

Один из воинов грустно мне улыбнулся и тихо произнес:

— У нас говорят, что наш Духовный Владыка предпочитает разврату резню.

Он потер лицо. Он весь с головы до ног был покрыт кровью, которой отплевывалось чудовище.

— Не думаю, чтобы он был способен видеть разницу между тем и другим, — заметил я. — А куда устремилось чудовище?

— Морские олени устраивают свои логовища в пещерах. Видимо, где-то рядом есть остров. И наш приятель направляется именно туда.

— Они живут в одиночку, не стадами?

— В брачный сезон они сбиваются в стадо. Но сейчас не брачный сезон. Потому-то на него сейчас относительно безопасно охотиться. Стадо, хоть оно и состоит в основном из самок, прикончило бы нас мгновенно.

Два колеса по нашему борту были сильно повреждены, и корабль словно хромал на этот борт, стремительно двигаясь по поверхности океана. Слевы, видимо, были гораздо сильнее морского оленя. Они не только быстрее него разрезали тяжелые волны, но и тащили за собой тяжелый корабль.

Рога оленя по-прежнему маячили впереди, а чуть дальше, прямо по курсу из полумрака проступили контуры обсидиановых скал, таких же, из каких был вырублен Ровернарк.

— Вот он, остров! — воин мрачно ткнул своим гарпуном в скалистую гряду.

Я наклонился и поднял с палубы еще один брошенный гарпун.

Сверху вновь донесся голос Моргега:

— Гарпуны — товсь!

Олень уже исчез, но остров теперь был ясно виден. Маленький островок, сплошные блестящие скалы. Наши слевы взяли чуть в сторону, чтобы не врезаться в берег, и мы увидели черный зев пещеры.

Это было логово морского оленя.

И тут сверху раздался неожиданный и страшный приказ:

— Приготовиться к высадке!

Белпиг приказывал своим воинам идти прямо в пещеру с одними только гарпунами!

Глава IX
Схватка в пещере

И мы начали высадку.

Все, кроме Белпига, его свиты, а также воинов на носу, что управляли слевами, слезли в воду и вброд добрались до скалистого берега. Я одной рукой держал свой боевой топор, а другой сжимал гарпун. Белпиг помахал нам вслед с верхней палубы.

— Желаю удачи, граф Урлик! Если убьете морского оленя, это будет еще один подвиг, под стать другим вашим деяниям…

Я был того мнения, что охота вообще — занятие бессмысленное и жестокое, но мне хотелось быть вместе с остальными, чтобы закончить то, что мы начали: или добить чудовище, или погибнуть.

С большим трудом мы взобрались на прибрежную скалу и достигли входа в пещеру. Оттуда исходило ужасное зловоние, как будто чудовище уже издохло и начало разлагаться.

Воин, который говорил со мной на корабле, сказал:

— Это его навоз смердит. Морской олень — не самое чистоплотное животное…

Мне теперь еще больше не хотелось входить в пещеру.

Из пещеры донесся рев — морской олень учуял наше приближение.

Воины жались у входа, ни один не хотел входить первым.

У меня во рту пересохло. Наконец, пересилив себя, я отчаянно пробился вперед сквозь их ряды и, поудобнее перехватив гарпун, вошел в черный зев пещеры.

Вонь здесь стояла совершенно невыносимая. Я задыхался. В глубине пещеры что-то тяжело подвинулось, и мне показалось, что я вижу неясные очертания огромных рогов. Послышалось отрывистое сопение чудовища, и я услышал, как его гигантские ласты зашлепали по полу. Потом я разглядел его огромное гибкое тело и широкий плоский хвост.

Воины следовали за мной. Я взял у ближайшего из них фонарь, нажал на ручку у основания, и слабый свет озарил пещеру.

Сначала я увидел огромную тень морского оленя, а затем и его самого. Он лежал справа, прижавшись к стене. Из ран текла кровь. Его гигантское тело на земле казалось еще более огромным, чем в волнах моря.

Он приподнялся на своих передних ластах и угрожающе раскрыл пасть. Но пока не нападал. Он просто предупреждал нас, пугал, стараясь прогнать. Он давал нам возможность уйти без боя.

У меня было искушение отозвать воинов, вывести их из пещеры. Но я не имел над ними власти. Их хозяином был епископ Белпиг, так что, если бы они не выполнили его приказ, их всех ожидало бы наказание.

Итак, прекрасно понимая, что делаю, я метнул гарпун в левый глаз морского оленя, чтобы разозлить его.

Но он чуть отвернул голову, и острие лишь оцарапало ему морду.

И тут же он бросился на нас.

В наших рядах произошло замешательство. Воины закричали, подались назад, стараясь уклониться или поразить оленя своими копьями. Несколько человек было проткнуто рогами зверя.

Олень поднял голову. На рогах болталось трое. Их тела были проткнуты насквозь. Двое были уже мертвы, но один еще дергался и стонал.

Спасти его было уже невозможно. Олень мотнул головой, стараясь сбросить трупы с рогов, но они прочно застряли среди острых отростков.

И тут мне в голову пришла одна мысль…

Но в этот момент олень наклонил голову и опять бросился на нас. Я отпрыгнул в сторону и нанес ему удар своим топором, острие которого глубоко рассекло зверю плечо. Он повернулся ко мне, разевая пасть и яростно глядя на меня своими огромными красными глазами. Я снова ударил его, и он отдернул окровавленную морду, потряс своими гигантскими рогами, и одно из распоротых тел охотников безжизненно рухнуло на покрытый грязью и навозом пол пещеры. Олень неуклюже отпихнул его своим передним ластом.

Я оглянулся на воинов. Они толпились у входа.

А олень теперь был между мной и остальными. Пещеру слабо освещали два упавших на пол фонаря. Я отодвинулся в тень. Олень вновь наклонил голову и бросился на воинов, стоявших у входа.

Он стремительно пронесся мимо, сбив меня при этом своим мощным хвостом.

Олень заревел, и воины рассыпались в стороны. Впрочем, не все. Те, кто не успел, попали на рога чудовищу. Я слышал их вопли. Остальные тоже кричали, спасаясь в прибрежных скалах.

Теперь я был в пещере один.

Олень чистил рога о скалу у входа в пещеру, сдирая с них остатки человеческой плоти.

Я понял, что пропал. В одиночку мне с чудовищем не справиться. Его тело закрывало выход, бежать отсюда я не мог. Рано или поздно олень вспомнит обо мне или учует меня.

Я старался не двигаться. Жуткая вонь не давала дышать. Гарпуна у меня уже не было — только топор, не самое подходящее оружие для охоты на гигантского морского оленя…

Зверь вновь раскрыл пасть и испустил громкий рев, окончившийся слабым стоном.

Куда он теперь направится? Может, обратно в море? Залечивать свои раны в соленой воде?

Я напряженно ждал. Затем о наружную стену снова зазвенели наконечники гарпунов. Олень заревел и подался обратно в пещеру. Мне пришлось пригнуться, чтобы он снова не сбил меня хвостом.

Я молился, чтобы воины вернулись в пещеру, тогда у меня будет шанс проскочить ко входу и занять более безопасную позицию.

Олень засопел, тяжело подвинул свое огромное тело сначала к одной стене пещеры, потом к другой. Он тоже ждал нападения воинов.

Но ничего не произошло.

Они что, уже считали меня мертвым?

Или решили бросить меня на произвол судьбы?

Снаружи не доносилось никаких звуков.

Олень снова заревел и опять задвигал своим телом по полу. Я оторвался наконец от стены и двинулся вперед, к выходу, стараясь ступать как можно тише.

Я уже был на полпути к выходу, когда моя нога наткнулась на что-то скользкое. Это был труп одного из воинов. Я поднял ногу, чтобы перешагнуть через него, но зацепился за торчащий нагрудник и, загремев, покатился по обсидиановому полу.

Зверь засопел и повернулся ко мне. Его глаза злобно смотрели прямо на меня. Я стоял не шевелясь, в надежде, что он сочтет меня мертвым.

Он вновь помотал рогами и подвинулся в сторону. У меня уже пересохло и во рту, и в горле.

Олень поднял голову, раскрыл пасть и заревел, опустив губы и обнажив огромные зубы. Пасть его была вся в запекшейся крови, а один глаз явно уже ничего не видел.

Затем, к моему полному ужасу, он поднял тело над землей, замолотил передними ластами с ужасными отростками на концах по воздуху, упал обратно на пол и опустил рога.

Он был готов напасть на меня.

Я увидел, что гигантские острые рога, способные распороть человека, стремительно движутся в мою сторону, и бросился плашмя на землю, прижавшись к стене. Рога с грохотом ударились о скалу в каком-то дюйме от моего правого плеча. Огромная морда морского оленя — шириной во весь мой рост — была всего в футе от моего лица.

И тут я вспомнил то, о чем подумал раньше. Это, пожалуй, был мой единственный шанс победить чудовище.

Я вскочил.

Я бросился вперед, вверх по его лбу, хватаясь за грубую шерсть, буквально пробежал по его морде и оседлал его голову, обхватив ногами и одной рукой его левый рог.

Чудовище остановилось в недоумении. Оно, видимо, не поняло, куда я делся.

Я поднял топор.

Олень, сопя, оглядел пещеру.

И я опустил топор. Он вонзился глубоко в череп зверя. Олень заревел, заверещал, затряс головой. Я ждал этого и лишь еще сильнее вцепился ему в рога, продолжая наносить удары топором и целясь туда, куда попал в первый раз.

Я пробил ему череп. Из раны выступило немного крови. Но я добился этим только того, что олень еще яростнее замотал головой. Привстав на своих ластах, он раскачивал все тело из стороны в сторону, стремительно перемещаясь по пещере, царапая рогами ее потолок и стены. Он изо всех сил пытался сбросить меня.

Но я держался.

И продолжал наносить ему удары своим топором.

Из-под острия летели осколки кости, из раны в черепе густой струей била кровь.

Зверь, не умолкая, ревел от боли, ужаса и ярости.

Еще бросок, еще удар о стену…

Рукоять топора, не выдержав мощных ударов, переломилась, и у меня в руке остался лишь ее обломок.

Но лезвие застряло, глубоко вонзившись в мозг зверя.

А олень между тем слабел. Вот его тело рухнуло на пол, он уже был не в силах поддерживать его своими ластами. Олень застонал, пытаясь вновь подняться. И последний вздох пополам с кровью вылетел из его пасти.

Голова чудовища упала на пол. Я упал вместе с ней. Как только рога коснулись пола, я отпрыгнул в сторону.

Морской олень был мертв. Я победил его. Один.

Я попытался извлечь свой сломанный топор из головы зверя, но он застрял слишком глубоко. Я оставил его там и, пошатываясь, выбрался из пещеры на берег.

— Все кончено, — сказал я. — Я убил его.

Я не ощущал ни малейшей гордости.

Оглядевшись, я обнаружил, что корабль исчез.

Морская повозка епископа Белпига укатила, по всей вероятности, в Ровернарк. Они, стало быть, сочли меня погибшим.

— Белпиг! — закричал я в надежде, что мой голос может достигнуть невидимого мне корабля. — Моргег! Я жив! Я убил оленя!

Ответа не было.

Я взглянул на низкие мрачные тучи. И на мрачный вязкий океан.

Меня бросили посреди этого кошмарного моря, по которому, как утверждал Белпиг, не ходят корабли. Я был здесь один, если не считать трупов воинов и мертвой туши морского оленя.

Меня охватила паника.

— БЕЛПИГ ВЕРНИСЬ!

Только эхо в ответ, ничего больше.

— Я ЖИВ!

И опять одно эхо, но теперь громче и вроде бы даже насмешливо.

На этом обломке скалы, не достигающем в длину и пятидесяти ярдов, мне долго не протянуть. Я полез на скалу, стараясь забраться как можно выше. Это, конечно, не имело никакого смысла, ведь полумрак начинался у самого берега, а в море не было видно горизонта, ибо все вокруг закрывали низкие бурые тучи.

Я сел на небольшом выступе скалы, единственном относительно ровном месте на всем островке.

Я дрожал, мне было страшно.

Воздух стал прохладнее, и я поплотнее запахнул плащ. Но холод все равно пробирал меня до самых костей.

Может, я и бессмертный. Феникс, обреченный вечно возрождаться. Бродяга на путях Вечности.

Но если мне суждено здесь умереть, то умирать я буду, вероятно, целую вечность. Если я Феникс, то Феникс, попавший в ловушку на этом Обсидиановом острове, словно мошка, навек закованная в янтарь.

При этой мысли меня покинули последние остатки мужества. Я смотрел теперь в будущее с полным отчаянием и без какой-либо надежды.

Книга третья
ВИДЕНИЯ И ОТКРОВЕНИЯ

Защитник и Герой,
В руках Судьбы — Игрушка.
Ты — Вечности Солдат,
Ты — Времени Орудье.

«Хроника Черного Меча»

Глава I
Смеющийся карлик

Битва с морским оленем настолько вымотала меня, что через некоторое время я уснул, прислонив голову к скале и вытянув ноги на плоском выступе.

Когда я пробудился, ко мне уже вернулась часть былого мужества, хотя я по-прежнему не видел выхода из того положения, в котором очутился.

Вонь из пещеры стала сильнее: туша оленя, видимо, уже начала разлагаться. И еще мне досаждали какие-то странные и неприятные звуки, словно что-то скользкое билось у берега. Заглянув за выступ скалы, я увидел каких-то змееподобных существ, которые сотнями ползли в пещеру. Видимо, это были местные морские падальщики. Их черные тела и производили этот звук, когда они сотнями ползли в пещеру, к туше морского оленя.

Если даже я и питал надежду продержаться здесь за счет мяса оленя, то теперь на это можно было больше не рассчитывать. У меня было только одно желание: чтобы эти мерзкие твари поскорее покончили с тушей и убрались восвояси. В пещере оставалось несколько гарпунов. И как только эти твари уберутся, я сразу должен завладеть ими. Они мне еще пригодятся — для защиты от любого зверя или чудовища, что обитают в здешних водах. В мелких прибрежных водах могла водиться и рыба, хотя в этом я сильно сомневался.

Мне вдруг пришло в голову, что епископ Белпиг мог специально затеять эту охоту, чтобы избавиться от меня. Хотя бы потому, что ему досаждали мои вопросы.

Если так, то, отправившись вслед за его воинами в логово морского оленя, я сыграл ему на руку.

От нечего делать я прогулялся по острову. Это не заняло много времени. Мое первое впечатление от острова было совершенно правильным — здесь ничего не росло. И питьевой воды тоже не было. В Ровернарке получали питьевую воду изо льда, но здесь не было и льда, один обсидиан.

Гнусные черные падальщики все ползли и ползли в пещеру, из которой теперь доносились отвратительные звуки их пиршества.

В тучах на мгновение образовался просвет, и сквозь него на черные волны моря упали слабые лучи умирающего солнца.

Я вернулся на свой выступ. Делать мне было нечего, пока падальщики не покончат с тушей оленя.

Надежда когда-нибудь найти Эрмизад почти покинула меня, маловероятно, что мне удастся вернуться в Ровернарк. А если я умру, то, скорее всего, вновь возникну в еще более гнусном воплощении, чем мое нынешнее. Я, может, и не вспомню тогда об Эрмизад, как сейчас не могу вспомнить, почему Черный Меч играет столь важную роль в моей Судьбе.

Перед моим внутренним взором встало милое лицо Эрмизад. Я припомнил, как красива страна элдренов, которой я принес мир, правда, ценой настоящего геноцида.

Я вновь задремал, и вскоре меня вновь посетили знакомые видения и голоса. Желая отогнать их, я открыл глаза и тупо уставился в пространство. Но видения не исчезали — и все это происходило на фоне мрачных туч и мрачного моря, а те слова, казалось, слышались вокруг меня отовсюду.

— Оставьте меня! — взмолился я. — Дайте мне умереть спокойно!

Отвратительные звуки пиршества падальщиков теперь смешивались с шепотом гнусных голосов у меня в ушах.

— Оставьте меня!

Я чувствовал себя, как ребенок, напуганный чудищами, которых он сам вообразил в темноте. И голос мой звучал, как бессильная мольба ребенка:

— Пожалуйста, оставьте меня в покое!

И тут я услышал смех. Это был утробный издевательский смех, а исходил он откуда-то сверху. Я поднял голову.

И опять мне показалось, что мой сон, мой ночной кошмар воплотился в действительность. Я видел смеющегося совершенно ясно. Он спускался по склону прямо ко мне.

Это был кривоногий карлик с длинной бородой. Лицо его, впрочем, выглядело совсем юным, а глаза искрились от веселья.

— Приветствую тебя, — сказал карлик.

— Привет, — ответил я. — А теперь исчезни, прошу тебя!

— Но я явился сюда, чтобы развлечь тебя!

— Ты всего лишь плод моего воображения.

— Ты меня обижаешь! Кроме того, у тебя, должно быть, совершенно больное воображение, если оно создало такого урода, как я. Меня зовут Джермис-Кривуля. Ты разве не помнишь меня?

— С какой стати я должен тебя помнить?

— Так мы же с тобой не раз встречались. Подобно тебе, я не существую во Времени так, как то понимает большинство людей, как и ты сам когда-то. Если мне не изменяет память, конечно. В прошлом я оказывал тебе некоторые услуги.

— Не смейся надо мной, призрак!

— Мой дорогой Герой, я вовсе не призрак. По крайней мере, не совсем. Я, конечно, по большей части живу в мирах теней, в мирах, где мало реальности. Шутка, которую со мной сыграли Боги. Это они превратили меня в кривого урода.

— Боги?

— Или те, кто считает себя Богами. — Джермис подмигнул. — Хотя они такие же рабы судьбы, как и мы. Боги, Высшая власть, Высшие Существа — их по-разному называют. А мы, я полагаю, полубоги, орудия в руках Богов.

— У меня нет ни времени, ни желания пускаться в подобные мистические рассуждения.

— Мой милый Герой, теперь у тебя есть время для всего. Ты проголодался?

— Сам прекрасно знаешь, что да.

Карлик полез рукой за пазуху и извлек оттуда полкаравая хлеба. Протянул его мне. Хлеб, кажется, был настоящим. Я съел его весь и наконец почувствовал благодатную сытость в желудке.

— Благодарю тебя, — сказал я. — Если уж я схожу с ума, то это, кажется, самый лучший способ…

Джермис уселся на уступе рядом со мной, прислонив копье, которое все время держал в руке, к скале. Потом улыбнулся мне:

— Ты уверен, что мое лицо тебе не знакомо?

— Я никогда тебя раньше не встречал.

— Странно. Вероятно, наши нынешние временные воплощения находятся в разных фазах, и ты еще не встретил меня, хотя я-то уже с

тобой встречался.

— Вполне возможно.

На поясе у Джермиса висел небольшой бурдюк с вином. Он снял его, глотнул оттуда и передал бурдюк мне.

Вино было отличное. Я тоже сделал несколько глотков.

— Как я вижу, свой меч ты с собой не захватил, — заметил он.

Я внимательно посмотрел ему в лицо. Нет, никакой иронии, никакой насмешки заметно не было.

— Я потерял его, — сказал я.

Он от души рассмеялся:

— Потерял! Потерял Черный Клинок! Ох-хо-хо-хо-хо! Ты смеешься надо мной, Герой!

Я нетерпеливо нахмурился:

— Но это правда! А что ты знаешь о Черном Мече?

— То, что знают все. Это меч, у которого было множество имен, как и у тебя. Он появлялся в разных обличьях, как и ты. Говорят, его выковали Силы Мрака для того, кто должен был стать их защитником, но, по-моему, это слишком примитивное объяснение, как тебе кажется?

— Да, пожалуй.

— Считается, что Черный Меч существует во многих измерениях. Говорят также, что у него есть двойник. Однажды, когда мы были с тобой знакомы и тебя звали Урлик, этот клинок звался Несущим Бурю, а его двойник — Клинком Печали. Многие, правда, утверждают, что их двойственность — только иллюзия, и что есть только один Черный Меч, и что он существовал еще до появления Богов, до Создания Мира.

— Это все легенды, — сказал я. — Они не объясняют ровным счетом ничего. Мне не раз повторяли, что мне Судьбой предназначено владеть им. Но я отказался! Тебе это о чем-нибудь говорит?

— Это говорит о том, чта ты сейчас несчастен. Герой и Меч — единое целое. Если человек предаст клинок или клинок предаст человека, это чудовищное преступление.

— Почему?

— Не знаю, — Джермис пожал плечами и улыбнулся. — И Боги не знают. Так всегда было. Поверь мне, Герой, это то же самое, что

спрашивать, кто или что создало Вселенную, по которой и ты, и я столь свободно передвигаемся.

— А нельзя ли навсегда остаться в одном измерении, в одном мире?

Джермис поджал губы:

— Никогда не думал над таким вопросом. Мне нравится путешествовать. — Он вдруг улыбнулся. — Но я ведь и не Герой…

— Ты слыхал о таком месте — Танелорн?

— Слыхал. Его еще называют городом-патриархом. — Он потер щеку и подмигнул мне. — Говорят, он находится в Царстве Серых Владык, тех, что не подчиняются ни Закону, ни Хаосу…

Хаос и Закон… Что-то смутно знакомое…

— Что ты имеешь в виду под Законом и Хаосом?

— Некоторые еще называют это Свет и Тьма. Тут же много споров среди философов и прочих ученых о том, что это такое и чем они определяются… А иные, наоборот, считают, что они едины и являются частями одной и той же силы. В разных мирах и в разные времена верования тоже разные…

— Но где находится этот Танелорн?

— Где? Странные вопросы ты задаешь! Танелорн всегда там, где он есть.

Я в нетерпении вскочил:

— Ты что, одно из ниспосланных мне мучений, мастер Джермис? Ты еще больше запутал все и без того неразрешимые загадки!

— Неправда, сэр Герой! Ты просто задаешь мне вопросы, не имеющие ответа. Весьма возможно, что более мудрое существо смогло бы рассказать тебе больше, но не я. Я не философ и не герой — я просто Джермис-Кривуля.

Улыбка с его губ исчезла, в глазах была печаль.

— Прости меня, — сказал я и вздохнул. — Мне тоже кажется, что мои вопросы не имеют ответа. Как ты попал сюда?

— Через дыру в оболочке иного мира, вероятно. Я не знаю, как я перемещаюсь из одного пространства в другое, но я перемещаюсь, вот и все.

— И ты можешь исчезнуть отсюда?

— Именно это я и сделаю, когда настанет время уйти. Но я не знаю, когда оно настанет.

— Понятно.

Я уставился на мрачное море. Джермис наморщил нос:

— Видал я места, такие же малоприятные, как это. И понимаю, почему ты хочешь бежать отсюда. Может, если ты снова возьмешь в руки Черный Меч, тогда?..

— Нет!

Он даже вздрогнул:

— Прости меня. Я и не предполагал, что тебя это так заденет…

Я лишь развел руками в ответ:

— Я ничего не могу с собой поделать. Этому противится что-то внутри меня, не зависящее от моих собственных желаний. И оно категорически запрещает мне снова поднять Черный Меч.

— Но тогда ты…

И тут Джермис исчез.

Я снова был один. И снова терялся в догадках: может, это тоже была иллюзия, игра моего воображения. Или очередное видение, посетившее спящего или даже сошедшего с ума Джона Дэйкера…

Воздух перед моими глазами внезапно заволновался и ярко осветился. Ощущение было такое, словно я смотрел теперь сквозь окно в иной мир. Я двинулся ближе к этому «окну», но оно отодвинулось, сохраняя между нами первоначальную дистанцию.

Я пристально посмотрел туда — и увидел Эрмизад. Она тоже смотрела прямо на меня.

— Это ты, Эрекозе?

— Эрмизад! Я вернусь к тебе!

— Ты не можешь этого сделать. До тех пор, пока вновь не поднимешь Черный Меч…

И окно закрылось. Передо мной снова расстилался все тот же полумрак. Я заревел, как зверь, в ярости потрясая кулаками:

— Кто бы ты ни был, ты, который сотворил все это со мной! Я отомщу тебе!

Но мои угрозы растаяли в мрачной тишине.

Я упал на колени и зарыдал.

— ГЕРОЙ!

Колокол звенит. И звучит чей-то голос.

— ГЕРОЙ!

Я оглянулся вокруг, но ничего не увидел.

— ГЕРОЙ!

Потом я услышал шепот:

— Черный Меч. Черный Меч. Черный Меч.

— Нет!

— Ты бежишь своей Судьбы, служить которой создан. Возьми Черный Меч, Герой! Подними его снова, и ты познаешь славу!

— Я познал лишь горе и собственную вину. Я никогда больше не подниму Черный Меч!

— Поднимешь!

Это было просто утверждение. Никакой угрозы, только уверенность в его истинности.

Черные падальщики, закончив свой пир, убрались обратно в море. Я спустился ко входу в пещеру и увидел огромные кости морского оленя и скелеты погибших воинов. Чудовищный череп с могучими рогами глядел на меня своими черными глазницами, словно обвиняя и осуждая. Я быстро нашел брошенные гарпуны и с трудом извлек сломанный топор из черепа зверя. Потом вернулся на свой уступ.

Я сел там, пытаясь вспомнить Меч Эрекозе. Этот странный отравленный клинок, обладавший огромной силой. Я не испытывал никакого отвращения по отношению к нему. Но, может быть, тот Меч был, как намекал Джермис, лишь одним из воплощений Черного Меча?.. Я пожал плечами и выбросил эту мысль из головы.

Усевшись поудобнее, я разложил вокруг оружие и стал ждать следующего видения.

И оно не замедлило явиться.

Это был огромный плот, сколоченный скорее на манер саней. Его украшения напоминали те, которыми была отделана морская повозка Белпига, что привезла меня сюда. Но влекли плот не морские чудища, а птицы, похожие на цапель-переростков, покрытых к тому же не перьями, а темной, сверкающей чешуей.

На этом плоту или санях сидели люди в тяжелых одеждах из меха и в кольчужной броне, вооруженные мечами и копьями.

— Прочь! — крикнул я. — Оставьте меня в покое!

Они не обратили на мои слова никакого внимания.

И направили свое странное судно прямо к острову.

Я поднял топор и поудобнее перехватил его за сломанную рукоять. На сей раз я прогоню своих мучителей или сам погибну! Мне уже все равно — галлюцинация это или нет.

А кто-то уже звал меня с плота. Голос показался знакомым. Я точно уже слышал его в одном из своих ночных кошмаров.

— Граф Урлик! Граф Урлик! Это вы?

Кричавший откинул меховой капюшон и открыл рыжую шевелюру и молодое красивое лицо.

— Убирайтесь прочь! Мне надоели все эти загадки!

Его лицо выразило удивление.

Чешуйчатые цапли развернулись в небе, и разукрашенный плот пристал к берегу. Я стоял на уступе скалы, угрожающе подняв топор.

— Прочь!

Но цапли были уже у меня над головой. Они опустились на скалу и сложили свои кожистые крылья. Рыжеволосый юноша спрыгнул с плота на берег, остальные последовали за ним. На его лице было написано облегчение.

— Граф Урлик, наконец-то мы нашли вас! Мы уже столько дней ожидаем вас в Алом Фьорде!

Я не опускал свой топор.

— Кто вы?

— Ну как же! Я — Бладрак Морнингспир, Пес Алого Фьорда!

Но я все еще был настороже.

— И почему вы оказались здесь?

Он хлопнул себя руками по ляжкам и рассмеялся. Его меховой плащ сполз на землю, открыв мускулистые руки, унизанные варварскими золотыми браслетами.

— Мы искали вас, граф! Хозяйка Чаши сообщила нам, что вы должны прибыть сюда и помочь нам в войне с Серебряным Воинством.

Я опустил топор. Значит, они действительно из этого мира! Но почему Белпиг боялся их? Впрочем, теперь я, кажется, получу ответы на все свои вопросы.

— Поплывете ли вы с нами, граф, в Алый Фьорд? Не угодно ли взойти на борт нашего судна?

Я неохотно покинул свой выступ и спустился ближе к нему.

Не знаю, сколько дней я провел на этом острове, но, видимо, теперь являл собой довольно странное зрелище. Глаза дикие и испуганные, как у сумасшедшего, в руке — топор со сломанной рукоятью, и сжимаю я его так, будто это единственная в мире вещь, которой еще можно доверять…

Бладрак удивленно воззрился на меня, но даже мой вид не мог испортить ему настроение. Он махнул рукой в сторону плота:

— Мы страшно рады видеть вас, граф Урлик из Ледяного Замка! Мы очень вовремя нашли вас — Серебряное Воинство готовит нападение на южное побережье!

— На Ровернарк?

— И на Ровернарк, и на другие поселения.

— Вы враждуете с Ровернарком?

— Мы, скажем так, не союзники, — улыбнулся он. — Но нам следует поторопиться с возвращением! Я все расскажу вам, когда мы будем в безопасности, уже в порту. Это очень опасные воды.

— Я уже убедился в этом, — кивнул я.

Несколько его воинов между тем осмотрели пещеру. Они извлекли из нее огромный череп морского оленя.

— Смотри, Бладрак! — крикнул один из них. — Его убили топором!

Бладрак поднял в изумлении бровь и взглянул на меня:

— Это вы? Топором?

— Другого у меня ничего не было, — ответил я. — Эту охоту затеял Белпиг…

Бладрак откинул назад голову и рассмеялся:

— Смотрите, друзья! Вот вам доказательство, что к нам прибыл Герой!

Все еще со смятенной душой ступил я на борт их судна и уселся на одной из лавок, прикрепленных к днищу. Бладрак сел рядом.

— Давайте трогаться, — приказал он.

Воины, которые обнаружили череп морского оленя, торопливо забросили свою находку на плот и забрались на него сами. Они подергали за вожжи, и цапли поднялись в воздух.

Плот резко повернулся и понесся вперед, в открытое море.

Бладрак обернулся и поглядел на корму. Гигантский череп лежал там, почти накрывая длинный и узкий футляр, который, резко отличаясь от всего остального на борту, был вообще лишен каких-либо украшений.

— Осторожнее, — предупредил он.

— Это вы звонили в колокол? — спросил я. — Совсем недавно — это вы звонили?

— Да. Мы все время звали вас, а вы все не появлялись. А Хозяйка Чаши сообщила нам, что это означает, что вы находитесь где-то в Великом Соленом Море. И мы отправились вас искать.

— А когда вы в первый раз вызвали меня?

— Примерно дней шестьдесят назад.

— А я попал в Ровернарк.

— И Белпиг взял вас в плен?

— В некотором роде. Да, видимо, это именно так и было. Только я этого тогда не понял. Что вам известно о Белпиге, сэр Бладрак?

— Немногое. Он всегда был врагом свободных моряков.

— Так, значит, это вас он называл пиратами?

— О, несомненно! Мы всегда промышляли этим — нападали на корабли и города, где жили не очень сильные народы… Но сейчас все наши помыслы заняты Серебряным Воинством. Если вы поможете нам, у нас есть шанс победить их, хотя времени в нашем распоряжении крайне мало.

— Надеюсь, вы не слишком на меня рассчитываете. Я не обладаю никакими сверхчеловеческими возможностями, уверяю вас.

Он рассмеялся.

— Вы очень скромны для Героя. Но я понимаю, что вы имеете в виду — у вас нет оружия. Но об этом уже позаботилась Хозяйка Чаши, — и он указал на длинный футляр на корме. — Герой, мы доставили вам ваш Меч!

Глава II
Алый Фьорд

При этих его словах меня охватил ужас. Я посмотрел на Бладрака, пытаясь осознать, что же все-таки произошло.

Меня заманили в ловушку, а Бладрак, сам того не зная, сыграл роль приманки!

Бладрак в удивлении спросил:

— Что случилось, граф? Что-нибудь не так? Уж не допустили ли мы какой-нибудь ошибки, которая может навлечь на вас беду?

Мой голос, когда я наконец ответил ему, звучал хрипло и невнятно; я с трудом понимал, что говорю, ибо по-прежнему не имел представления о том, какова истинная сущность Черного Меча.

— Не только на меня, но на всех нас, Бладрак. И я даже сам не знаю, какую беду… Впрочем, этот Меч, весьма возможно, поможет вам добиться того, чего вы жаждете. Вы знаете, какую цену придется за это заплатить?

— Цену? — переспросил он.

У меня свело судорогой лицо. Я закрыл его ладонями.

— О какой цене вы говорите, граф Урлик?

Я с трудом откашлялся и ответил, не поднимая глаз:

— Не знаю, Бладрак. Видимо, мы потом узнаем, со временем. Что же до меня, то я хотел бы, чтобы этот Меч хранился где-нибудь подальше… Я не желаю открывать этот футляр.

— Мы поступим в соответствии с вашим желанием, граф. Но ведь вы поведете нас против Серебряного Воинства, правда?

Я кивнул:

— Если вы именно за этим меня призвали, я поведу вас.

— Без Меча?

— Без Меча.

Больше я не произнес ни слова до самого окончания нашего путешествия. Но глаза мои время от времени невольно останавливались на черном футляре, поверх которого лежал оскалившийся череп морского оленя. Оторвать от него взгляд стоило

мне каждый раз огромного труда, и тут же меня охватывала глубокая печаль.

Вдали наконец выступили из полумрака высокие утесы. Огромные, черные, они являли собой еще более непривлекательное зрелище, чем обсидиановые скалы Ровернарка.

В одном месте ближе к вершине виднелось небольшое розовое пятно. Я с любопытством смотрел на него.

— Что это? — спросил я Бладрака.

— Алый Фьорд, — улыбнулся он. — Мы почти прибыли.

Мы были уже совсем близко от черных утесов, но судно не изменило свой курс. Цапли влекли его прямо на них. Потом я понял, почему. Между двумя высокими скалами открылся проход, в котором бурлило глубокое море. Один из воинов Бладрака поднес ко рту длинный витой рог и издал пронзительный звук. Откуда-то сверху раздался ответный рев рога, и, подняв глаза, я увидел, что по верху обоих утесов шли укрепления, вырубленные прямо в камне. Оттуда выглядывали воины.

В проходе между утесами оказалось совсем темно, и я был почти уверен, что мы врежемся в скалу и разобьемся на куски, но цапли уверенно провели судно по извилистому проходу. И тут я в удивлении протер глаза: вода во фьорде была алой. Воздух над ним тоже был алым. И скалы вокруг были густого рубинового оттенка. Внутри фьорда было тепло.

Теплый красноватый свет исходил из тысяч пещер, которые, как гигантские соты, усеивали всю восточную стену бухты.

— Что это за огни? — спросил я.

— Никто не знает, — ответил Бладрак. — Они всегда здесь горели. Некоторые считают, что это вулканический огонь, но другие утверждают, что это особый вид огня, который придумали древние ученые и который горит только за счет камня и воздуха. Когда они его изобрели, ему не нашлось никакого применения, но погасить его никто уже не смог, так что они просто зарыли его поглубже. Так и возник Алый Фьорд.

Я был не в силах оторвать взор от этих полыхающих огнем скал. Все здесь было словно окутано красноватым светом. И у меня вдруг стало тепло на душе — впервые с момента прибытия в этот мир.

— Вон там мы живем, — Бладрак указал на западную и южную стены фьорда.

Прямо в скале там были вырублены причалы, далеко выступающие в воду. К ним было пришвартовано множество судов, подобных тому, на котором мы приплыли. За причалами вверх шли лестницы и аппарели, ведущие к террасам. В скале были вырублены простые прямоугольные двери, возле которых сейчас толпились люди: мужчины, женщины, дети — все в простых одноцветных платьях, накидках и плащах.

Когда они увидели, что мы направляемся к южной стене фьорда, они стали выкрикивать приветствия. До нас донеслось одно слово, которое они скандировали хором, как речитатив:

— Урлик! Урлик! Урлик!

Бладрак поднял обе руки, прося тишины. Лицо его сияло улыбкой.

— Друзья Алого Фьорда! — вскричал он. — Свободный народ Южного побережья! Бладрак вернулся и привез с собой графа Урлика, который спасет нас! Вот, смотрите!

И он театральным жестом указал на череп морского оленя и на мой сломанный топор.

— Он в одиночку убил страшного Морского Потрошителя! Одним топором! Вот так мы уничтожим Серебряное Воинство, которое превратило в рабов наших братьев с Северного побережья!

На сей раз возгласы восторга и воодушевления зазвучали еще громче. Я дал себе слово объяснить Бладраку, как только представится возможность, что я одолел морского оленя вовсе не в одиночку.

Наше судно пришвартовалось к берегу, и мы сошли на причал. Розовощекие женщины встретили Бладрака. Они обнимали его, а меня приветствовали церемонными реверансами.

Я не мог не обратить внимания на то, как отличались здешние жители от неврастеничных обитателей Ровернарка, бледных, нездоровых, да еще с такими извращенными вкусами. Может, дело было в том, что народ Ровернарка был слишком избалован благами цивилизации и способен думать лишь о будущем, в то время как люди Алого Фьорда жили настоящим, занимаясь насущными проблемами.

И самой насущной их проблемой сейчас была угроза со стороны Серебряного Воинства.

Здесь мне, по крайней мере, не придется иметь дело с уклончивыми ответами епископа Белпига. Бладрак всегда готов рассказать мне все, что знает.

Человек, называвший себя Псом Алого Фьорда, провел меня в свои апартаменты. Они были неплохо и удобно обставлены и освещены лампами, от которых тоже исходил розоватый свет. Убранство, мебель, шпалеры на стенах были еще более похожи на колесницу и оружие, что достались мне, когда я пришел в себя на ледяной равнине.

Я уселся в удобное кресло, вырезанное из целого куска янтаря. Многие предметы меблировки здесь тоже были из янтаря, а что касается стола, то он был вырублен из кварца.

Я не без некоторой иронии подумал, что, если история Человечества началась с каменного века, окончиться ей, видимо, было суждено тоже каменным веком.

Кушанья были простыми, но вкусными. От Бладрака я узнал, что все съедобное здесь — как и в Ровернарке — выращивают в особых садах и огородах, разбитых в глубоких пещерах.

Насытившись, мы уселись с чашами вина в руках и некоторое время молчали.

Потом я заговорил:

— Бладрак, я хотел бы сообщить вам, что память моя меня подводит. Поэтому прошу вас отвечать на любые мои вопросы. В последнее время мне многое пришлось пережить, и я стал немного забывчив.

— Понимаю, — ответил он. — Что бы вы хотели узнать?

— Прежде всего, каким именно образом меня сюда вызвали?

— Но вы помните, что вы спали в Ледяном Замке, далеко отсюда, в Южных Льдах?

— Я помню только, что я очнулся посреди Южных Льдов, на колеснице, которая везла меня к побережью.

— Да-да, по направлению к Алому Фьорду. Но когда вы достигли побережья, вы попали в Ровернарк.

— Это многое объясняет, — сказал я, — поскольку там я так никого и не нашел, кто признался бы, что это он меня призвал сюда. Многие, включая Белпига, отнеслись ко мне с недоверием.

— Да. И держали вас там до тех пор, пока им не удалось заманить вас на тот остров, где мы вас нашли.

— Может быть, именно этого они и добивались. Но не уверен. Трудно объяснить, почему Белпиг желал именно этого.

— У этих людей в Ровернарке мозги… не знаю, как сказать… набекрень, что ли, — Бладрак покрутил пальцем у виска.

— Но Белпиг наверняка знал о колоколе, потому что, когда звон прозвучал во второй раз, он немедленно развернул корабль на обратный курс. И при этом было упомянуто ваше имя. Это означает, что они знали о том, что вы вызвали меня. Но мне они об этом не сообщили. Почему колокол звонил над морем? И почему в первый раз я не слышал его звона, а только голос?

Бладрак задумчиво посмотрел на свою Чашу:

— Говорят, что колокол может разговаривать человеческим голосом сквозь измерения и вселенные, но в данном измерении звучит только как колокол. Не знаю, правда ли это, поскольку мне доводилось слышать только его звон.

— А где он находится, этот колокол?

— Не знаю. Мы молимся — и колокол звенит. Так говорит Хозяйка Чаши.

— А кто такая Хозяйка Чаши? Это она появляется с гигантской золотой Чашей, которая издает крик?

— Нет… — Бладрак искоса поглядел на меня. — Это просто имя у нее такое. Она явилась к нам, когда возникла угроза со стороны Серебряного Воинства. Она сказала, что есть на свете Герой, который может помочь нам. И назвала ваше имя — Урлик Скарсол, граф Белой пустыни, Владыка Ледяного Замка, принц Южных Льдов, Хозяин Холодного Меча…

— Холодного? А не Черного?

— Холодного Меча.

— Продолжайте.

— Хозяйка Чаши сказала также, что если мы призовем Героя немедленно, тогда колокол зазвонит и вы явитесь сюда. Вы придете нам на помощь, вы поднимете Холодный Меч, и кровь Серебряного Воинства наполнит Чашу и напоит Солнце.

Я вздохнул. Надо полагать, Холодный Меч — это местное название Черного Меча. Ведь Джермис утверждал, что в разных мирах

этот меч называют по-разному. Но что-то внутри меня продолжало упорствовать.

— Мы попытаемся справиться с Серебряным Воинством и без этого меча, — сказал я твердо. — А теперь расскажите мне, кто они такие, эти Серебряные Воины?

— Они появились примерно год назад неизвестно откуда. Многие верят, что они пришли с Луны, что их собственная планета слишком остыла и жить на ней стало невозможно. Говорят, ими правит жестокая королева, но никто ее не видел. Они практически неуязвимы для обычного оружия и посему непобедимы в бою. Они легко покорили города Северного побережья, взяли их один за другим. Тамошние люди, как и население Ровернарка, настолько погружены в себя, что даже на замечают, что происходит вокруг. Но Серебряные Воины обратили их в рабов, или просто убили, или превратили в безмозглых тварей, ничем уже не напоминающих человека. Мы — свободные моряки, мы жили набегами на эти слабые народы, но теперь мы всеми силами помогаем им, спасаем, перевозим сюда. Это продолжается уже довольно долгое время. Но теперь все указывает на то, что Серебряное Воинство намеревается нанести удар по Южному побережью. В бою нам их не одолеть. Значит, скоро вся наша раса попадет в рабство.

— Эти воины — обычные люди, из плоти и крови? — спросил я, поскольку у меня мелькнула мысль, что это могут быть роботы или какие-нибудь другие андроиды.

— Да, из плоти и крови. Высокие и стройные люди, надменные до такой степени, что едва разговаривают. Они носят странные серебряные латы. И лица, и руки у них тоже серебряные. Других частей их тела никто не видел.

— Вам никогда не удавалось взять кого-нибудь из них в плен?

— Никогда. Их латы сжигают обычного человека, стоит ему к ним прикоснуться.

Я нахмурился:

— И чего же вы хотите от меня?

— Встаньте во главе наших войск. Ведите нас. Будьте нашим Героем.

— Но вы и сами могли бы вести за собой своих воинов.

— Да, мог бы. Но мы сейчас имеем дело с войском, какого не встречали никогда, и не знаем, как с ним воевать. А вы — Герой, вы

знаете больше нас и можете предвидеть гораздо больше, чем мы.

— Надеюсь, что вы правы, — ответил я. — Надеюсь, что это действительно так, сэр Бладрак из Алого Фьорда.

Глава III
Рейд в Наланарк

Бладрак сообщил мне, что первую экспедицию против Серебряного Воинства они предполагают начать прямо на следующий день. Для нее уже были подготовлены корабли. Ждали только моего прибытия, чтобы тут же выступить. Целью первой атаки был остров Наланарк, расположенный в нескольких милях от Северо-Восточного побережья. Задача состояла не в том, чтобы атаковать Серебряных Воинов, а в том, чтобы освободить пленников, которых те держали на этом острове. Бладрак понятия не имел о том, для чего их там держат, но предполагал, что их заставляют строить корабли и ковать оружие для Серебряного Воинства, которое готовилось в ближайшее время напасть на Южное побережье.

— Откуда вам известно, что они готовятся на вас напасть?

— Мы узнали об этом от тех рабов, которых нам уже удалось освободить. Кроме того, любому, кто побывал в тех краях, сразу становилось ясно, что они планируют нападение на Юг. Что бы вы сами предприняли, граф, если бы сами были завоевателем и вас все время беспокоили налеты из одного и того же района?

— Я бы сам напал на этот район и ликвидировал бы источник беспокойства.

Огромный флот отходил от берега.

Толпа женщин колыхалась на берегу, посылая нам прощальные напутствия. Мы миновали узкий проход и вышли из Алого Фьорда в открытое море.

Вначале флот никак не мог построиться в походный порядок, поскольку цапли путались в своих постромках. Но потом, когда их распутали, корабли взяли курс на север.

Бладрак напевал под нос какой-то древний гимн. Сомневаюсь, что он знал, что это за гимн и для чего предназначен. Но, кажется, он был в самом превосходном расположении духа, хотя никакого четкого плана атаки у него не было, если не считать общего замысла —

добраться до острова и каким-нибудь образом эвакуировать оттуда пленных.

Я предложил ему свой план нападения. Он выслушал меня с большим интересом.

— Ну что ж, отлично, — сказал он. — Именно так мы и поступим!

План был достаточно простой, но, не имея понятия о Серебряном Воинстве, я вовсе не был уверен в его реальности.

Некоторое время мы стремительно неслись вперед, скользя полозьями наших плотов по вязким волнам.

Затем впереди, прямо по курсу, из полумрака возник большой остров.

Бладрак отдал распоряжение группе судов, возглавлявших нашу флотилию:

— Подойдите к ним вплотную, обстреляйте и тут же назад! Постарайтесь увлечь их за собой и оттянуть как можно дальше от острова. А мы пока заберем всех пленных на борт.

В этом и заключался мой план. И я молился, чтобы он оказался осуществимым.

Воины на первом плоту дали понять, что принимают приказ Бладрака к исполнению. Первая группа плотов устремилась к острову, в то время как остальные замедлили ход и легли в дрейф под прикрытием густого тумана. Вскоре мы услышали крики и звуки борьбы, затем увидели наши суда, быстро уходящие прочь от острова. За ними в погоню устремились более тяжелые и крупные суда, первые настоящие корабли, которые я здесь видел, они не скользили по поверхности волн, а разрезали их. Правда, с такого расстояния мне не было видно, что приводит их в движение.

Теперь настала очередь действовать.

Остров Наланарк все приближался и увеличивался в размерах. Уже были видны некоторые дома, обычные дома, возвышавшиеся в разных его частях. Вероятно, Серебряные Воины не привыкли строить так, как обычно строили здесь, вырубая помещения прямо в скале.

Здания были квадратные и приземистые. В окнах был виден очень слабый свет. Они располагались вниз по склону горы, а самое большое из них занимало доминирующее положение на ее вершине. А в самом низу склона виднелись знакомые отверстия пещер.

— Там они и держат рабов, — сказал Бладрак. — Они там же и работают — строят корабли и куют оружие, пока не умрут. Тогда их заменяют новыми. Там и мужчины, и женщины, всех возрастов. Их почти не кормят. Потому что рабов у них более чем достаточно. Думаю, что Серебряное Воинство и нам предназначило такую же судьбу — после того как они завоюют весь наш мир.

Я был вполне готов верить Бладраку. Но однажды меня уже обманули: призвали на помощь и убедили в том, что те, с кем призвавшие меня сражаются, суть воплощение зла. Лишь позднее я понял, что элдрены сами были жертвой агрессии. И теперь хотел разобраться, что из себя представляют Серебряные Воины и каковы их цели.

Цапли подтянули наши суда к самому берегу, и мы начали высадку на остров, сразу же направившись к пещерам у подножия горы.

Мне уже было ясно, что почти все Серебряные Воины отправились в погоню за первой группой наших плотов, завязавшей бой. Во второй раз нам, конечно, такой прием использовать не удастся, в этом я полностью отдавал себе отчет.

Мы почти бегом приблизились к пещерам и проникли внутрь. Первое, что я увидел, были воины.

В среднем они достигали в высоту футов семи, но были очень худые, просто тощие, с длинными руками и ногами и узкими черепами. Кожа у них на самом деле оказалась белой, но с легким серебристым оттенком. Их тела были полностью прикрыты латами, причем впечатление было такое, что латы цельные, а не из отдельных частей, ибо я не заметил никаких швов или соединений. Головы были защищены плотно прилегающими шлемами. Вооружены они были длинными алебардами, увенчанными прямым обоюдоострым лезвием. Увидев нас, они тут же устремились в атаку, опустив свои алебарды. Но управлялись они с этим оружием довольно неумело, и я подумал, что они, видимо, привыкли совсем к другому оружию.

Мы же были вооружены тем, что, как уверял Бладрак, является единственным эффективным средством против Серебряного Воинства, латы которого пробить невозможно, а они, в свою очередь, испепеляют любого, кто к ним прикоснется.

Это наше оружие состояло из крупноячеистых сетей, которые мы и набросили на них, как только они приблизились. Сети облепили их тела, сковывая движения и не давая освободиться.

Покончив с охраной, мы осмотрели пещеры. Я был поражен тем, в каких ужасных условиях трудились здесь мужчины, женщины и дети — голые, истощенные, грязные.

— Быстро! — скомандовал я. — Выводите всех наружу — и на корабли!

Один из Серебряных Воинов, который как-то умудрился не попасть в сети, бросился на меня, выставив вперед алебарду. Я отбил удар своим боевым топором и, совсем забыв о предупреждении Бладрака, нанес ему удар.

Серебряный Воин рухнул как подкошенный. Но меня самого мощным толчком отбросило назад.

Я в недоумении смотрел на упавшего. Я понял, что меня отбросило — сильный разряд электрического тока!

А Бладрак и его воины уже выводили рабов наружу и тащили их к нашим судам.

Я посмотрел на большое здание на вершине горы. Вдруг рядом с ним мелькнул какой-то серебристый силуэт, и я узнал знакомые пузыреобразные доспехи Ровернарка.

Движимый любопытством и совершенно забыв о возможной опасности, я двинулся вверх, прикрываясь стенами однообразных, невыразительных строений.

Человек, что стоял у окна наверху, видимо, не подозревал, что его можно разглядеть снизу. Он яростно жестикулировал, указывая на Бладрака и его воинов, уводивших рабов на пристань.

Потом я услышал его голос.

Слов я не разобрал, но сам голос был мне более чем знаком.

Я подобрался ближе, желая воочию убедиться в том, о чем сообщили мне уши.

Теперь я ясно видел лицо этого человека.

Епископ Белпиг собственной персоной. Все мои подозрения в отношении него подтвердились.

— Вы что, не понимаете? — орал он. — Этот проклятый пират Бладрак не только лишит нас рабочей силы! Он ведь половину этих рабов превратит в солдат — и выставит против вас же!

Ему что-то ответили, и отряд Серебряных Воинов бросился вниз по склону холма. Они тут же заметили меня — и сразу повернули в мою сторону, угрожающе выставив вперед алебарды.

Я повернулся и побежал. Судно Бладрака уже отчаливало.

— А мы уж думали, что вы погибли, сэр Герой, — улыбнулся он. — Куда это вы вдруг пропали?

— Подслушивал чужие разговоры, — ответил я.

Алебарды, которые метали в нас Серебряные Воины, дождем падали вокруг, но мы скоро были вне их досягаемости.

— Они уже не успеют вытащить свои тяжелые орудия, — сказал Бладрак. — Все получилось просто отлично! Ни один из наших даже не ранен. И рабов мы всех освободили, — он махнул рукой в сторону набитых людьми плотов. И только потом до него дошло то, что я сказал.

— Вы подслушали чей-то разговор? И что же вы узнали?

— Я узнал, что Ровернарком правит человек, который принесет этому городу погибель.

— Белпиг?

— Именно. Он там, наверху. И, несомненно, с командиром Серебряного Воинства. Теперь я понял, какова была истинная цель затеянной им «охоты». Он хотел избавиться от меня, опасаясь, что я могу оказать вам помощь в борьбе против его союзников. Кроме того, ему нужно было тайно встретиться с Серебряными Воинами.

Бладрак лишь пожал плечами:

— Я всегда подозревал, что с ним что-то нечисто… у них не осталось ничего святого, у этих неженок из Ровернарка…

— Может быть, за исключением Светского Владыки, Шаносфейна. Однако ни один человек не заслуживает той участи, какая досталась этим несчастным, — я ткнул пальцем в изможденных, покрытых грязью бывших рабов Серебряного Воинства.

— Что мы теперь предпримем, граф Урлик?

— Надо подумать, сэр Бладрак.

Он посмотрел на меня долгим, тяжелым, изучающим взглядом. Затем тихо спросил:

— Вы уверены, что еще не пришло время взять в руки ваш Меч?

Я отвел глаза и уставился в морскую даль.

— Я вовсе не говорил, что когда-нибудь вообще возьму его.

— В таком случае, полагаю, долго нам не продержаться.

Глава IV
Хозяйка Чаши

Итак, мы вернулись в Алый Фьорд. Освобожденные рабы с удивлением озирались вокруг, пока наши суда подходили к берегу, окутанному розовым светом, исходящим от источенного пещерами дальнего берега фьорда.

— Удвойте стражу, — приказал Бладрак одному из своих помощников. Затем добавил, задумчиво крутя золотой браслет на руке:

— Белпиг знает, где находится Алый Фьорд. Он наверняка попробует отомстить за наш набег.

Усталые после похода, мы разошлись по своим комнатам. Приятные веселые женщины принесли нам вино и мясо. В Алом Фьорде было много жилых помещений, так что освобожденных рабов было где разместить. Бладрак, впрочем, все время хмурился.

— Вы все еще размышляете о Черном Мече? — спросил я его.

— Нет, — отвечал он. — Предоставляю вам о нем размышлять. Я думаю о том, что нам может принести измена Белпига. У нас иногда такое бывало, что кто-нибудь — мужчина или женщина — вдруг выражал желание покинуть Алый Фьорд и перебраться в Ровернарк. Им казалось, что там они найдут большее понимание и больше развлечений… Мы, конечно, никому не препятствовали, так что теперь в Ровернарке много бывших наших…

— Вы хотите сказать, что Белпигу могут быть известны некоторые ваши планы?

— Вы говорили мне, что его очень обеспокоил звон колокола в море. Ясно, что он все о вас знает, и о Хозяйке Чаши тоже. Ясно также, что он намеревался вас совратить и перетянуть на свою сторону, пока вы были в Ровернарке. А когда это ему не удалось…

— Он устроил мне ловушку. Но теперь-то он уже знает, что я с вами.

— Именно. И он сообщит об этом своим чужеземным хозяевам. Как вы думаете, что они предпримут?

— Они попытаются нанести нам удар, пока мы еще не очень сильны.

— Совершенно верно. Но куда они нанесут первый удар — по Алому Фьорду или по Ровернарку и другим городам дальше по побережью?

— Им, конечно, легче будет сначала захватить города побережья, мне так кажется. А уж потом они сосредоточат все свои силы против Алого Фьорда.

— Мне тоже так кажется.

— Так что теперь нам самим надо решать — оставаться здесь и готовиться к осаде или отправляться на помощь Ровернарку и другим городам.

— Трудный вопрос! — Бладрак поднялся из-за стола и пригладил свои рыжие волосы. — Видимо, нам надо посоветоваться с тем, кто может на него ответить.

— У вас есть здесь ученые? Философы? Или стратеги?

— Не совсем так. Но мы можем обратиться к Хозяйке Чаши.

— Так она обитает в Алом Фьорде? Я и не знал…

Он улыбнулся и покачал головой:

— Нет. Но она иногда появляется здесь.

— Мне бы хотелось встретиться с этой женщиной! Помимо всего прочего, она, кажется, в известной степени несет ответственность за то, что со мной происходит.

— Тогда идемте со мной.

Бладрак пошел вперед, указывая мне путь, по узкому длинному коридору, ведущему в глубь горы. Пол коридора по мере продвижения все круче опускался вниз.

Вскоре мои ноздри почувствовали сильный запах морской воды, и я заметил, что стены коридора буквально сочатся влагой. Я понял, что мы спустились ниже уровня моря.

Коридор расширился, и мы вступили в огромную пещеру. С потолка ее спускались сталактиты молочно-голубого, зеленого и желтого оттенков. От них исходило слабое сияние, и наши тени плясали по грубо отесанным стенам пещеры. В центре ее на довольно ровном базальтовом полу стоял небольшой жезл в половину человеческого роста высотой. Он был абсолютно черного цвета и совершенно матовый. В сиянии сталактитов он отсвечивал темно-синим. Более в пещере не было ничего.

— Что это за жезл? — спросил я.

— Я не знаю, — ответил Бладрак. — Он всегда здесь был, еще до того, как наши предки пришли в Алый Фьорд.

— Он имеет какое-нибудь отношение к Хозяйке Чаши?

— Думаю, что имеет, потому что именно здесь она является нам.

Он огляделся по сторонам, как мне показалось, несколько нервно. Затем тихо произнес:

— Миледи?

Одно лишь слово, но тотчас в ответ раздался высокий вибрирующий звук, словно исходивший откуда-то из воздуха. Сталактиты тоже завибрировали. Я успел подумать, что они могут обвалиться и рухнуть прямо нам на голову. Жезл, стоявший посредине пещеры, как мне показалось, слегка изменил свой цвет, но это могло быть просто результатом вибрирующего света. Звук усилился и стал похож на крик человека. И тут я узнал его сам, вздрогнул и заморгал: мне показалось, что у меня перед глазами вновь возникла та золотая чаша. Я повернулся было к Бладраку, но застыл на месте.

Передо мной вся в золотом сиянии стояла женщина. Ее одежды, ее волосы — все было золотистым, а руки скрыты золотыми перчатками, и на лицо опущена золотистая вуаль.

Бладрак опустился на колени.

— Миледи, мы вновь нуждаемся в вашей помощи.

— Моей помощи? — Голос ее звучал нежно и мелодично. — Когда к вам наконец присоединился Великий Герой Урлик?

— Я не владею даром предвидения, о миледи, — произнес я. — Вы же, как считает Бладрак, им владеете.

— Власть моя ограниченна, а кроме того, мне нельзя говорить вам обо всем, что я вижу. Что бы вы хотели узнать, Герой?

— Пусть Бладрак сам скажет.

Бладрак поднялся на ноги. Он в нескольких словах обрисовал сложившееся положение и наши проблемы. Должны ли мы поспешить на помощь Ровернарку и другим городам? Или лучше ждать нападения Серебряного Воинства здесь?

Хозяйка Чаши некоторое время размышляла. Затем произнесла:

— Чем меньше людей будет убито в этой войне, тем лучше. Мне кажется, что чем скорее все это закончится, тем меньше народу погибнет.

— Но Ровернарк сам навлек на себя эту беду! — Бладрак даже руками взмахнул от негодования. — Кто может сказать, сколько у Белпига сейчас воинов? Может, город падет и без кровопролития…

— Кровопролития все равно не избежать, не сейчас, так позднее, — сказала Хозяйка Чаши. — Белпиг стремится уничтожить все, чему не доверяет…

— Да, это так… — пробормотал задумчиво Бладрак.

— А эти Серебряные Воины смертны? Их можно убить? — спросил я таинственную женщину. — А то мы в крайне затруднительном положении…

— Нет, их убить нельзя, — ответила она. — По крайней мере, вашим оружием.

Бладрак пожал плечами:

— Значит, я должен рисковать своими воинами, чтобы помочь этим ничтожествам из Ровернарка! Я вовсе не уверен, что мои люди готовы идти на смерть ради этого!

— Но ведь многие из них отнюдь не ничтожества! — возразила она. — Что вы скажете о лорде Шаносфейне? Если Белпиг захватит всю власть над Ровернарком, Шаносфейну будет грозить огромная опасность!

Я должен был признать, что Шаносфейну действительно грозит опасность и что этот странный, отрешенный от мира Светский Владыка заслуживает того, чтобы его спасли.

Потом она вдруг спросила:

— Как по-вашему, Светский Владыка — хороший человек?

— Несомненно, — ответил я. — Очень хороший!

— В таком случае, я думаю, он вам очень скоро понадобится.

— Может, мы успеем в Ровернарк до того, как Белпиг покончит со своими делами на Наланарке? — предположил я. — Мы могли бы эвакуировать население до того, как на город нападут Серебряные Воины.

— Белпиг уже, несомненно, покончил со всеми делами на Наланарке, — заметил Бладрак. — И поскольку он уже знает, что нам известно о его союзе с Серебряным Воинством, то не станет терять времени.

— Да, вы правы.

— И только Черный Меч может поразить Белпига! — произнесла Хозяйка Чаши. — Черный Меч, которым вы теперь владеете, граф Урлик!

— Я не возьму его в руки! — сказал я.

— Возьмете, — воздух заколебался, и она исчезла.

Я узнал этот голос и этот тон. Никакой угрозы, только уверенность и убежденность. Я уже слышал его перед тем, как меня заманили на остров.

Я потер лицо ладонями и сказал как бы про себя:

— Я был бы очень признателен, если бы мне наконец предоставили возможность самому распоряжаться своей судьбой. К чему бы это ни привело.

— Пошли, — сказал мне Бладрак.

Я последовал за ним, все еще погруженный в невеселые размышления. Все вокруг как будто сговорились заставить меня поступать так, как мне совершенно не хотелось. Все мои инстинкты восставали против такого насилия. Но, может быть, мои инстинкты направляли меня по ложному пути…

Мы поднялись обратно в апартаменты Бладрака. А там нас уже ждал только что прибывший гонец.

— Господин, флот Серебряного Воинства уже покинул гавань и плывет теперь прямо на юг, — сообщил он.

— По направлению?.. — спросил Бладрак.

— По направлению к Ровернарку, мне кажется.

Бладрак развел руками:

— Так. Я вижу, мы зря теряли время. Мы уже не успеем в Ровернарк до их прибытия. Но, с другой стороны, это может быть просто уловка, чтобы заставить нас покинуть Алый Фьорд. Насколько я понимаю, они на самом деле стремятся выманить нас отсюда, чтобы второй их флот напал на Алый Фьорд в наше отсутствие. — Он насмешливо посмотрел на меня. — Мы по-прежнему в весьма затруднительном положении, граф Урлик.

— Хозяйка Чаши, как мне показалось, намекала, что в наших интересах спасти Шаносфейна, — сказала я. — По крайней мере, нам не следует забывать о нем.

— Рисковать целым флотом ради одного человека! — Бладрак рассмеялся. — Ну нет!

— Тогда я отправлюсь один.

— И ничего не добьетесь. Вы просто погибнете — и у нас больше не будет Героя.

— Этот ваш Герой, мой милый Бладрак, пока что сделал для вас крайне мало, практически ничего.

— Ваша роль еще не совсем понятна…

— Уже понятна. Я испытываю огромное уважение к Шаносфейну. И мне невыносима мысль, что он погибнет от рук Белпига!

— Я вас понимаю. И все же риск слишком велик, граф Урлик!

— Ничего. Я могу себе это позволить. Особенно если у меня будет союзник.

— Союзник? Я не могу оставить мой народ и отправиться с вами…

— Я говорю не о вас, Бладрак. Я считаю, что вы должны оставаться здесь, со своим народом. Я имел в виду не человека.

Он в изумлении уставился на меня:

— Не человека? Значит, потусторонние силы?

Меня вдруг наполнило странное чувство печали и облегчения одновременно. Мне оставалось теперь только одно. И я принял решение. И тут же понял, что это решение было и уступкой, и проявлением мужества.

— Я имею в виду Черный Меч.

Бладрак посмотрел на меня так, словно с души у него свалилась огромная тяжесть. Он улыбнулся и хлопнул меня по плечу:

— Вот и превосходно! Было бы вопиющей несправедливостью не напоить его кровью, когда представляется такая блестящая возможность!

— Принесите же его! — приказал я.

Глава V
Пробуждение Меча

И мне принесли черный футляр и положили его на стол, вырезанный из цельного куска кварца. У меня в душе по-прежнему бушевали противоречивые чувства, перед глазами все плыло, и я едва мог разглядеть этот ящик.

Я положил руки на его крышку. Она была теплой на ощупь и даже, кажется, чуть подрагивала, словно пульсировала, как будто внутри билось сердце.

Я искоса взглянул на Бладрака. Тот смотрел на меня неотрывно и мрачно. Я попытался поднять крышку.

Она была крепко заперта.

— Не открывается, — сказал я, даже радуясь этому обстоятельству. — Я не могу ее поднять. Возможно, он и не предназначался…

И тут у меня в голове опять возник все тот же громкий речитатив:

ЧЕРНЫЙ МЕЧ ЧЕРНЫЙ МЕЧ ЧЕРНЫЙ МЕЧ
ЧЕРНЫЙ МЕЧ — МЕЧ ГЕРОЯ
СЛОВО МЕЧА — ЗАКОН ДЛЯ ГЕРОЯ
ЧЕРНЫЙ МЕЧ
ЧЕРНЫЙ МЕЧ
ЧЕРНЫЙ МЕЧ
НА КЛИНКЕ МЕЧА — КРОВЬ СОЛНЦА
РУКОЯТЬ МЕЧА И РУКА ГЕРОЯ — ЕДИНОЕ ЦЕЛОЕ
ЧЕРНЫЙ МЕЧ

Бладрак колебался всего секунду, а потом стремительно выбежал из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

Я остался в одиночестве. Передо мной стоял черный футляр, в котором находился Черный Меч. В голове продолжал звучать все тот же речитатив:

ЧЕРНЫЙ МЕЧ

ЧЕРНЫЙ МЕЧ
ЧЕРНЫЙ МЕЧ
ПОДНИМЕШЬ ЧЕРНЫЙ КЛИНОК — И УВИДИШЬ, КАКИМ ПУТЕМ ИДТИ, И ПОДВИГ БУДЕТ СВЕРШЕН, И ЦЕНА УПЛАЧЕНА
ЧЕРНЫЙ МЕЧ
ЧЕРНЫЙ МЕЧ
ЧЕРНЫЙ МЕЧ

— Что ж, прекрасно! — вскричал я. — Я сделаю то, чего от меня требуют! Я снова возьму Черный Меч! И уплачу необходимую цену!

Речитатив перестал звучать.

В комнате установилась мертвая тишина.

Я слышал собственное дыхание. Мои глаза неотрывно смотрели на крышку черного ящика, словно их притягивала непреодолимая сила.

Затем я тихо произнес:

— Приди ко мне, Черный Меч! Мы снова станем единым целым.

Крышка футляра открылась. Дикий торжествующий вой наполнил все вокруг — это был почти человеческий голос, который тут же пробудил во мне все воспоминания о прошлом.

Я был Элриком из Мелнибонэ, и я победил Властелинов Хаоса с помощью своего украшенного рунами меча, который звался Несущий Бурю. Меч этот был в моей руке, и сердце мое трепетало от дикой радости…

Я был Дорианом Хокмуном, и я сражался против Первых Лордов Империи Мрака, а мой меч звался Мечом Зари…

Я был Роландом, гибнущим в Ронсевальском ущелье, и мой меч Дюрандана уложил не менее полусотни сарацин…

Я был Джеремиа Корнелиус, и теперь у меня не было меча, но было странное ружье, которое метало стрелки в преследовавшую меня полубезумную толпу…

Я был Корум-Принц в Алой Мантии, я стремился попасть ко Двору Богов, чтобы добиться отмщенья…

Я был Артос-Кельт, поднявший свой пылающий меч на врагов, напавших на берега моего королевства…

Я был всеми этими людьми и даже больше, а оружием мне служил иной раз меч, иной раз копье, иногда пистолет или ружье… Но у меня всегда было оружие, и всегда этим оружием был Черный Меч в разных его воплощениях или какая-то часть его.

У меня всегда было оружие. Я всегда был воином.

Вечный Герой, Вечный Защитник — и в этом была моя слава и мое проклятие…

Странное чувство овладело вдруг мною — чувство примирения. Я гордился своей Судьбой, своим предназначением.

И все же, почему я столь долго отрекался от всего этого?

И еще я вспомнил огромное сияющее облако. Я вспомнил огромное и тяжкое чувство горя. Я вспомнил, как сам запечатал Меч в этот футляр и поклялся никогда больше не прикасаться к нему. И еще я вспомнил голос и предсказание…

Если отречешься от одной Судьбы — получишь иную, стократ более тяжкую…

— Нет Судьбы более тяжкой! — вскричал тогда я.

Я был тогда Джоном Дэйкером — несчастным, неудовлетворенным, несостоявшимся. И голос призвал меня тогда через тысячелетия, призвал, чтобы выполнить роль Эрекозе…

Преступление же мое состояло в том, что я отрекся от Черного Меча. Но почему, почему я от него отрекся?! Почему всеми силами стремился от него избавиться?!

Почему?

Почему?

Действительно, почему?

И тут из футляра вырвалось странное черное сияние. Меня, словно магнитом, потащило к нему. Я заглянул внутрь, и моему взору представилось знакомое зрелище.

Тяжелый черный двуручный меч. Клинок и рукоять испещрены рунами, недоступными моему пониманию. Головка эфеса — сияющая

сфера из черного металла. Длина меча превышала пять футов, а рукоять была достаточно велика, чтобы браться за нее обеими руками.

И руки мои невольно сами потянулись к мечу.

Они коснулись эфеса, и меч тотчас поднялся из ящика и удобно устроился у меня в ладони, издав при этом звук, похожий на довольное урчание кошки.

Я задрожал, но в то же время меня охватило чувство радости.

Только теперь я понял, что означает выражение «злобная радость» — именно ее я сейчас ощущал.

С этим мечом в руках я переставал быть человеком, я превращался в демона.

Я засмеялся. И смех мой потряс стены комнаты. Я взмахнул мечом, и он издал дикий звук, словно зазвучала громкая, нечеловеческая музыка.

Я поднял меч и с силой опустил его на кварцевый стол. Стол раскололся надвое. Осколки кварца брызнули во все стороны.

— Вот он, мой Меч! — воскликнул я. — Мой Холодный Меч! Целый, единый Меч! Мой Черный Меч! И ему нужна пища, его надо напоить кровью!

Где-то в глубине сознания я понимал, что сейчас происходит необычное, редкое явление — я держу в руках не частицу меча, не какое-то воплощение, а сам Черный Меч. Ведь обычно у меня было оружие, которое лишь получало свою силу от Черного Меча, было только одним из воплощений Черного Меча.

Я бросил вызов самой Судьбе, и Судьба отомстила мне. И то, что мне теперь предстояло совершить, можно было свершить лишь с помощью всей силы, всего могущества Черного Меча. Однако я до сего времени не знал, какие новые подвиги мне предстоят.

Отворилась дверь, и в комнату вошла одна из прислужниц Бладрака. Она посмотрела на меня, и лицо ее исказилось от ужаса.

— Мой господин послал меня узнать… — едва успела она произнести, запинаясь, и закричала от страха.

Черный Меч повернулся у меня в руках и чудовищным рывком устремился прямо к ней, волоча меня за собой. Острие вонзилось ей прямо в грудь, проткнув ее насквозь. Она забилась в конвульсиях — чудовищный танец смерти, — пытаясь извлечь клинок из своего тела.

— О-о-о, какой он холодный, какой холодный! — вырвалось у нее сквозь стиснутые зубы. И она замолкла. Навсегда.

Меч сам покинул ее тело. Ее горячая кровь, кажется, еще более усилила исходящее от него черное сияние. Он вновь издал дикий вопль радости.

— Нет! — закричал я. — Нет! Этого не должно было случиться! Ты должен нести смерть только моим врагам!

И мне показалось, что Меч ответил мне издевательским смехом. В этот момент в комнату влетел Бладрак. Он хотел выяснить, что здесь случилось. Он посмотрел на меня, затем на Меч, перевел взгляд на мертвую девушку и в ужасе закрыл лицо руками.

Потом подошел к ящику. Там лежали ножны Меча. Он вытащил их и кинул мне.

— Уберите клинок в ножны, Урлик! Прошу вас, спрячьте его!

Я молча подхватил брошенные мне ножны. И Черный Меч, совершенно помимо моей воли, скользнул в них.

Бладрак опять взглянул на несчастную мертвую девушку и на разбитый стол. Потом поднял глаза на меня. На лице его было выражение боли и страдания.

— Теперь я понимаю, почему вы отказывались взять этот Меч, — тихо произнес он.

Я не смог ему ничего ответить. Молча прикрепил ножны к поясу, и Черный Меч повис у моего левого бедра.

Потом я наконец ответил ему:

— Вы все желали, чтобы я вновь поднял этот клинок и встал во главе ваших армий. Теперь, я полагаю, мы начинаем понимать, к каким последствиям это может привести. Черный Меч нужно поить кровью. И если нет крови врагов, он напьется крови друзей…

Бладрак отвел взгляд.

— Лодка готова? — спросил я.

Он кивнул.

И я покинул эту комнату, где сейчас царила смерть.

Глава VI
Цена Черного Меча

Мне дали лодку и кормчего.

Лодка была маленькая, с высоко поднятыми округлыми бортами, украшенными золотыми и бронзовыми накладками. Кормчий — если его можно так назвать — сидел впереди меня и держал ременные вожжи, с помощью которых управлял влекущими нас вперед цаплями.

Алый Фьорд скоро исчез за кормой, превратившись сначала в сияние над отдаляющимися скалами, а потом скрывшись вовсе. Вокруг нас были теперь одни только мрачные тучи.

Мы очень долго плыли по черным ленивым волнам, прежде чем впереди появились острые обсидиановые утесы. Потом мы увидели и гавань, над которой возвышался Ровернарк. Гавань была вся забита судами Серебряного Воинства, осаждавшего город.

Да, Белпиг не терял времени даром. И, вполне возможно, я прибыл сюда слишком поздно.

Суда осаждавших были огромны и напоминали морскую повозку самого епископа, но, кажется, двигались они без помощи слевов.

Мы не стали подходить ближе к городу, но пристали к берегу на некотором удалении от него, почти в том месте, где я впервые встретился с людьми Белпига.

Велев кормчему ждать моего возвращения, я осторожно двинулся по усеянному кристаллическим песком берегу к Обсидиановому городу.

Укрываясь в тени скал, я смог почти вплотную подобраться к гавани и как следует рассмотреть, что там происходит.

Ровернарк явно сдался без боя. И теперь пленных толпами гнали к берегу и грузили на суда.

Все так же неуклюже управляясь со своими алебардами, Серебряные Воины сновали туда-сюда по вырубленным в скале дорожкам.

Самого Белпига видно не было, но на одной из ведущих в город дорог я заметил свою колесницу с запряженными в нее медведями. Ее

вели вниз, к причалу. Несомненно, она попала в число трофеев победителей.

Шаносфейна среди пленных я не заметил. Видимо, Белпиг пока держал его в его собственном владении — в Дхотгарде, если, конечно, Мирского Владыку уже не убили.

Я долго раздумывал, как мне пробиться в Дхотгард: ведь все пути наверх были буквально забиты врагами.

Даже имея в своем распоряжении Черный Меч, мне было бы затруднительно пробиться сквозь толпы врагов: я был один против тысяч. Даже если мне удастся прорваться в Дхотгард, как я сумею пробиться назад?

И тут мне в голову пришла мысль. Мой взгляд как раз упал на колесницу и медведей, которых подталкивали к причалу, с которого на один из кораблей были уже перекинуты дощатые сходни.

Не раздумывая более, я извлек Меч из ножен и бросился вперед. И почти достиг колесницы, прежде чем меня заметили.

Один из Серебряных Воинов крикнул что-то высоким пронзительным голосом и метнул в меня алебарду. Я отбросил ее Мечом, орудовать которым было столь же легко, как рапирой, несмотря на его внушительные размеры. Я вскочил на колесницу, разобрал вожжи и повернул медведей обратно в Обсидиановый Город.

— Вперед, Рендер! Но, Гроулер!

Медведи, словно вдохновленные моим внезапным появлением, рванулись вперед.

— Быстрее, Лонгклоу! Но-о-о, Снарлер!

Колеса со скрежетом развернулись на усеянной кристаллическим песком каменной дороге, и мы понеслись прямо к городским воротам.

Я пригнулся, увертываясь от брошенных в меня алебард; но алебарда вообще не очень подходящее оружие для метания, к тому же Серебряным Воинам явно не хватало умения с ними обращаться. Воины и пленные рассыпались в стороны при моем приближении, и мы очень быстро добрались до въезда в Ровернарк.

А Черный Меч уже пел свою ужасную песнь. Жуткую песнь смерти.

Несколько воинов попытались помешать мне проехать через ворота, и я отмахнулся от них Мечом. Клинок задел двоих или троих, распоров им латы, и они закричали…

Мы забирались все выше и выше. В душе моей играла знакомая радость — я был упоен боем. Черный Меч сносил головы, рубил руки, вокруг потоками текла кровь, клинок Меча был тоже весь в крови, и ее капли падали на колесницу и на белую шерсть моих медведей.

— Вперед, Рендер! Быстрее, Лонгклоу!

Мы уже почти достигли Дхотгарда. Паника вокруг царила немыслимая: все в беспорядке бегали туда и сюда, кричали и вопили…

— Вперед, Снарлер! Но-о-о, Гроулер!

И еще быстрее устремилась вперед моя колесница, влекомая могучими медведями, и вскоре мы уже были перед воротами Дхотгарда, распахнутыми настежь. Не иначе, у Белпига был свой шпион среди челяди Шаносфейна, которому к тому же хорошо заплатили за предательство. Он-то и открыл ворота осаждающим. Но меня это устраивало как нельзя больше — колесница стремительно ворвалась внутрь и все с той же головокружительной скоростью помчалась по коридорам.

Я остановил медведей только перед входом в ту комнату, где впервые встретился с Шаносфейном. Я спрыгнул с колесницы и отдернул занавес, прикрывавший вход. И увидел Шаносфейна.

Он выглядел несколько похудевшим, и в глазах его было выражение боли, но он поднял на меня глаза, оторвавшись от манускрипта, который читал, с таким видом, словно вторжение Серебряного Воинства вовсе не причина для беспокойства.

— Граф Урлик, каким судьбами?..

— Я пришел, чтобы оказать вам помощь, лорд Шаносфейн.

На его лице появилось легкое удивление. Он ничего не ответил.

— Белпиг непременно убьет вас, — добавил я.

— С какой стати Белпиг станет меня убивать?

— Он предал Ровернарк. А вы — угроза его безраздельной власти.

— Власти?

— Лорд Шаносфейн, если вы останетесь здесь, вы обречены. Вам уже не дадут ни читать, ни заниматься научными изысканиями.

— Я этим занимался только для времяпрепровождения…

— Вы что, совсем не боитесь смерти?

— Нет.

— Ну, хорошо… — Я вложил меч в ножны, быстро подошел к нему и ударил его ребром ладони по шее. Он упал на стол. Я вскинул

его тело на плечо и направился к выходу. Медведи, скалясь и рыча, сдерживали напор Серебряных Воинов. Но как только появился я, те все-таки бросились вперед, на нас, опустив свои алебарды. Я положил тело Шаносфейна на колесницу и повернулся лицом к врагам.

Серебряное Воинство явно уже привыкло к тому, что здешнее оружие не может причинить им никакого вреда. Но Черный Меч легко вспарывал их латы и разил их одного за другим. Меч опять пел свою жуткую кровавую песнь. А Воины падали и падали, и все вокруг было залито их кровью, завалено их мертвыми телами, а на их серебристых лицах застыло выражение боли и страха.

Я вскочил на колесницу, схватил вожжи, развернул медведей в узком проходе и, набирая скорость, помчался назад к главным воротам.

И тут я заметил Белпига. Он завизжал от ярости, когда увидел мою несущуюся прямо на него колесницу, и распластался у стены. Я наклонился вбок, стараясь достать его острием меча, но он стоял слишком далеко.

Мы вылетели из ворот и помчались вниз по дороге, еще быстрее, чем прежде, когда поднимались наверх.

На сей раз никто не пытался преградить нам путь. Серебряные Воины уже поняли, что меня им не сразить. Они, правда, продолжали с безопасного расстояния метать в меня свои алебарды, и две из них даже попали в меня, оставив небольшие царапины на левой руке и на правой щеке.

Я опять смеялся над ними, высоко подняв свой огромный меч. Еще более могущественный, чем Меч Эрекозе (тот был, несомненно, лишь одним из частичных воплощений Черного Меча), он пел свою ужасную триумфальную песнь победы и смерти. А медведи влекли нас все вперед и вперед.

Пленники тоже увидели меня, и из их толпы раздались приветственные клики.

— Беритесь за оружие, народ Ровернарка! — закричал я им в ответ. — Сражайтесь! Бейте Серебряных Воинов! Бейте их!

Колесница стремительно мчалась вперед.

— Бейте их, или вы все погибнете!

Несколько пленников уже поднимали брошенные алебарды, намереваясь повернуть их против своих врагов. Серебряные Воины остановились в недоумении, не зная, как реагировать на это.

— А теперь бегите! — закричал я. — Бегите в горы, а потом идите вдоль берега по направлению к Алому Фьорду! Вас там ждут! Там вы будете в безопасности! Черный Меч защитит вас!

Я сам толком не понимал, что я им кричу. Но мои призывы, как ни странно, возымели действие: робкие и ленивые жители Ровернарка бросились бежать, пользуясь замешательством Серебряного Воинства. «Эти люди вполне еще могли стать хорошими воинами, — подумал я. — А им непременно придется стать воинами: теперь они прекрасно представляют себе, какая им грозит участь, если они не будут защищаться».

Весь переполненный радостью битвы, громко смеясь, я гнал свою колесницу вниз, к берегу. Колеса взвизгивали и подпрыгивали на крупных кристаллах песка.

— Шаносфейн спасен! — крикнул я тем, кто еще слушал меня. — Ваш Владыка со мной! — Я поднял его безжизненное тело как можно выше. — Он жив, просто без сознания!

Веки Шаносфейна дрогнули. Скоро он придет в себя.

А за нами уже началась погоня. Белпиг и отряд Серебряных Воинов устремились за моей колесницей. Потом из каких-то боковых ворот появился Моргег с отрядом всадников на странных, похожих на тюленей животных. Этих мне следовало опасаться гораздо больше, нежели неуклюжих чужестранцев.

Они тоже устремились в погоню за мной. Брошенное вслед копье задело плечо одного из медведей. Бедные звери уже выбивались из сил, я совершенно загнал их.

А затем, где-то на полпути к тому месту, где я оставил лодку, колесо налетело на камень, и нас Шаносфейном выкинуло через борт колесницы. Мы упали на камни, а медведи, не останавливаясь, понеслись прочь, дальше по берегу, таща колесницу за собой. Вот она опять наскочила на камень, подпрыгнула в воздух, вновь опустилась на землю и исчезла в полумраке.

Я вскинул Шаносфейна на плечо и побежал. Но тяжкая поступь моржеподобных верховых животных звучала уже совсем рядом. Впереди виднелись очертания моей лодки, но я остановился и обернулся к Моргегу и его воинам. Они все равно догнали бы меня прежде, чем я успел бы достичь лодки.

Шаносфейн застонал и потер лицо, приходя в себя. Я опустил его на землю.

— Видите лодку, лорд Шаносфейн? Она доставит вас в безопасное место. Бегите туда, быстро!

Я вынул из ножен Черный Меч, взял его обеими руками и повернулся к преследователям. Шаносфейн, пошатываясь, пошел к лодке.

Моргег и еще шестеро, вооруженные тяжелыми боевыми топорами, бросились на меня одновременно. Я крутанул тяжелым Мечом над головой, и его острие вспороло горло двум верховым тюленям. Они заревели, кровь потоками устремилась из широких ран. Они попытались было сделать еще шаг вперед, но рухнули, сбросив своих всадников. Одного я убил на месте: Черный Меч пробил его нагрудник и пронзил сердце. Я вновь поднял клинок, взмахнул им и поразил еще одного всадника. Тот дернулся в седле и свалился наземь.

Второй из спешенных воинов пытался подобраться ко мне сбоку, двигаясь, как краб, с поднятым топором. Я нанес рубящий удар по рукояти, расколов ее пополам. Лезвие топора от удара отлетело прямо в лицо другому всаднику и вышибло его из седла. Я сделал выпад, и Меч вонзился обезоруженному воину в горло.

Моргег пытался справиться со своим испуганным верховым тюленем. На меня он смотрел со страхом и ненавистью.

— А вы неплохо деретесь, граф Урлик! — произнес он.

— Как будто так, — ответил я и сделал ложный выпад.

Моргег подался назад, теперь у него оставался всего один воин — остальные лежали мертвыми. Я опустил Меч и сказал, обращаясь к этому воину:

— Оставь нас одних. Уходи. Или ты хочешь, чтобы я и тебя здесь положил?

Его бледное лицо дрогнуло, рот удивленно открылся. Он пытался что-то ответить, но так и не смог. Молча развернул своего тюленя и направился обратно в Ровернарк.

— Полагаю, мне тоже лучше будет вернуться в город, — тихо произнес Моргег.

— Не выйдет, — ответил я. — Мне еще надо расквитаться с тобой за то, что вы заманили меня в ловушку и бросили на острове одного.

— Я думал, что вы погибли.

— Но ты даже не удосужился проверить!

— Мы решили, что морской олень убил вас.

— Это я убил морского оленя!

— В таком случае, мне тем более следует вернуться в Ровернарк! — и он облизнул пересохшие губы.

— Я позволю тебе уйти, но только если ты сообщишь мне одну вещь. Кто вами командует?

— Епископ Белпиг, конечно! Кто ж еще!

— Нет. Я имею в виду, кто командует Серебряными Вои…

Моргег, видимо, решил, что лучшей возможности ему уже не представится. И внезапно обрушил на меня удар своего топора.

Я отбил удар и тут же, крутанув Мечом, выбил оружие у него из руки. Мне уже было не удержать клинок, и он по инерции вонзился прямо в низ живота Моргега.

— Какой холод… — прошептал Моргег, закрывая глаза. — Ледяной холод…

Тело его сползло с седла. Почувствовав себя свободным, его верховой тюлень тут же развернулся и быстро побежал обратно к гавани.

А ко мне уже приближался сам епископ Белпиг в сопровождении множества Серебряных Воинов. Их было много, и я сомневался, что мне удастся справиться со всеми, даже при помощи Черного Меча.

И тут со стороны моря до меня донесся крик:

— Граф Урлик! Скорее!

Это был голос моего кормчего. Шаносфейн был уже в лодке, и она медленно двигалась ко мне.

Я вложил Меч в ножны и вошел по колено в воду. Она словно прилипала к сапогам, мешала двигаться. Белпиг и его воины были почти рядом. А позади него, возле гавани, по-прежнему царила паника.

Лодка подошла ближе, я ухватился за борт и, задыхаясь, перевалился через него. Кормчий тут же развернул цапель и взял курс в открытое море.

Белпиг и Серебряные Воины остановились на берегу, у самой кромки воды, и вскоре их поглотил полумрак.

Лодка понеслась к Алому Фьорду.

Бладрак был необычно мрачен. Он сидел в своем янтарном кресле и изучающе рассматривал Шаносфейна и меня.

Мы находились в другой комнате его апартаментов, далеко от той, где сейчас властвовала смерть. Я снял с пояса Черный Меч и поставил его у стены в углу.

— Итак, — тихо произнес Бладрак, — Черный Меч, кажется, получил причитающуюся ему плату. Вы, должно быть, уложили немало Серебряных Воинов, не говоря уж о стражниках Белпига. И к тому же показали жителям Ровернарка, что им все же имеет смысл защищаться…

Я кивнул.

— А вы, лорд Шаносфейн, довольны ли вы исходом этого предприятия? Ведь вам удалось избежать смерти…

Бладрак говорил почти насмешливо.

Шаносфейн поднял на него глаза, в которых по-прежнему было какое-то отстраненное выражение.

— Я не совсем уверен в том, что между жизнью и смертью существует большая разница, сэр Бладрак.

Выражение лица Бладрака изменилось: до него дошел смысл слов Шаносфейна. Он поднялся с кресла и принялся расхаживать по комнате.

— Вы знаете, кто командует Серебряными Воинами? — спросил я Шаносфейна.

— Как, кто? Да Белпиг, конечно! — с удивлением ответил он.

— Да нет же! Граф Урлик желает знать, кто командует самим Белпигом, — сказал Бладрак. — Кто является верховным правителем Серебряного Воинства?

— Да все тот же Белпиг. Епископ Белпиг. Он их верховный правитель.

— Но он же не принадлежит к их расе! — воскликнул я.

— Он держит заложницей их королеву, — взгляд Шаносфейна, блуждавший по комнате, вдруг, словно прикованный, остановился на Черном Мече. — Эти люди на самом деле совсем не воины. Это мирный народ. Они никогда не знали войн. Но Белпиг заставил их выполнять его желания. А если они откажутся, он убьет их королеву, которая для них дороже собственной жизни.

Я был поражен. Бладрак тоже.

— Так вот почему они так скверно управляются со своими алебардами! — пробормотал я.

— Они умеют строить разные машины и с их помощью заставляют корабли плыть туда, куда им нужно, — сказал Шаносфейн. — Они обладают большими знаниями, так мне сам Белпиг говорил.

— Тогда зачем он превращает наш народ в рабов? — спросил Бладрак. — Какой ему от этого прок?

— Этого я не знаю, — Шаносфейн спокойно посмотрел на Бладрака. — Какой вообще прок от любой деятельности? Может быть, план Белпига ничем не хуже любого другого…

— У вас есть представление, чего именно он хочет добиться? — спросил я.

— Я уже говорил вам, что не имею об этом ни малейшего понятия. Мне как-то не приходило в голову спросить у него.

— Так вам совершенно наплевать на то, что ваш народ превращают в рабов?! И даже убивают?! — вскричал Бладрак. — Вашу холодную душу это совершенно не трогает?!

— Они и так уже рабы, — ответил Шаносфейн. — Мой народ вымирает. Как по-вашему, сколь долго протянет наша раса в таких условиях?

Бладрак отвернулся от Светского Владыки.

— Лорд Урлик, мне кажется, вы зря потратили на него время, — сказал он.

— То, что лорд Шаносфейн думает иначе, чем мы, вовсе не значит, что его не нужно было спасать, — ответил я.

— Пожалуй, меня действительно не нужно было спасать. — В глазах Шаносфейна появилось странное выражение. — Я вообще не считаю, что вы меня от чего-то спасли. Кстати, кто посоветовал вам спешить мне на помощь?

— Мы сами приняли такое решение, — ответил я. Потом, подумав, добавил: — Нет, не совсем так. Это, наверное, Хозяйка Чаши первой предложила…

Шаносфейн вновь поглядел на Черный Меч. Потом тихо произнес:

— Я бы хотел остаться один. Мне необходимо подумать.

Бладрак и я молча вышли из комнаты.

— Ну что же, может быть, его и стоило спасать, — неохотно признал Бладрак. — Он нам сообщил кое-какие важные сведения, которые мы бы иначе не получили. Но мне этот человек совершенно не по нраву. И я не понимаю, что в нем так привлекает вас. Он же ничтожество, он просто…

И тут нас остановил душераздирающий крик. Он донесся из той комнаты, которую мы только что покинули. Мы обменялись быстрыми понимающими взглядами.

И побежали обратно.

Но Черный Меч уже сделал свое дело. Шаносфейн лежал, распластавшись на полу, а из середины его груди, раскачиваясь как какое-то жуткое растение, торчал черный клинок. То ли Меч сам напал на Шаносфейна, то ли он каким-то образом исхитрился покончить с собой — нам не узнать уже никогда.

Шаносфейн был еще жив, его губы шевелились.

Я склонился над ним, пытаясь разобрать, что он говорит.

— Я и не знал, что он такой… такой холодный…

Я вырвал Черный Меч из его груди и вложил обратно в ножны.

Бладрак был бледен.

— Может быть, именно для этого Хозяйка Чаши заставила нас привезти его сюда? — спросил он.

— Что вы хотите сказать?

— Может быть, Мечу нужна была жизнь хорошего человека, очень хорошего? Может быть, это и есть та цена, которую нам следовало заплатить за его помощь и содействие? Может быть, наградой Черному Мечу могла служить только душа Черного Короля?

И я вспомнил речитатив, звучавший у меня в ушах:

Если Черный Меч пробудится, он должен будет получить свою плату…

Я сжал кулаки. И посмотрел на мертвое тело короля ученых людей Ровернарка.

— Ох, Бладрак, — произнес я тихо. — Мне страшно за наше будущее.

И холод, ужасный холод, холоднее самого холодного льда, наполнил комнату.

Книга четвертая
КРОВЬ СОЛНЦА

Клинок Меча, Герой и Чаша
Изменят круто судьбы наши.

«Хроника Черного Меча»

Глава I
Осада Алого Фьорда

И все в Алом Фьорде погрузилось в уныние, даже огни как будто померкли.

Мы теперь жили в тени Черного Меча, и мне становилось все более понятно, почему я так решительно отказывался от него ранее.

Получить полную власть над этим Мечом было совершенно невозможно. Он требовал человеческих жизней. Как алчный Молох, свирепый варварский бог древних, он все время требовал жертвоприношений. И, что хуже всего, он часто выбирал их сам, причем из числа друзей того, кто его носил.

Кровавый, ревнивый Меч.

Я, конечно, понимал, что Бладрак вовсе не винит меня в том, что произошло. Он даже утверждал, что вина за все это в равной степени лежит и на нем самом, и на Хозяйке Чаши. Ведь именно они — против моей воли — заставили меня пробудить Черный Меч и использовать его.

— Он уже помог нам, — отметил я как-то. — Без него я бы не выбрался из Ровернарка, и мы бы не узнали от Шаносфейна всей правды о Белпиге и о том, почему Серебряное Воинство подчиняется ему.

— И ему хорошо заплатили за помощь! — проворчал Бладрак.

— Если бы узнать, где Белпиг прячет их королеву, — сказал я, — мы могли бы освободить ее. Тогда Серебряные Воины отказались бы повиноваться Белпигу.

— Но мы же не имеем ни малейшего представления, где она!

— Может быть, нам опять спросить у Хозяйки Чаши… — начал было я, но Бладрак перебил меня:

— Я вовсе не уверен, что Хозяйка действует полностью в наших интересах. Мне кажется, она просто использует нас для осуществления каких-то собственных планов.

— Да, вы, вероятно, правы.

Однажды мы бродили с Бладраком вдоль причалов, осматривая корабли, которые мы и оснащали, готовясь к нападению Серебряного Воинства. Узнав о причинах, вынудивших Серебряных Воинов сражаться против нас по приказу Белпига, мы несколько утратили боевой пыл, и ненависть к ним поутихла, а стало быть, замедлилась и подготовка к войне.

Без ненависти к врагам было трудно заставить себя убивать их. Но нам все равно придется их убивать, иначе вся человеческая раса будет порабощена.

Я посмотрел на дальнюю стену фьорда, всю изрезанную отверстиями пещер, из которых исходили таинственный алый свет и тепло.

Там скрывалась какая-то сила, но я даже не мог себе представить, какая именно. Нечто, созданное тысячи лет назад, нечто, продолжавшее гореть при постоянной температуре, хотя остальной мир вокруг все больше остывал. Некогда, вероятно, Алый Фьорд представлял собой нечто совершенно иное, чем ныне, став прибежищем людей, поставленных вне закона, тех, кто предпочел перебраться сюда из относительной безопасности умирающих городов, вроде Ровернарка. Может быть, Хозяйка Чаши была последним потомком тех ученых, что некогда обитали здесь? На этот вопрос мог бы, наверное, ответить Шаносфейн. Может быть, именно поэтому Черный Меч убил его, чтобы мы по-прежнему пребывали в неведении…

Бладрак вдруг положил руку мне на плечо, остановился и склонил голову, прислушиваясь к чему-то.

Теперь я тоже услышал: это был звук сигнальной трубы. Вот он прозвучал еще раз, уже громче.

— Это стража, — сказал Бладрак. — Вот что, граф Урлик. Надо поглядеть, в чем дело, почему они трубят тревогу, — и он прыгнул в лодку, в которую были запряжены два цаплеподобных создания. До этого они спали на насестах, устроенных вдоль причала. Он разобрал вожжи и разбудил цапель. Я последовал за ним в лодку. Цапли повлекли лодку к узкому проливу, отделяющему фьорд от моря.

Миновав устье пролива и нависающие над ним черные скалы, мы вышли в открытое море. И тут же поняли, почему стража подняла тревогу.

На нас шел флот Белпига.

Судов было много — от пятисот до тысячи, и огромных. Воздух содрогался от шума их машин. Они поднимали вязкие волны, которые вскоре достигли нас и закачали нашу лодку.

— Белпиг собрал против нас все свои силы! — вскричал Бладрак. — Наши корабли не смогут противостоять этим огромным судам в открытом бою…

— Вы правы. Однако их величина в здешних условиях будет против них же самих: такие гигантские корабли могут войти в Алый Фьорд лишь по одному, — сказал я. — Если мы поставим достаточно воинов на скалах у входа во фьорд, то сможем первыми напасть на них, как только они попытаются проникнуть внутрь.

— Точно! — его лицо чуть посветлело. — Так мы и сделаем! А теперь — назад!

Мы успели подготовиться, и когда первый из гигантских кораблей со странными пирамидальными надстройками приблизился к устью пролива, мы уже ждали его на высоких скалах, приготовив кучи тяжелых камней.

Когда корабль оказался прямо под нами, я обнажил Черный Меч и скомандовал:

— Давай!

И тяжелые камни полетели вниз. Некоторые пробивали верхнюю палубу и надстройки, другие, падая, ломали мачты, калечили воинов и сбрасывали их в море.

Наши воины закричали в восторге, когда корабль накренился и перевернулся вверх килем, и воины в серебряных латах посыпались прямо в вязкие черные волны, которые тут же поглотили их. Они судорожно барахтались и кричали что-то высокими тонкими голосами.

Я смотрел, как они тонули, и думал о том, что эти бедные создания такие же жертвы предательского поведения Белпига, как и мы сами. Но что нам оставалось делать? Они напали на нас, и мы убивали их. Они сражались, чтобы сохранить жизнь своей королеве, которую любили превыше собственной жизни. А мы дрались за свою свободу. А вот за что дрался Белпиг, мне еще только предстояло узнать.

Другой корабль попытался войти в узкий пролив, и вновь мы обрушили вниз град камней. Корабль раскололся надвое, корма и нос поднялись из воды почти вертикально, и волны медленно сомкнулись

над ними, словно огромная пасть какого-нибудь морского чудовища. Из воды поднялся огромный клуб разогретого белого пара, все вокруг забурлило, нам в лицо ударил поток горячего воздуха. Надо полагать, один из камней попал прямо в машину, двигавшую этот корабль. Машины эти, видимо, были достаточно уязвимы. Стало быть, нам удалось обнаружить у нападавших еще одно слабое место.

Потеряв еще два корабля, противник отступил, встав у входа во фьорд полукругом, но на некотором расстоянии от нас.

Так началась осада Алого Фьорда.

Мы снова сидели в апартаментах Бладрака и обсуждали наше положение. Он было воспрянул духом после нашей первой победы, но теперь снова хмурился, раздумывая о том, что нам предстоит.

— Вы опасаетесь, что нам не выдержать долгой осады? — спросил я его.

— У нас мало припасов, — ответил он. — Мы выращиваем все, что нам необходимо, в глубоких пещерах, но освобожденные рабы утроили население Алого Фьорда. Наши сады и огороды не смогут прокормить столько людей. Наши рейды обычно служили дополнительным источником провизии, но теперь корабли Белпига блокируют Фьорд, и мы не можем выйти в море.

— На какое время нам хватит продовольствия, как вы думаете?

Он пожал плечами:

— Дней на двадцать. Мы никогда не делали больших запасов. Почти все, что было, пошло на прокорм вновь прибывших. Новый урожай будет еще не скоро. Белпиг, вероятно, осведомлен об этом.

— Да, наверное. И рассчитывает на это тоже!

— Что будем делать, граф Урлик? Может, нападем на них сами? По крайней мере, это быстрая смерть…

— Ну, это оставим на крайний случай. А что, разве из фьорда нет другого выхода?

— Есть, но только не в море. Дорога в горы — но она ведет прямо в ледяные пустыни. Мы там погибнем так же быстро, как и здесь.

— Как далеко отсюда эти ледяные пустыни?

— Если пешком, то дней восемь. Я никогда в ту сторону далеко не забирался.

— Значит, если мы пошлем туда фуражиров, они ничего там не найдут?

— Нет.

Я почесал бороду, размышляя. Потом сказал:

— Тогда нам остается только одно.

— Что именно?

— Просить совета у Хозяйки Чаши. Каковы бы ни были ее планы, она, как мне кажется, желает поражения Белпига. Она окажет нам помощь, если, конечно, это в ее силах.

— Хорошо, — сказал Бладрак. — Тогда пойдемте в пещеру, где стоит этот черный жезл.

— Миледи!

Бладрак оглянулся по сторонам. Лицо его на миг осветилось тусклым странным светом, исходившим от сталактитов.

Сильный запах морской воды бил в нос. Пока Бладрак вызывал Хозяйку Чаши, я занялся изучением жезла, все так же торчавшего из черного базальта посреди пещеры. Я коснулся его пальцами и тут же отдернул руку, вскрикнув от боли. Жезл обжигал. Но это был не жар. Жезл был холодным, чудовищно холодным.

— Миледи!

Тонкий вибрирующий звук возник в воздухе, постепенно переходя в визг. Я повернулся и успел заметить очертания гигантской Чаши. Потом они исчезли, и звук тоже пропал. Перед нами стояла Хозяйка Чаши, источая розовое сияние, с лицом, закрытым вуалью.

— Белпиг едва не уничтожил вас! — произнесла она. — Тебе следовало раньше взять Черный Меч!

— Чтобы погубить еще больше друзей?

— Ты что-то слишком сентиментален для Великого Героя и Защитника! Дело, за которое ты сражаешься, огромно по своему значению и по своим последствиям.

— Я уже устал от великих дел, сударыня.

— Тогда зачем Бладрак вызвал меня?

— Нам просто ничего другого не оставалось. Мы заперты во фьорде и скоро погибнем. Единственный, как мне кажется, выход из создавшегося положения — попытаться спасти Королеву Серебряного

Воинства, которая находится в плену у Белпига. Если мы освободим ее, у Белпига не будет такой армии.

— Совершенно верно.

— Но мы не знаем, где нам искать Королеву, — сказал Бладрак.

— Задавайте мне прямые вопросы! — приказала Хозяйка Чаши.

— Где находится Королева Серебряного Воинства? — спросил я. — Вы знаете?

— Да, я знаю. Она находится в городе, который называется Луна, в тысячах миль отсюда, и дорога к ней лежит через ледяные пустыни. Ее охраняют люди Белпига с помощью волшебства. Он заколдовал ее. Она не может покинуть свое жилище, и никто не может к ней проникнуть, за исключением самого Белпига.

— Значит, ей нельзя помочь.

— Можно. Но сделать это может лишь один человек. Ты, Урлик. С помощью Черного Меча.

Я пристально посмотрел на нее:

— Так вот почему вы помогли Бладраку призвать меня сюда! Вот почему вы доставили сюда это Меч и заставили меня вновь взять его! Вы желаете освободить Серебряную Королеву, причем из соображений вашей собственной выгоды!

— Об этом нетрудно догадаться, граф Урлик. Но ее освобождение и в ваших интересах тоже.

— Я не могу пересечь тысячемильные пространства ледяной пустыни пешком. Даже если бы я не лишился своей колесницы и медведей, я не смог бы добраться туда достаточно быстро и освободить Королеву, чтобы спасти Алый Фьорд.

— Есть и другой способ попасть туда, — произнесла Хозяйка Чаши. — Очень опасный…

— Использовать в качестве саней лодку и этих цапель? Они во льдах долго не выдержат. Кроме того, я вовсе не уверен, что здешние лодки достаточно прочны…

— Нет, я вовсе не это имела в виду.

— Тогда скажите, что именно!

— Алый Фьорд создали прекрасные инженеры. Они изобрели множество разных машин. Некоторые из их изобретений совсем не нашли себе применения, некоторые использовались лишь частично. Когда они ушли отсюда, овладев силами, способными переносить их

сквозь время, то оставили здесь многое из созданного ими. Одно из их изобретений замуровано в скале в дальнем конце горного хребта, окружающего фьорд. Это воздушная повозка, которая имеет свой собственный источник энергии. Но ее бросили, ибо она обладала существенным недостатком: ее двигатель источает некую эманацию, которая ослепляет пассажиров и в конечном итоге убивает их.

— И вы хотите, чтобы я отправился на Луну на такой повозке?! — Я даже засмеялся. — И умер еще до того, как попаду туда? Чего же мы этим добьемся?

— Ничего. Я не знаю, сколько времени нужно этим лучам, чтобы убить человека. Вполне возможно, ты успеешь добраться до Луны.

— Но, вероятно, останусь калекой?..

— Об этом я не знаю ничего.

— Где именно замурована повозка?

— В скалах есть тропа, которая через ущелье ведет прямо к ледяным пустыням. В конце ущелья возвышается одинокая скала. В ней вырублены ступени, которые ведут наверх, к замурованной двери. Ты должен взломать эту дверь — за ней и хранится воздушная повозка.

Я нахмурился. Я все еще не полностью доверял Хозяйке Чаши. В конце концов именно она была виновна в том, что я лишился Эрмизад и испытал столько потрясений и горя.

— Что же, я последую вашему совету, миледи, — сказал я. — Но только при одном условии. Вы должны мне кое-что обещать.

— Что же?

— Что вы откроете мне все, что вам известно о моей Судьбе и моем месте в этой Вселенной.

— Если ты добьешься успеха, я обещаю, что расскажу все, что знаю сама.

— В таком случае я немедленно отправляюсь.

Глава II
Город, который звался Луной

И я покинул Алый Фьорд и поспешил в черные, мрачные горы, зловеще возвышавшиеся над фьордом, упираясь вершинами в низкое сумрачное небо. С собой я взял карту, немного провизии и свой Меч. На мне было громоздкое меховое одеяние, не слишком согревавшее меня, но, по крайней мере, не дававшее замерзнуть. Я двигался вперед и вперед по узкой тропе с максимально возможной в таких условиях скоростью.

Спал я мало, в результате чего глаза все время слипались, и окружавшие меня обсидиановые утесы, базальтовые осыпи и странной формы потеки пемзы начинали как бы шевелиться и казались то издевательски ухмыляющимися лицами, то угрожающе нависшими над тропой фигурами великанов и чудовищ, то еще чем-нибудь столь же кошмарным. Я все время хватался за Меч, но продолжал путь, шатаясь, оскальзываясь, чуть не падая. В конце концов впереди завиднелся выход из ущелья, за которым простиралась ледяная пустыня. Над ней плыли все те же низкие облака, сквозь которые сейчас был виден красный шар солнца и еле заметные звезды за ним.

Я был даже рад, что наконец добрался до ледяной пустыни. Если в первый раз, когда я только попал в этот мир, льды показались мне мрачными и однообразными, то теперь, в сравнении с черными горами, окружавшими последнее, черное море Земли, они предстали совсем в ином виде. Я с трудом преодолел последний скользкий участок ущелья, и передо мной встала одинокая скала.

Как и говорила Хозяйка Чаши, скала стояла особняком от остальных, на самом краю ледяной пустыни.

Меня уже шатало от недосыпания. Я с трудом передвигал ноги, преодолевая последние полмили. И наконец достиг подножия скалы, где виднелись вырубленные в камне ступени. На первой же из этих ступеней я рухнул и провалился в глубокий сон.

Но вскоре проснулся, лишь слегка освеженный сном, и сразу двинулся вверх по ступеням, пока не добрался до замурованного входа

в пещеру. Да, он был замурован, и замурован прочно: расплавленным когда-то, а теперь застывшим красно-желтым обсидианом.

А я рассчитывал, что дверь-то уж сломать смогу. Но с помощью чего я мог бы проникнуть сквозь застывший обсидиан?

Я оглянулся по сторонам, бросил взгляд на оставшиеся позади горы. Низкие темные облака словно прилипли к их склонам, делая их очертания еще более загадочными. Они как будто насмехались надо мной вместе с Хозяйкой Чаши.

— Будьте вы прокляты! — воскликнул я.

— Прокляты! — ответили они. — Прокляты!

Это эхо еще более усилило мое мрачное настроение.

Едва сдерживая клокотавшую в груди ярость, я обнажил Черный Меч. Черное сияние, исходившее от клинка, бликами заиграло на обсидиановой поверхности. Я размахнулся и нанес яростный удар по камню, закрывавшему вход в пещеру. Клинок глубоко вонзился в обсидиан, осколки брызнули во все стороны.

Удивленный, я нанес еще удар. Огромный кусок обсидиана отвалился и упал в сторону.

И вновь Черный Меч вонзился в камень, и на сей раз стена с грохотом рухнула, открыв черный зев пещеры. Я вложил Меч в ножны и, перебравшись через гору битого камня, вошел внутрь. В пещере было совершенно темно, я ничего не видел. Я вынул из-за пояса жезл-фонарик, что дал мне Бладрак, и нажал на его ручку. Тусклый свет озарил помещение.

Передо мной стояла машина, о которой говорила Хозяйка Чаши.

Но она ничего не сказала о том, что в машине меня будет ждать водитель, пилот!

Он сидел там и молча смотрел на меня, улыбаясь, словно зная мою судьбу наперед. Он был тонок и высок и одет в такие же серебряные доспехи, как те воины, что служили Белпигу. Он сидел в довольно-таки неловкой позе и так, видимо, просидел здесь многие века, ибо на меня, оскалившись, смотрел голый череп, а борта повозки сжимали пальцы скелета. Я догадался, что его оставили здесь как предупреждение тем, кто захочет воспользоваться этой повозкой с ее смертельным излучением. С проклятием я отбросил мертвеца в сторону.

Хозяйка Чаши говорила, что я вполне сумею справиться с управлением этой повозкой. И была права. Здесь не было никаких приборов, только одна ручка, выполненная из цельного кристалла, торчала из пола. Взявшись за нее, я почувствовал, что двигатель заработал. Толкнув ручку от себя, я заставил повозку двигаться вперед, а потянув ручку к себе, замедлил ее движение, а потом и остановил ее. Если тянуть ручку назад под некоторым углом, можно было поднять повозку в воздух, а толкая ручку под тем же углом вперед — опускаться вниз. Повороты легко выполнялись движением ручки вправо и влево.

Мне не терпелось покинуть пещеру и валявшийся там скелет пилота. Я покрепче взялся за ручку и толкнул ее вперед. И тотчас вся повозка засветилась ярким розовым светом. Двигатель, расположенный где-то под ногами, заработал мощнее. Я облизал пересохшие губы, еще раз толкнул ручку и вывел воздушную повозку из пещеры. Потом поднял ее на несколько футов в воздух, чтобы не наткнуться на гору камней у входа, и полетел. Повозкой было легко управлять — она слушалась малейших движений руки. Я глянул на карту, сориентировался по компасу, укрепленному на ручке, и направился прямо к городу, который здесь звали Луной.

Обсидиановые утесы скоро остались позади, и теперь подо мной были только льды, льды без конца и без края. Повозка стремительно летела вперед. Иной раз ровную поверхность льда пересекали торосы и трещины, но по большей части ничто не нарушало однообразия холодного и пустынного пейзажа, расстилавшегося внизу.

Я начал было сомневаться в справедливости утверждений Хозяйки Чаши относительно смертельной опасности, которая якобы исходит от двигателя повозки, но вскоре понял, что вижу теперь несколько хуже, словно что-то застилает мне взор. Потом почувствовал сонливость, затем появилась боль в суставах.

Я вел воздушную повозку на максимальной скорости, но у меня не было приборов, чтобы эту скорость определить. Холодный ветер бил в лицо, борода была вся в инее, тяжелый меховой плащ развевался, я с трудом мог дышать.

Я замерзал. Мне казалось, что я лечу все дальше и дальше от солнца и мир становится все темнее и темнее.

И действительно, скоро солнце уже висело над самым горизонтом, а звезды сияли гораздо ярче. Я уже лежал, откинувшись на сиденье. Меня подташнивало.

Я был уверен, что скоро мне конец. Пришлось даже снизить скорость — меня вырвало прямо за борт. Я хотел совсем остановить повозку и убраться от нее подальше, но помнил, что если покину ее, то тогда уж погибну навсегда. И я вновь увеличил скорость.

Некоторое время спустя впереди показалась огромная белая гора, вся испещренная гигантскими кратерами. Она поднималась прямо из ледяной равнины. Я сразу узнал ее: это была сама Луна. Интересно, сколько тысяч лет прошло с того момента, когда ока врезалась в Землю? Внезапно в памяти мелькнуло какое-то воспоминание. Да, теперь я вспомнил: я уже однажды видел это зрелище. Какое-то имя, чье-то горе было связано с ним. Что это было за имя?

Но воспоминание уже исчезло.

Последним усилием я потянул ручку управления на себя, с трудом посадил воздушную повозку на лед и выволок из нее свое ноющее тело.

И пополз по льду, направляясь к возвышающейся впереди горе, которая когда-то была спутником Земли.

Чем больше я удалялся от воздушной повозки, тем скорее ко мне возвращались силы. Когда я дополз до первых отрогов, я уже чувствовал себя почти нормально. Гора тоже была покрыта тонким слоем льда, но не вся, а только местами, так что ее очертания были хорошо видны. Далеко вверху светился какой-то огонек. Не вход ли это в город, который вынуждено было покинуть Серебряное Воинство, против собственной воли вставшее под знамена Белпига в его войне против нас? Мне оставалось лишь начать подниматься по отрогам горы к этому источнику света. Склон был довольно пологим, льду мало, так что подниматься было легко. Правда, мне пришлось несколько раз останавливаться, чтобы передохнуть. Когда я наконец достиг вершины горы и мне в лицо ударил поток яркого света из огромного кратера, я совершенно выдохся. А на фоне кратера в ярком свете передо мной предстали силуэты не менее дюжины всадников все на тех же тюленеобразных верховых животных.

Меня заметили. Вероятно, Белпиг предупредил о моем возможном появлении.

Я съехал вниз по стене кратера, остановился на небольшой площадке, извлек из ножен Черный Меч, взялся обеими руками за его рукоять и приготовился к защите.

Они атаковали меня все вместе, опустив свои гарпуны с зазубренными наконечниками. Такие я в последний раз видел во время охоты на морского оленя. Если такое острие пробьет латы, оно распорет меня от горла до живота!

И тут я почувствовал прилив сил, словно Черный Меч передал мне свою энергию. Одним-единственным взмахом клинка я срубил наконечники всех гарпунов, нацеленных мне в грудь. Они со звоном покатились по камням. Пораженные всадники остановились. Я вонзил острие Меча в горло ближайшему тюленю, и тот упал, захлебываясь кровью. Его всадник вылетел из седла прямо мне под ноги, и мне оставалось только раскроить ему голову ударом Меча.

С моих губ сорвался смех. Всадники смешались. Одни доставали мечи из ножен, другие хватались за боевые топоры. Они что-то кричали друг другу. Один метнул в меня топор, и его лезвие ударило меня в плечо, но не пробило кольчугу. Я сделал выпад и раскроил ему лицо. Удар был таким сильным, что клинок по инерции поразил и соседнего воина.

Они попробовали было прижать меня к стене, чтобы лишить маневра и расправиться со мной. Но Черный Меч такого не допустил. Он поднимался и опускался столь быстро, что они не успели опомниться, как половина из них уже лежала мертвыми. Вот черный клинок вместе с державшей его рукой исчез в тени. И тут же еще одна отрубленная голова скатилась на землю. Вот еще одно тело со вспоротым животом закачалось в седле и сползло набок. Все, кого касался Черный Меч, падали, истекая кровью.

И вот уже все воины лежали мертвыми. Лишь несколько верховых животных остались в живых: они, толкаясь, отступали к центру кратера, откуда исходил яркий свет.

По-прежнему громко смеясь, я последовал за ними.

Бой совершенно не утомил меня, наоборот, он словно вдохнул в меня новые силы. Я чувствовал себя очень легко и свободно. Я быстрым шагом двигался за тюленями, моргая и щурясь от яркого

света. Животные спускались по длинной металлической аппарели, повторявшей все изгибы и повороты стен кратера.

Я продолжал спускаться, однако теперь более осторожно. Внезапно позади меня с обеих сторон появились створки въездных ворот. Они медленно сближались, пока не сомкнулись совсем. Выход был закрыт. Уж не попал ли я в ловушку?

Я спускался все ниже и ниже, пока аппарель не достигла ровного пола. Пол казался сделанным из расплавленного серебра, его поверхность была словно покрыта рябью, как вода под ветром. Но когда я достиг его и осторожно попробовал ногой, пол оказался твердым.

Из ворот в дальней от меня стене выбежало еще несколько воинов. Они были одеты в пузыреобразные доспехи, какие я видел в Ровернарке, и вооружены алебардами с обоюдоострым лезвием, такими же, как у Серебряных Воинов.

Эти умели обращаться с оружием. Они рассыпались цепью, размахивая своими алебардами. Я внимательно наблюдал за ними, пытаясь определить слабое звено в их защите.

Тут один из них, раскрутив алебарду, метнул ее в меня. Я едва успел прикрыться мечом и отбить эту летящую смерть, как в меня уже полетела следующая, затем еще и еще. Я отбил одну, но вторая все же задела меня, нанеся скользящий удар. Меня швырнуло на землю, Черный Меч вылетел из ладони и заскользил в сторону по серебряному полу.

Я поднялся на ноги, безоружный. А воины Белпига, обнажив мечи и гнусно скалясь, шли на меня. Они уже считали меня своей добычей.

Я посмотрел, куда отлетел мой Меч, но до него мне было не достать. Я отступил назад и тут же обо что-то споткнулся. Посмотрел под ноги и увидел, что это одна из брошенных в меня алебард. Я мгновенно нагнулся и схватил ее. Они тоже ее увидели и кинулись на меня, но я успел раньше. Одного я отбросил ударом древка, другому вонзил острие прямо в горло. Они остановились, и я бросился вперед. Прорвавшись сквозь их цепь, я поспешил к Мечу.

Но они нагнали меня прежде, чем я до него добрался. Я обернулся, отбил чей-то выпад, поднял алебарду и обрушил ее на шлем одного из нападавших. Тот пошатнулся, оглушенный, а я прыгнул к лежавшему на полу Мечу и поднял его.

Он снова удобно и прочно устроился у меня в ладонях и запел свою кровавую песню, словно борзая, загнавшая зверя. Он жаждал крови.

И я дал ему напиться вдоволь. Первого я развалил от плеча до живота, а второго вообще на две половинки.

Меня уже всего трясло: чувствовал, что боевой задор покидает меня. Я вложил Меч в ножны и побежал к той двери, откуда появились эти воины.

Передо мной был длинный извивающийся коридор, больше похожий на трубу, поскольку был совершенно круглым в сечении; пол коридора, закругляясь, поднимался по обеим сторонам, постепенно переходя в стены. Я бежал и бежал по нему, спускаясь все ниже, пока не достиг странного сферического помещения. У меня было ощущение, что все эти проходы в горе были вырублены не для людей, а для каких-то перевозок, может быть, для перекачки жидкостей. В одной из стен сферического зала были вырублены ступени, которые вели куда-то вверх, к потолку. Я поднялся по ним и попал в круглую комнату, потолком, которой служило нечто, похожее на матовое или замерзшее стекло. Я присмотрелся внимательнее и понял, что потолок этой комнаты служил полом той, что находилась прямо над ней.

Но я совершенно не представлял, как отсюда попасть на этаж выше. И тогда я обнажил Черный Меч.

И тут же в гладком матовом стекле открылся люк. Идеально круглый люк в самом центре круглого потолка. Из люка появилось нечто вроде прозрачной трубы; труба опустилась вниз и повисла, не достигнув двух-трех футов до пола нижней комнаты. Внутри трубы на ее стенках были видны скобы для подъема.

Я осторожно приблизился к этой трубе и начал взбираться наверх, хватаясь за скобы и по-прежнему сжимая Черный Меч в правой руке. Достигнув пола верхней комнаты, я осторожно высунул голову. Моему взору предстало помещение огромных размеров. Мебели здесь почти не было. Стены и пол из того же волнистого, словно подернутого рябью серебра. Большая белая кровать, стулья, кресла да еще несколько странных предметов, чье назначение мне было неизвестно. Возле кровати стояла женщина с серебристой кожей и огромными, глубокими черными глазами. Одета она была в платье кроваво-

красного цвета. Она улыбнулась мне. Губы ее зашевелились, но я не услышал ни звука.

Я попытался приблизиться к ней и тут же ударился лицом обо что-то холодное и твердое. Меня даже отбросило назад. Я ощупал препятствие рукой. На ощупь оно было гладким. Я был отделен от Серебряной Королевы невидимой стеной.

Она продолжала что-то говорить, делая руками жесты, но я не слышал ее.

Что это за волшебство? Чем Белпиг околдовал Королеву? Может быть, его знания были гораздо обширнее, чем он дал мне понять? Нет, более вероятно, он просто позаимствовал их у Серебряного Воинства, чьи предки, как я теперь понимал, были теми самыми учеными, что когда-то жили там, где теперь находится Алый Фьорд.

Отчаяние овладело мною. В бессильной ярости я поднял Черный Меч и изо всех сил нанес им удар по невидимому препятствию.

Чудовищной силы крик, переходящий в визг, наполнил комнату. Меня сотрясла дрожь и что-то отшвырнуло назад от невидимой стены. Перед глазами все поплыло. Я еще успел подумать, что, видимо, слишком привык полагаться на всесильный Черный Меч, и потерял сознание.

Глава III
Феникс и Королева

Когда я очнулся, в ушах вновь звучал все тот же речитатив:

ЧЕРНЫЙ МЕЧ
ЧЕРНЫЙ МЕЧ
ЧЕРНЫЙ МЕЧ
НА КЛИНКЕ МЕЧА — КРОВЬ СОЛНЦА…

Я открыл глаза и увидел над собой яркие звезды на темном небе. Я повернул голову и обнаружил, что снова нахожусь на воздушной повозке.

Возле ручки управления сидел мужчина в серебряных латах.

Нет, это, наверное, сон… Мне просто снится, что скелет управляет воздушной повозкой.

А если нет? Тогда я пленник Серебряных Воинов. Я приподнялся и почувствовал под боком рукоять Меча. Я не был связан, у меня не отняли оружие.

Пилот в серебряных латах обернулся, и я понял, что это вовсе не мужчина, а женщина, та самая, которую я видел перед тем, как потерял сознание. В ее черных глазах застыла насмешка.

— Благодарю тебя за мужество. Ты спас меня, — сказала она.

И я узнал ее голос.

— Твой меч пробил стену. А теперь мы возвращаемся в Алый Фьорд, чтобы я предстала перед моими воинами и сообщила им, что я свободна и что им более не нужно подчиняться Белпигу.

— Хозяйка Чаши! — недоверчиво воскликнул я.

— Да, именно так называли меня люди Бладрака.

— Так, значит, все мои усилия были напрасны! Вы и без того были свободны!

— Нет, — улыбнулась она. — То, что вы все видели там, было лишь моим изображением. К тому же и оно не могло появляться нигде, кроме зала, где находится черный жезл. Белпиг просто не знал, что я могу воспользоваться этим средством для связи с его врагами!

— Но я же видел Чашу в море!

— Изображение Чаши легко спроецировать куда угодно, а вот мое, увы, нельзя.

Я продолжал смотреть на нее, раздираемый сомнениями и подозрениями.

— А как к вам попал Черный Меч?

— Народ Луны обладает большой мудростью, мой дорогой Герой. Когда-то он был великим и могучим. Нам было предсказано, что ты однажды проснешься и вновь придешь к нам из своего Ледяного Замка. Тогда это представлялось не более чем легендой, но я изучила все древние манускрипты, в том числе и этот, поскольку мне нужна была помощь. Я многое из них узнала.

— И вы обещали мне рассказать все, что узнали.

— Да, обещала.

— Прежде всего вы должны мне сказать, чего добивается Белпиг.

— Белпиг — дурак, хотя и хитрый. Он знал о Луне и в конечном итоге обнаружил ее после многих недель странствий по ледяной пустыне. А мы, совершенно забыв о том, что между нами старинная вражда, поверили ему. Он многое узнал от нас, многие наши секреты. И однажды пленил меня и заточил там, где ты меня и нашел. А после этого, как ты и сам знаешь, он заставил Серебряное Воинство служить себе.

— Но для чего?

Серебряная Королева пошатнулась, и я понял, что смертоносные лучи, исходящие от двигателя нашей повозки, воздействуют на нас обоих.

— Он… У него был план… Но для его осуществления требовалось гораздо больше рабочей силы, чем могли предположить Серебряные Воины. Его конечная цель — построить корабль, способный путешествовать сквозь пространство. Он хотел найти другое солнце, не такое старое, как наше. Глупый план! У нас есть знания, необходимые, чтобы построить такой корабль, но мы не знаем, где взять энергию для его двигателя и как много времени нам потребуется для перелета к другому солнцу. Но Белпиг этому не верил. Он полагал, что если подвергнет пытке меня и моих людей, то мы в конце концов все ему откроем. Он просто сумасшедший!

— Да, видимо. И его сумасшествие причинило немало горя этому и без того печальному миру.

— Глаза… — простонала она. — Я ничего не вижу…

Я взял ее на руки и перенес с сиденья пилота назад, а сам сел на ее место, взялся за ручку управления и вернул повозку на прежний курс.

— Итак, вы вызвали Черный Меч и Золотую Чашу. А не вы ли насылали все эти кошмарные сны, что преследовали меня?..

— Нет… Я… не насылала… снов…

— Так я и думал. Мне кажется, вы не совсем понимаете то, что вы сделали, миледи! Вы воспользовались знаниями, почерпнутыми из легенды, чтобы вызвать меня. И использовали меня в собственных целях. Но, по-моему, это Черный Меч или та сила, что владеет и повелевает им, использовала нас обоих. Вы слыхали о Танелорне?

— Да, я знаю, где он, согласно легендам, находится.

— И где же?

— В самом центре того, что мы именуем Мультивселенной, в центре бесчисленного множества миров, неисчислимых вселенных, отделенных друг от друга. Считается, что существует некий центр, вокруг которого все эти вселенные вращаются, его еще называют Ступицей Вселенной. Некоторые полагают, что этот центр Вселенной — на самом деле некая планета, и отражения этой планеты существуют во многих других мирах. Наша Земля — лишь одно из таких отражений. Земля, с которой прибыл ты, — другое такое отражение. Танелорн имеет отражения везде, но между ними и его отражениями есть одна разница: сам он никогда не меняется. Он не стареет и не умирает, как стареют и умирают другие миры. Танелорн — как и ты, Герой, — бессмертен, вечен.

— Как же мне найти Танелорн и узнать, что за силы им управляют?

— Этого я не знаю. Тебе следует спросить кого-нибудь другого.

— Вероятно, мне никогда его не найти.

Разговор утомил королеву, да и меня тоже. К тому же мы ощущали вредоносное воздействие излучения. Я был крайне разочарован, хотя кое-что все-таки выяснил. Впрочем, я по-прежнему не имел всей необходимой мне информации.

— Расскажите мне о Чаше, — попросил я. — Что она собой являет?

Но королева не ответила: была без сознания. Если мы в ближайшее время не доберемся до Алого Фьорда, мне уже не нужна будет вообще никакая информация.

Но вот впереди завиднелись мрачные скалы. Я до предела увеличил скорость воздушной повозки и поднял ее как можно выше, чтобы проскочить над горами и долететь до самого фьорда.

Вскоре нас поглотили низкие мрачные облака. Все вокруг покрылось влагой. Видно было очень плохо, и я молился, чтобы не наскочить в тумане на какой-нибудь высокий утес или острую вершину.

Я с трудом преодолевал тошноту и боль во всем теле, стараясь хоть что-то разглядеть сквозь туман, застилавший все. Если я не справлюсь с управлением, мы врежемся в гору и погибнем.

Наконец в облаках показался просвет. И я увидел внизу под нами ленивые волны соленого моря. Мы проскочили Алый Фьорд.

Я быстро развернул повозку, немного снизился и через несколько минут разглядел внизу огромный флот епископа Белпига.

Тошнота одолевала меня, я почти ничего не видел. Я сделал круг над кораблями и увидел епископа на палубе самого большого из них. Он беседовал с двумя Серебряными Воинами. Заметив мою воздушную повозку, он в изумлении поднял голову.

— Урлик! — завизжал он, а потом засмеялся: — Ты что думаешь, тебе удастся спасти своих друзей с помощью этой летающей посудины? Да у них треть населения от голода вымерла! А остальные слишком слабы, чтобы оказать нам сопротивление! Зато мы вполне готовы начать атаку. Бладрак — последний из тех, кто мне противился. И теперь весь мир — мой!

Я обернулся к Серебряной Королеве и попытался привести ее в чувство. Она застонала и пошевелилась, но сознание к ней так и не вернулось. Тогда я приподнял ее как можно выше, чтобы увидел Белпиг.

Вдруг воздушная повозка начала быстро терять высоту, и я понял, что нас неминуемо поглотят волны соленого моря.

И тут послышались звуки трубы, и я, оглянувшись, увидел, как корабли Бладрака выходят из устья фьорда. Стало быть, потеряв на меня надежду, он решил дать Белпигу бой и погибнуть.

Я хотел крикнуть, предупредить его, что атака бессмысленна, но тут повозка ударилась о воду и, крутясь и качаясь на волнах, подплыла прямо к одному из вражеских кораблей.

Мне удалось развернуть ее, но столкновения избежать я не успел. С грохотом ударившись о борт корабля, повозка перевернулась, и мы с Серебряной Королевой оказались в густой соленой воде.

Сверху донеслись крики, потом что-то упало с борта в воду рядом со мной. Но я уже не видел, что именно. Волны сомкнулись над моей головой.

Однако секунду спустя я почувствовал, что меня тянут вверх. Я судорожно глотнул воздуха. Меня держал Серебряный Воин. Он улыбался мне — прямо сиял от восторга. Он ткнул пальцем куда-то вбок. Я оглянулся и увидел Серебряную Королеву. Значит, они уже поняли, что это я спас ее.

Мы находились на небольшом плоту. Его, должно быть, сбросили с корабля, когда мы упали в воду. А теперь поднимали обратно на палубу. Я слышал ворчливый голос Белпига. Значит, мы врезались прямо в его флагманский корабль!

Мы достигли палубы, и Серебряные Воины помогли мне подняться на ноги. Я огляделся.

Прямо надо мной на верхней палубе стоял епископ Белпиг. Он уже все понял. Понял, что проиграл, понял, что Серебряное Воинство больше не будет ему повиноваться. Но все равно смеялся!

Невольно засмеялся и я.

Все еще смеясь, я обнажил Черный Меч. Белпиг обнажил свой и еще громче захихикал. Я направился к трапу и начал взбираться по ступеням. Поднявшись, я оказался лицом к лицу с епископом.

Он знал, что сейчас умрет. И мысль об этом лишила его последних остатков рассудка.

А у меня не поднималась рука его прикончить. Я уже слишком многих убил. А он теперь не представлял никакой угрозы, и я бы даже оставил его в живых…

Но Черный Меч решил иначе. И когда я попытался вложить его в ножны, он внезапно вывернулся и потащил меня к епископу.

Белпиг закричал и поднял свой меч, защищаясь от грозящего удара. Я хотел остановить Черный Меч, не дать ему опуститься…

Но он опустился.

И я не смог остановить его.

Он разрубил меч Белпига и замер в воздухе. Епископ закричал и заплакал, не отрывая глаз от черного клинка. А Меч, помимо моей воли, сам сделал выпад и вонзился прямо в жирное тело Белпига.

Епископ забился в конвульсиях, его ярко накрашенные губы тряслись. В глазах появилось странное выражение, словно он вдруг прозрел… Потом он закрыл глаза, и по его нарумяненным щекам потекли слезы.

Мне показалось, что он уже мертв. Во всяком случае, я на это очень надеялся.

А Серебряные Воины уже передавали с борта корабля продовольствие голодным воинам Бладрака, которые вышли из Алого Фьорда на свой последний бой.

Снизу меня окликнула Серебряная Королева. Рядом с нею стоял уже поднявшийся на борт корабля Бладрак. Он сильно похудел, но выглядел все таким же самодовольным и уверенным. Он приветственно помахал мне рукой.

— Вы спасли нас всех, граф Урлик! — крикнул он.

Я горько улыбнулся в ответ:

— Всех, кроме себя самого.

Я спустился к ним. Серебряная Королева принимала приветствия от своих воинов, лица которых светились радостью. Она повернулась ко мне:

— Ты заслужил вечную благодарность моего народа, Герой!

На меня ее слова не произвели никакого впечатления. Я устал, смертельно устал. Единственное, чего я хотел, — это вернуться к Эрмизад.

Я ведь полагал, что, если буду следовать Судьбе, если вновь возьму в руки Черный Меч, тогда у меня, по крайней мере, будет шанс вновь соединиться с нею…

Но, видимо, Судьба решила иначе.

Кроме того, я все еще не до конца понимал те пророчества, что касались Черного Меча.

На клинке Меча — кровь Солнца…

Бладрак хлопнул меня по плечу:

— Мы намерены отпраздновать ваше возвращение, граф Урлик. Серебряные Воины и их прекрасная Королева будут нашими гостями в Алом Фьорде!

Вместо ответа я тяжелым взглядом уставился на Серебряную Королеву:

— Какое отношение имеет ко мне Золотая Чаша?

— Я не совсем уверена… — начала было она.

— Вы обязаны рассказать мне все, что знаете, — перебил я. — Иначе я убью вас своим Черным Мечом. Вы выпустили на свободу силы Природы, которых не понимаете. Вы вмешались в судьбы многих людей. Вы принесли мне огромное горе. И все-таки вы не до конца понимаете, что сотворили. Вы стремились спасти горстку людей, оставшуюся на умирающей планете, и для этого нашли способ призвать на помощь Вечного Героя. Это совпало с желанием тех сил судьбы, что управляют мною, и они помогли вам. Но я отнюдь не испытываю благодарности к вам — пока у меня на поясе висит этот адский Меч, от которого, как я считал, я навсегда избавился!

Она даже отшатнулась и отступила назад. Улыбка исчезла с ее лица. Бладрак тоже был мрачен.

— Вы использовали меня, — продолжал я, — и теперь празднуете победу. А что делать мне? Мне-то что праздновать? И куда теперь лежит мой путь?

Я резко умолк, злясь на себя за этот порыв. Какое им дело до моего горя? Я отвернулся, ибо лицо мое заливали слезы.

Алый Фьорд ликовал и веселился. Женщины плясали на всех причалах, мужчины орали песни. Серебряное Воинство тоже праздновало возвращение своей королевы.

Мы стояли на палубе корабля — Королева и я. Больше рядом не было никого. Бладрак и его люди слились с радостной толпой на берегу.

— Мне кажется, конец всей этой истории не так уж… — начала она.

— Как вы получили власть над Чашей? — спросил я.

— Мне снились сны, и во сне со мной говорили некие голоса… То, что я делала, я по большей части делала в состоянии транса.

Я посмотрел на нее с сочувствием. Я и сам знал, что это такое — сны и голоса.

— И вам было велено вызвать Чашу, а еще раньше — призвать Черный Меч?

— Да.

— И вам не известно, что представляет собой эта Чаша и почему она издает такие звуки?

— Как говорит легенда, эта Чаша предназначена хранить кровь Солнца. Наполнившись этой кровью, Чаша перенесет ее к Солнцу, и оно вновь оживет.

— Сказки, — усмехнулся я. — Предрассудки. Бабьи сплетни.

— Возможно, — ответила Королева подавленно. Ей было явно не по себе. Я устыдился своей грубости.

— Но почему Чаша кричит?

— Она призывает кровь, — пробормотала она.

— А где она, эта кровь?

И тут меня осенило. Я схватился за эфес Меча:

— На клинке Меча — кровь Солнца! Вот оно что! — Я нахмурился, размышляя. Затем спросил: — А вы не могли бы вновь вызвать Чашу?

— Могла бы. Но не сюда.

— А куда?

— Туда, — сказала она, махнув рукой по направлению к горам. — В ледяную пустыню.

— Вы пойдете туда? Со мной? Сейчас?

— Конечно. Ведь я так обязана тебе, Герой…

— От этого выиграете вы сами — не я.

Глава IV
Меч и Чаша

Серебряная Королева и Вечный Герой отсутствовали две недели. Сначала они отправились на лодке в опустевший Ровернарк. Они хотели отыскать колесницу, на которой Герой прибыл в этот город. Они нашли ее, накормили медведей и отправились на колеснице через горы в Южные Льды.

Они достигли ледяной пустыни. Теперь со всех сторон их окружал один только лед. Холодный ветер развевал их плащи, а они стояли и смотрели на маленькое красное солнце.

— Вы смешали множество судеб, когда призывали меня, — сказал я.

— Я знаю, — вздрогнув, ответила она.

— И теперь пришло время довести до конца предсказание. До самого конца.

— Если только это поможет тебе обрести свободу, Герой.

— Это может хоть не намного, но приблизить меня к тому, чего я так жажду, — сказал я. — Хотя бы на дюйм, не больше — ведь мы имеем дело с космическими величинами.

— Ты полагаешь, что мы лишь пешки в чужой игре? И не можем сами влиять на свои судьбы?

— Очень незначительно, о моя Королева.

Она вздохнула и, раскинув руки, обратила лицо к мрачному низкому небу:

— Я призываю Звучащую Чашу! — воскликнула она.

Я обнажил Черный Меч и встал рядом с нею, уперев острие в лед и обеими руками сжимая эфес.

Черный Меч задрожал и начал свою песнь.

— Я призываю Звучащую Чашу! — вновь провозгласила Королева Луны.

Черный Меч задрожал еще сильнее.

Слезы текли по серебристым щекам Серебряной Королевы. Она опустилась на колени.

Ветер задул сильнее. Он возникал как бы ниоткуда. Это был не обычный ветер.

И в третий раз Королева прокричала в ледяное пространство:

— Я призываю Звучащую Чашу!

Я поднял Черный Меч, — или он поднялся сам? — и острие вонзилось ей в спину. Она ничком упала на лед.

Я поразил ее в спину, чтобы не видеть ее лица в момент смерти.

Тело Королевы судорожно забилось на льду. Она застонала, потом закричала, и крик ее смешался с воем ветра, с кровавой песней Меча, с моим собственным криком муки и боли… А потом к нему присоединился высокий вибрирующий звук, который звучал все громче и громче, пока не заглушил все остальные звуки.

На льду прямо передо мной возникла Звучащая Чаша. От нее исходило яркое, слепящее сияние. Я закрыл глаза рукой и почувствовал, что Черный Меч вырвался из моей ладони.

Когда я снова открыл глаза, то увидел, что Меч висит в воздухе прямо под Чашей.

И с него в Чашу стекает кровь.

Кровь стекала по черному клинку и падала в Чашу, наполняя ее, и, когда Чаша наполнилась, Черный Меч упал на лед.

И тотчас — хотя я не могу поклясться, что это было на самом деле, может быть, мне все это просто показалось — из низких облаков появилась огромная рука, подняла Чашу и понесла ее вверх, все выше и выше в небо, пока не исчезла там совсем.

Вокруг солнца вдруг разлилось алое сияние. Сначала оно было едва заметным, но постепенно росло, усиливалось, становилось все ярче. И полумрак вокруг сменился бледным светом наступающего дня, и я понял, что скоро вновь засияет утро.

+Не спрашивайте, как все это произошло. Как само время повернуло вспять. Я был в обличье многих героев, во многих мирах, но, кажется, мне еще никогда не приходилось видеть столь странное и ужасное зрелище, как тогда, в пустынных Южных Льдах, после того как Черный Меч поразил Серебряную Королеву.

Теперь пророчество осуществилось полностью. Такова была моя судьба — принести в этот мир смерть, чтобы возродить его к жизни.

Теперь я уже совсем по-другому относился к Черному Мечу. Он свершил многое, что в моих глазах выглядело Злом, но, вероятно, это

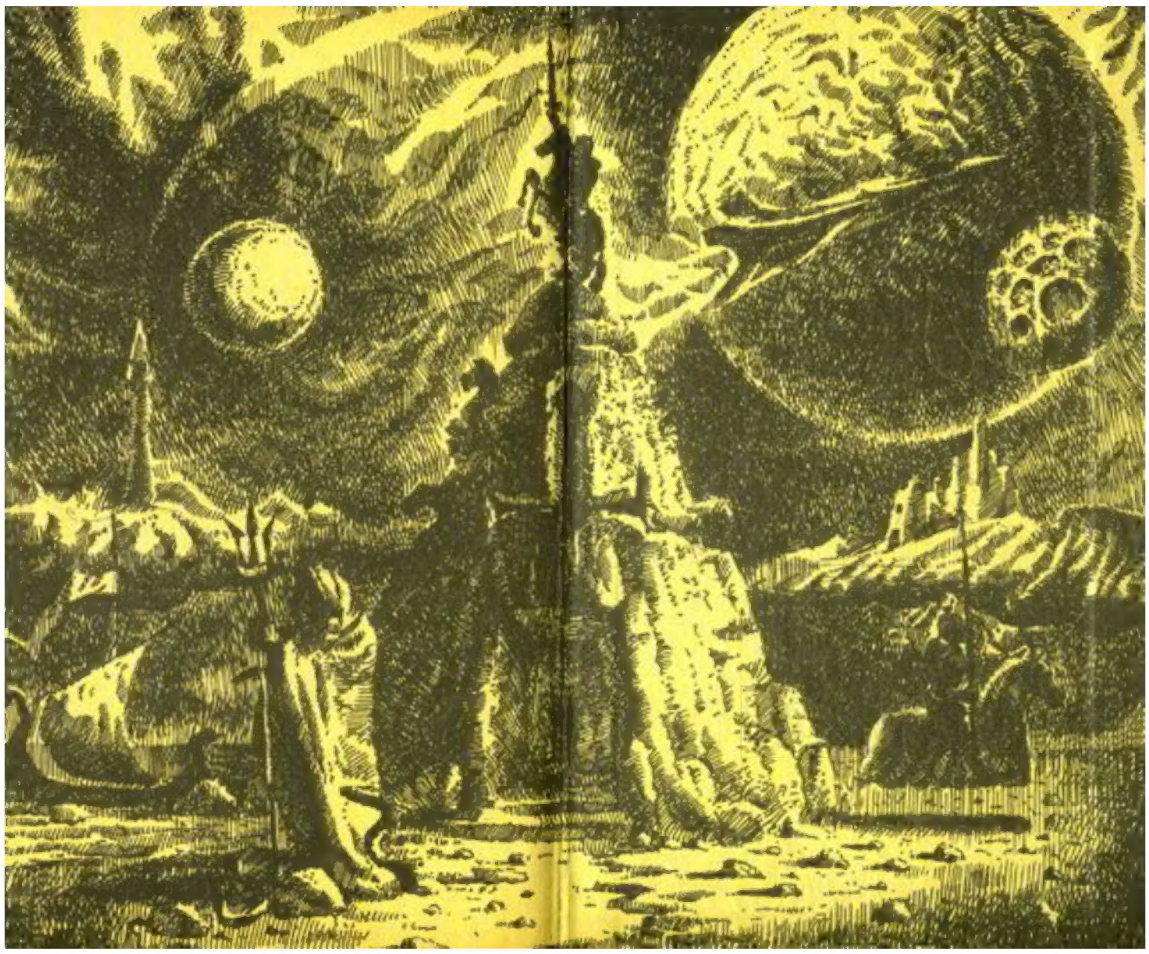
Зло было необходимо, чтобы обеспечить победу Добра.

Я подошел к тому месту, куда он упал. Нагнулся, чтобы поднять его.

Но Меча уже не было. Только тень его осталась на льду.

Я снял с пояса ножны и положил рядом с тенью. И пошел назад, туда, где оставил колесницу.

В последний раз посмотрел я на Серебряную Королеву, лежавшую там, где Меч мой поразил ее. Она призвала на помощь волшебные чары, с их помощью пробудила немыслимые космические силы — и только для того, чтобы спасти свой народ. Но силы эти принесли смерть ей самой.

— А ведь они могли бы принести смерть и мне, — пробормотал я, трогая колесницу с места.

Я полагал, что мне уже недолго здесь оставаться. Скоро меня вновь кто-нибудь призовет. И когда меня призовут снова, я снова попытаюсь найти дорогу обратно, к Эрмизад, к моей принцессе, в царство элдренов. Я буду искать дорогу в Танелорн, вечный, бессмертный Танелорн, и однажды, может быть, я вновь обрету мир и покой.